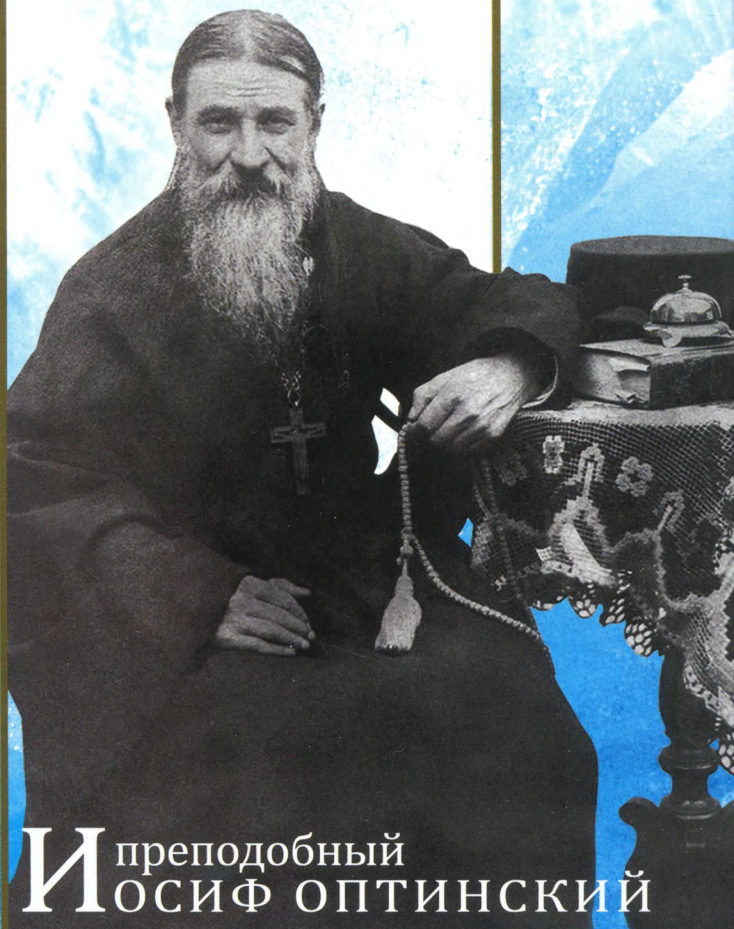

ИЗБРАННИК Божией Матери

жизнь и наставления

И преподобный
ОСИФ ОПТИНСКИЙ

Без смирения никто не увидит Царствия Небесного. Все святые считали себя хуже всех, а мы, великие грешники, мним себя всех лучше...

Господи, ими же веси судьбами смири безумие и гордыню нашу и спаси нас!

*Преподобный Иосиф,
Старец Оптинский*

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-017-3250*

**Избранник Божией Матери. Преподобный Иосиф
Оптинский: житие и наставления.** Редактор-составитель
Карагодин В.Н. — 3-е изд. М. Синопись, 2022. — 240 с.

«Любимче мой!» — так обращалась ко преп. Иосифу Оптинскому во время его посещения сама Царица Небесная. Поэтому и старец Амвросий всех, кто спрашивал у него о внешнем виде Божией Матери, отправлял к своему любимому ученику и преемнику по старчеству о. Иосифу. Впрочем сам преп. Иосиф всегда уклонялся от ответа, считая себя недостойным небесных явлений. Всё его старческое служение было покрыто ризой Богоподобного Смирения.

Настоящее издание книги подготовлено на основании многих источников, которые издала Оптина Пустынь сразу после блаженной кончины Великого Старца.

ISBN 978-5-907554-33-7

© Карагодин В.Н., 2020.
Редактор-составитель.
© Синопись, 2022. Издание

*«Чтобы познать христианство,
необходимо познакомиться с жи-
знью оптинских старцев».*

И.В. Киреевский

**Избранник Божией Матери.
Преподобный Иосиф Оптинский:
жизнь и наставления**

*Издание третье,
исправленное и дополненное*

СИНОПСИЪ

2022

Преподобный Иосиф Оптинский

ИЗБРАННИК БОЖИЕЙ МАТЕРИ

(предисловие редактора)

Любимейший ученик преподобного Амвросия — схииеромонах Иосиф — стал преемником великих Оптинских Старцев, в полноте даров Духа Святого неся этот великий подвиг служения миру.

Особо благоволила к этому смиренному труженику Любви Сама Царица Небесная: ещё в раннем детстве будущий схимник сподобился зреть её телесными очима; «Любимче мой!» — так Богородица обращалась к скромному послушнику, посетив его во время болезни.

Из жизнеописаний Старца следует, что он по крайней мере дважды сподобился видеть Царицу Небесную, о чём имеются убедительные свидетельства. Но сколько раз послушники и духовные чада преподобного, взирая на него, вчера умирающего и вдруг укреплённого в силе Духа, вчера изнемогающего и вдруг исполненного тихой радостью и умилением — имели основания предполагать, что он сподобился благодатного видения!?

Сам Батюшка положительно говорил о своём видении только в детстве. О посещении Девой

*Явление Божией Матери преподобному Иосифу Оптинскому
во время его болезни*

Марией во время его болезни нам стало известно только со слов другого послушника преподобного Амвросия (что подтверждал не раз и сам о. Амвросий), благодаря дивному Промыслу Божьему, который таким образом хотел указать на своего избранника. Сам же о. Иосиф по своему глубокому смирению никогда не говорил о посещении Божьей Матерью, и когда его великий авва посылал к нему некоторых посетителей с вопросами: «Как выглядела Божья Мать?» или «Похоже ли изображение на писанной иконе на Богородицу?» — всегда уклонялся от ответов. Так что сколько раз он сподоблялся

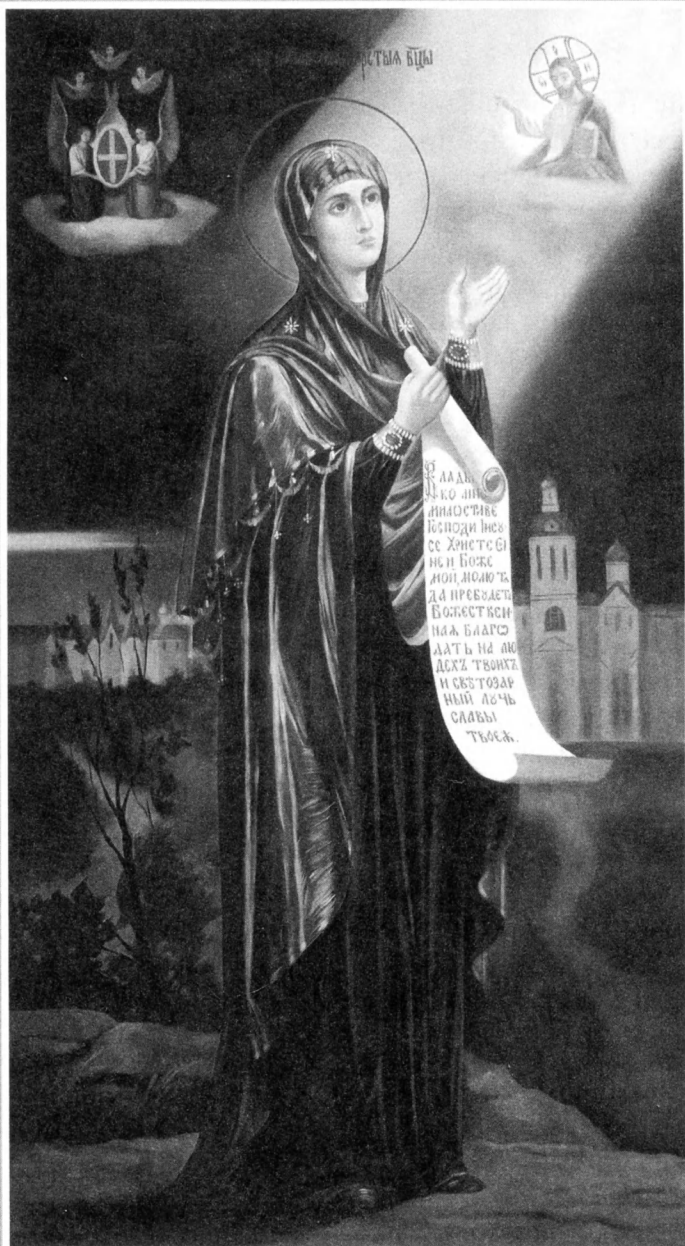
небесного посещения: два, три или больше — сказать определённо нельзя.

Но зато из его жития следует, что он непрестанно находился в молитвенном общении с Пречистой и в тех случаях, когда требовала необходимость, как последний довод говорил: «А что, если это не моя воля, а самой Царицы Небесной?» И все аргументы самонадеянного ума рассыпались от этих слов Великого Послушника.

Если попытаться кратко, в нескольких словах передать образ незабвенного Батюшки, то, пожалуй, можно сказать следующее: это был Старец, который видимо излучал свет Божественной благодати. Весьма многие и многие свидетельствовали, что они видели телесными очами, как свет Божественной благодати почивал на Старце, как из его глаз буквально лились потоки лучей, как от его лика исходило яркое сияние.

Этот Фаворский Свет Божественной жизни явственно озарил лицо праведника и в момент его блаженной кончины, чем привёл в трепет всех присутствующих.

Этот дивный Фаворский Свет, свет Божественной кротости и смирения озаряет и всё житие Великого Старца, его поучения и письма, наполняя сердца жаждущих водой Жизни Вечной.

Сподобившись в раннем детстве явления Царицы Небесной, преп. Иосиф до конца своих дней пребывал в благодатном общении с Матерью Божией

Жизнь в миру

Великий Оптинский Старец иеросхимонах Иосиф, в миру Иван Ефимович Литовкин, родился в 1837 году 2 ноября, в с. Городище, Старобельского уезда Харьковской губернии. Родители его — Ефим Емельянович и Марья Васильевна Литовкины — были люди простые, но очень благочестивые, добрые и умные. Отец его 17 лет был в своём селе головой и пользовался большим уважением и любовью. Как он, так и его жена были очень милостивы к бедным: они раздавали свои достатки щедрою рукою и даже нередко тайно друг от друга. Ефим Емельянович давал в долг, кто нуждался в деньгах и, случалось, что так и не получал их обратно. Любил принимать в свой дом сборщиков-монахов, и непременно каждому из них подавал на обитель немалую сумму денег.

По старинному обычаю они очень любили ходить в храм Божий и читать духовные книги, особенно жития святых. У них было шестеро детей — три сына и три дочери. Когда родился второй сын, то родители назвали его Иоанном, в честь св. Иоанна Милостивого, к которому имели особенное усердие. Истинно любя своих детей, они не столько старались дать им земное богатство, сколько сокровище небесное, а потому и воспитывали их в страхе Божиим, в благочестии и повиновении. Отец

был очень мягкого характера, а мать была пострже. Дети её очень боялись, но и любили, также как и она их. Отец больше всех любил Иоанна, который и лицом был похож на него. Однажды он взял мальчика с собой покататься на дрожках и за какой-то каприз наказал его дорогой. После нежный отец долго жалел об этом, говоря: «Эх, хлопца-то я ударил».

Грамоте начала его учить старшая сестра Александра, особенно его любившая; поэтому, когда его отдали в училище, то он уже умел читать и вообще учился хорошо. «В училище, — рассказывал сам батюшка, — меня не наказывали; а один раз учитель велел мне наказать моего меньшего брата Петра, — так мне это было очень трудно и после на душе нехорошо».

Мать всех маленьких детей водила с собой в церковь и дома заставляла молиться вместе с нею. По рассказам самого старца, он с малого детства любил бывать в церкви, где он даже пел на клиросе. «Помню, как бывало мать будила меня, чтобы идти к утрени и обедни, а мне не хочется рано вставать с постели; но делать нечего, надо было вставать. За то в церкви и после весь день так было мне хорошо и весело на душе!»

Потом ещё опять рассказывал: «Дома тоже мать заставляла меня читать акафист Спасителю или Божией Матери. Иногда, бывало, стоишь, молишься, а в окно увидишь: ведут медведя по улице, шум, народу много, и страшно так станет, и ещё усерднее начнёшь молиться». При этом иногда

его спрашивали посетители: неужели им, детям, не хотелось подойти к окну и поглазеть на диковинку? «Нет, этого нельзя было, — у нас мать строгая была», — говорил он.

Иван с детства был болезненный, золотушный; отчего на одно ухо всегда плохо слышал и был близорук. Кроме того, с ним часто случались разные приключения. Ещё когда он был маленьким, его сестра по нечаянности посадила на очень горячую лежанку. В другой раз он сам обварился кипятком. Ещё один мальчик с разбегу сбил Ивана с ног; вследствие чего он откусил себе кончик языка. От природы он был очень резвым и весёлым ребёнком.

Его сестра, впоследствии монахиня, рассказывала, что маленький Ваня был очень ласковым ребёнком. Своей нежной и чуткой душой он как-то умел чувствовать чужое горе; между тем как прирождённая скромность и застенчивость не позволяли ему высказываться. Так он, бывало, когда заметит, что кто-либо из домашних ходит скучный, то всё будет тереться молча около этого человека, всё будет прижиматься и ласкаться.

Отец всегда говорил про него: «Из этого мальчика выйдет что-нибудь особенное». А надо заметить, что о ком из своих детей Ефим Емельянович говорил что-нибудь, то после сбывалось в точности. Между прочим он выражал и тогда желание, чтобы кто-нибудь из его детей пошел в монашество. И вот первая откликнулась на его желание дочь его Александра (впоследствии монахиня Леонида), а за нею после, в своё время, и сын Иоанн. Законоучитель Вани,

очень хорошей жизни протоиерей, с другой стороны, тоже говорил про мальчика: «Вот посмотрите, из него выйдет что-нибудь необыкновенное». Так с самого раннего детства все замечали на нём особую печать благоволения Божия.

В четыре годика Ваня лишился своего доброго отца, который умер внезапно. Но и под крылышком нежно любящей матери малюткам жилось хорошо.

Когда Ване было 8 лет, он, играя однажды с товарищами, вдруг изменился в лице, поднял голову и руки кверху и тут же упал без чувств. Его принесли домой и уложили; когда он пришел в себя, то его стали спрашивать, что с ним случилось? Мальчик сказал, что он увидел на воздухе Царицу. «Да почему же ты думаешь, что видел Царицу?» — спросили у него. «Потому что на ней была корона с крестиком», — отвечал он. «Ну, а почему же ты упал?» — снова спросили у него. На это он, потупив глазки, тихо сказал: «Около неё было такое солнце... я не знаю, не знаю, как сказать!» — добавил он быстро и заплакал.

Дивное видение это оставило глубокие следы в душе 8-ми летнего ребёнка. Он с тех пор совсем изменился, сделался тих, задумчив и стал уклоняться от детских игр, находясь неотлучно при матери; взгляд его кротких глаз сделался ещё глубже, и в его детском сердечке загорелась живая вера и любовь к Царице Небесной.

Вскоре после этого в их селе случился большой пожар, а они незадолго перешли в новый, только что отстроенный дом. Ребёнок видел испуг

домашних и сам понимал опасность. Не зная к кому обратиться за помощью, он стал протягивать ручки к находившийся вблизи их дома церкви, в имя Покрова Пресвятой Богородицы и кричать: «Царица Небесная! Оставь нам наш домик, ведь он совсем новенький!» Детская молитва эта была услышана, — всё кругом сгорело, а дом Литовкиных остался цел.

Старший брат Иоанна Семён был к этому времени уже женат, и сестра Анна вышла замуж; а через два года мать отвезла свою дочь Александру в Борисовскую пустынь и там, поручив её Царице Небесной, оставила. Все домашние были очень опечалены отъездом кроткой и любящей девушки, но Ваня больше всех скорбел и плакал о разлуке с любимой сестрой.

Но скоро его ожидала новая, ещё более тяжелая разлука. Через год, в 1848 г., когда ему было 11 лет, в их селении появилась холера, и первой жертвой этой страшной гостии была его мать. Теперь мальчики Иван и Пётр оставались круглыми сиротами. На похоронах маленький Иван в сильной скорби воскликнул: «Царице Небесная, что же Ты делаешь? И сестрица ушла в монастырь, и матушку Ты у нас взяла!» Все присутствовавшие невольно заплакали, услышав излияние этого детского горя; а священник, тот самый протоиерей, провидевший в мальчике будущего избранника Божия, записал эти слова и время. После узнали, что жившая в монастыре его сестра Александра Ефимовна, ничего ещё не зная о смерти матери, в этот самый день

и час очень тосковала, и в легком сне увидела, что по реке плывёт гроб с её матерью; — при этом она слышала те самые слова: «Царица Небесная, что же Ты делаешь...» и пр.

С той поры жизнь круглых сирот круто изменилась. Старший брат сделался хозяином; и хотя он был очень способный человек, но был подвержен большой слабости — пил вино. (О нём старец всегда отзывался хорошо, как о человеке честном и благородном, которого, по слабости характера, дурное общество довело до расстройств. У старца хранилось два его письма, которые он думал даже отдать в печать, как образец смиренного сознания и искреннего, глубокого раскаяния.)

Как только умерла мать, то Семён Ефимович очень скоро дом и всё родительское имущество спустил до нитки; и когда через год приехала из монастыря Александра Ефимовна, то ничего уже не нашла на родине. Родные упрасивали её остаться, чтобы воспитывать сирот; особенно Иван неутешно плакал и упрасивал сестру не оставлять его. «Бывало, — рассказывала она, — ухватятся они ручонками за мой пояс и горько плачут: «Сестрица, возьмите нас с собой в монастырь, — нам здесь не с кем жить!» Так сердце просто кровью обливается, глядя на них. Эти слова Ваня даже и во сне всё повторял».

Невыносимо тяжело было и самой Александре Ефимовне расставаться с ними, в особенности со своим любимцем; но она твёрдо решилась ради Бога жертвовать всем и идти своим путём, заботясь

по возможности и в монастыре о своих маленьких братьях. Впоследствии этой скорби и непосильной заботы, она на всю жизнь потеряла здоровье; и хотя от мучительной болезни, постигшей её вскоре после возвращения в монастырь, она потом и исцелилась у Козельщанской иконы Божией Матери, но навсегда осталась слабая, болезненная, с разбитыми нервами. Она после рассказывала, что в тот раз едва было не решилась взять с собой Ивана и поместить его в ближайший от Борисовки мужской монастырь, но помянутый протоиерей отклонил её от этого. Видно, Господу угодно было испытать верного раба Своего.

Старший брат оставил Ивана у себя, а младшего Петра взяла к себе замужняя сестра. Но вскоре Семён Ефимович принужден был сам идти в чужие люди, и потому брата он тоже определил на место. С той поры и начались для него мытарства горького сиротства. Много всего пришлось переживать и перенести бедному ребёнку, привыкшему к нежным родительским ласкам. Тяжела и сурова была его доля, — всего пришлось испытать ему, — и холоду, и голоду, и побоев, и трудов непосильных.

Сначала старший брат поместил Ивана к своему знакомому трактирщику (владельцу кабака). Здесь бедный мальчик особенно тосковал. Брат часто приезжал к хозяину играть в карты и пить вино, и ребёнку приходилось всё делать одному, так как они с хозяином жили только вдвоём. Не вынеся такой жизни, Иван ушел от своего хозяина к брату, и тот, хотя и пожалел его, но вскоре опять поместил

к армянину в г. Нахичевань. Там он тоже не долго оставался и был помещен в бакалейную лавку в Таганроге. Здесь ему приходилось ходить за пищей в квартиру хозяина на конец города. Однажды он шел с посудой в лавку и, сильно утомившись, присел отдохнуть и тут же заснул крепким сном. В это время с него сняли сапоги и унесли посуду, а затем полицейский забрал его в часть. Дома, конечно, тоже досталось от хозяина и за сапоги, и за обед...

От этого хозяина Иван тоже ушел и отправился пешком в Новочеркасск, к двоюродному брату, бывшему там диаконом. Шел он голодный, так как у него кроме двух-трёх сухарей ничего не было. Про это путешествие он сам рассказывал так: «Два дня я совсем ничего не ел, — просить как-то не умел, а люди сами не давали; так и смирялся не евши. Когда же пришел я в Новочеркасск, то разыскал ту церковь, в которой служил мой брат, и в ожидании, когда кончится обедня, сел на паперти. Тут мимо меня прошли две казачки с булками, и одна из них сказала: «Наверно, этот мальчик сирота и ничего не ел», — и дала мне булку. Уж как я ей обрадовался; и так она мне показалась вкусна, точно манна с неба».

У этого брата диакона ему хотя и хорошо было жить, но оставаться долго нельзя было; и тот его отправил к своему тестю — священнику, где его все очень полюбили, и он прожил там порядочно. Из жизни у этого священника батюшка о. Иосиф вспоминал один эпизод. Раз святками дочь

священника задумала гадать в зеркало в полночь; одной ей было страшно сидеть, и она посадила его с собой. «Мне очень хотелось спать, — говорил он, — и я, чтобы не заснуть, начал читать молитву, — и так мы ничего и не увидали».

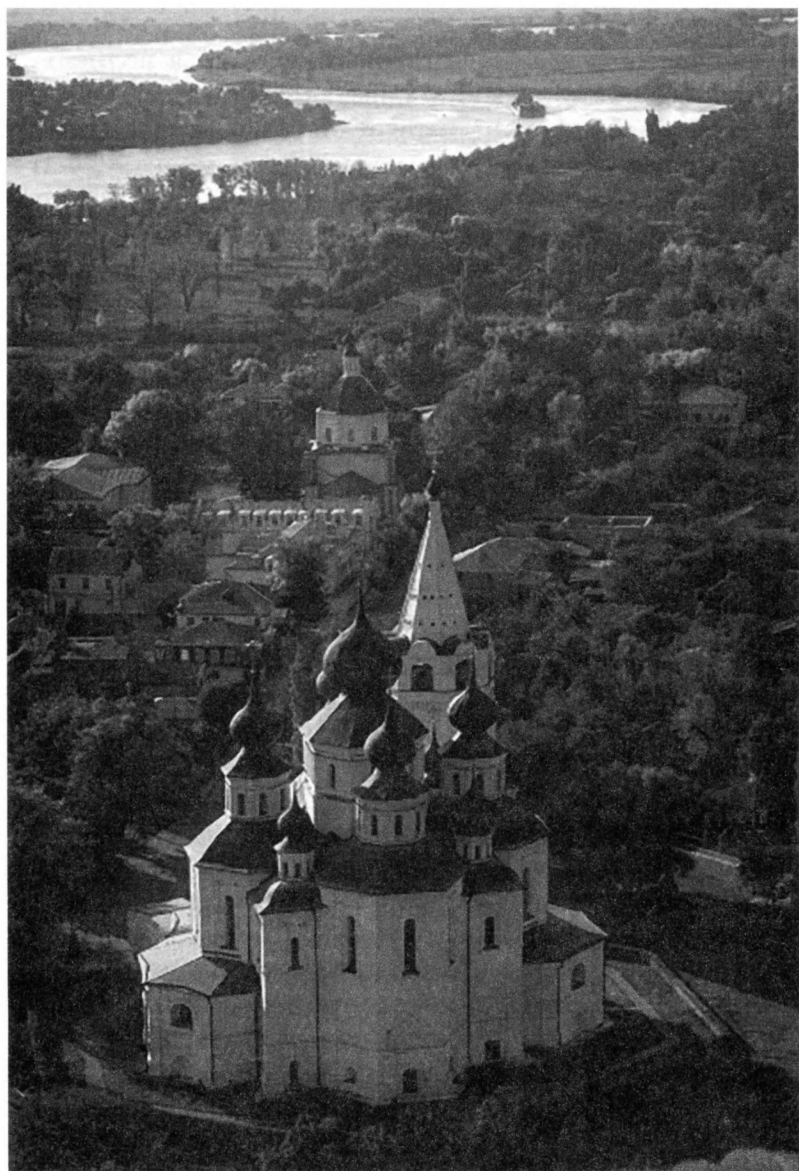
После сестре Александре удалось поместить своего брата в железную лавку; но везде одинаково было ему трудно. Однажды хозяин, бывший ктиторм собора, послал его что-то сказать рабочим, бывшим на верху стройки. Туда он взобрался скоро, но когда стал опускаться, у него закружилась голова, и он упал без чувств.

Когда ему случалось совсем оставаться без места, то он нанимался в поденные. «Кто хочет трудиться, — говорил он после, — тот всегда найдёт себе дело».

Приходилось ему переносить 5-ти пудовые мешки с мукой и другие тяжести. Однажды он, таская доски с плотов, оступился, упал в воду и стал тонуть, так как попал между двух плотов и выплыть было некуда. Но вдруг какая-то невидимая рука точно вытолкнула его на поверхность воды, и Господь спас его от смерти.

В другой раз везли они с хозяином кожаный товар. Ночевать остановились на постоялом дворе; хозяин пошел спать в избу, а Иван остался на возу. Ночью случился пожар; в суматохе про него все забыли, а он от усталости так крепко спал, что ничего не слышал, и когда утром проснулся, то не мог сообразить, где он находится, так как кругом всё выгорело.

Ещё как-то нужно было Иоанну из Ставрополя

На берегах благодатного Дона прошла юность старца Иосифа

отправится в Ростов для приискания места у какого-либо хозяина. В это время один армянин накупил в Ставрополе картофеля и тоже отправился на двух подводах в Ростов. Его и нанял Иоанн довести его до места, хотя обоим им большею частью пришлось идти пешком, так как на телегах нагружен был картофель. Подъехали они к Дону, где был казённый перевоз и были устроены казармы для казаков. Но Дон начал разливаться по той причине, что с моря дул ветер и нагонял воду. Казаки отказались перевозить. Не желая терять времени, армянин предложил Иоанну ехать с ним берегом. Поехали; но вода всё более и более прибывала. Тогда Иоанн, несмотря на уговоры армянина, возвратился пешком к казармам. Пришлось ему идти по пояс в воде. Добравшись же до казармы, он здесь переночевал, а солдаты дали ему сухую обувь; когда же он стал снимать свои сапоги, то оказалось, что они примерзли к ногам. На другой день вода сошла, и его перевезли на другую сторону Дона, и он уже продолжал путь свой до Ростова пешком.

Так юный Иоанн постоянно подвергался опасностям, но Господь везде хранил сироту; и, несмотря на то, что юность его протекала в среде грубой и нередко развращённой, ничто дурное не повредило его чистой души. Вина он никогда не пил и в карты не играл. Однажды его, бывшего в большом городе, подчевали слабенским виноградным вином, называвшимся чихирь. Но, выпивши рюмку, он тотчас же почувствовал, что охмелел и у него закружилась голова. Тут же он дал

себе слово никогда больше не брать в рот никакого вина. «Если уж от такого слабого вина, выпитого в таком малом количестве человек хмелеет: то что же с ним может быть, когда он выпьет много», — подумал благоразумный юноша. К женскому полу он был совершенно равнодушен. Его как-то спросили: «Нравился ли вам кто в миру?» На это он ответил с такой наивной простотой, которая лучше всего доказывала его искренность и невинность: «Да ведь я был близорук и никого не мог хорошо рассмотреть издали; а близко подходить совестился — был застенчив. Бывало, для меня очень трудно, когда хозяин при гостях пошлёт позвать кого-нибудь, а я издали никак не разберу, к кому нужно подойти».

Вообще он всегда в миру испытывал тоскливое чувство; и молитва — это единственное наследство, доставшееся ему от благочестивых родителей, — была неизменной спутницей его скорбной жизни, и храм был единственным местом утешения, куда его всегда влекло благочестиво настроенное сердце.

Наконец, ему удалось попасть на хорошее место в Таганрог, к купцу Рафаилову, который будучи человеком благочестивым, вместе с ним ездил к церковным службам. Обязанность его у этого хозяина была принимать рожь, которую привозили из разных мест чумаки, и затем развозить в городе по разным конторам и русским, и греческим. В летнее время дел было много, осенью меньше, а зимой и вовсе нечего было делать. Таким образом, по наступлению осени, хозяин и предложил Иоанну

отправиться на мельницу, которая находилась в селе и была отдана одному малороссу в аренду. Не любивший молву людскую, Иоанн рад был пожить в сельской тишине. В наступающую зиму Иоанну почти нечего было делать на мельнице, так как мельница арендатором ремонтировалась. Между прочим, мельник-старик оказался человеком благочестивым; по праздникам всегда ходил к службам церковным. Оба они сблизились с приходским диаконом, вместе читывали святыя книги, какие обретались в церкви, а в праздничное время втроем беседовали по душам. Так жил Иван Ефимович до весны. О монашестве он ещё не думал; но в это время получил он от сестры своей монахини Леониды письмо, в котором она советовала ему поступить в монашество, в скит Оптиной пустыни, уже давно славившийся духовно-опытными старцами. С сего времени возгорелось у Ивана Ефимовича сильное желание оставить мир и поступить в монастырь. Между тем, хозяин очень полюбил сего благонравного юношу за его скромность, честность и трудолюбие, и такое возмелось к нему расположение, что стал подумывать выдать за него свою дочь. Однажды старший сын этого купца, придя от обедни, сказал родителям: «Я сегодня в церкви не столько молился, сколько смотрел и умилялся на Ивана Ефимовича: как он хорошо стоит в церкви, как усердно молится, ни разу в сторону не посмотрит, весь в Боге; лучшего человека нам и не сыскать для сестры, не надо его упускать». Так добрые качества его души

сами собой обнаруживались и привлекали к нему любовь и уважение.

Но юный Иоанн был далеким мыслями и сердцем от земных привязанностей. Его чистую душу влекло уже теперь к пустынным инокам в сожительство. Любимым его занятием с детства было чтение жития святых, — и вот эти дивные образы, озарённые сиянием небесной славы, вставали перед ним и заслоняли собой все красоты мира сего... Его душа не находила себе простора в обыденной трудовой и суетливой жизни, и у него явилось непреодолимое желание хотя на время вырваться из сутолки жизни и отправиться на богомолье и на поклонение святым местам. Заветной мечтой его было добраться до Киева, где он мог бы трепетным сердцем и устами приникнуть к святым останкам живых носителей вседействующей благодати Божией, и он лишь усердно молился: «Господи, скажи мне путь, в он же пойду».

Узнав о желании Ивана Ефимовича отправиться на богомолье в Киев, Рафаилов стал было усиленно уговаривать его остаться в Таганроге и тут же открыл ему своё желание отдать за него свою дочь.

«Всегда так бывает, — говорил сам старец, вспоминая впоследствии это обстоятельство, — как только задумает человек идти путём спасения, так сейчас же является препятствие и искушение». И на самом деле: жил человек среди скорбей, невзгод и испытаний, и люди приходили мимо, как бы не замечая его; а как только душа начала отделяться от земного, так мир сейчас же явился к его услугам.

Для бедного сироты вся будущность представлялась в безысходной нужде, в постоянной зависимости... а тут вдруг женитьба на дочери богатого купца и, следовательно, полная возможность сделаться самому самостоятельным и богатым человеком... Разве это не искушение? Разве не сеть для неопытного птенца?! Но тот, кто уже был пленён любовью Христовой, легко и быстро перешагнул через неё и сразу решил вопрос, над которым другой на его месте, пожалуй, и очень бы призадумался. Ни минуты не колеблясь, он повторил хозяину свою просьбу отпустить его помолиться, остальное предоставив воле и указанию Божию.

Добрый же хозяин его Рафаилов, видя искреннее и горячее стремление юноши к Богу, не посмел его более удерживать и отпустил с миром и любовью, прося непременно вернуться и оставаться в Таганроге навсегда.

С котомкой за плечами отправился юный путник к цели своих заветных дум. Священный Киев уже стоял перед его мысленным взором. По дороге он зашел на свою опустелую родину, поклонился родным могилам и, бросив прощальный взгляд на место, где так быстро промелькнуло его счастливое детство, пошел дальше. Зайдя в Святые Горы Харьковской губернии, он провёл там несколько отрадных дней и умилялся душою, глядя на мирную жизнь иноков тихой обители. Но оставаться здесь ему не захотелось, его влекло туда, где широкий Днепр катил свои тихие волны...

Из Святых Гор он направился к последней

остановке на своём пути, Борисовской женской пустыни, где, как известно уже, иночествовала его сестра под именем Леониды.

Мать Леонида была нежным и хрупким существом, кроткого и ранимого нрава. Оставшись без всяких средств, она принуждена была сама жить в келейницах и, кроме монастырского послушания, исполнять все чёрные работы для монахинь, у которых жила. Но потеряв здоровье, она совершенно не могла работать, и её взяла на своё попечение одна монахиня, ставшая впоследствии её духовным другом. (Когда инокия Леонида на первых порах монашеской жизни подверглась большим искушениям и помышляла оставить монастырь, её почившая матушка явилась ей во сне и строго упрекала свою дочь иноческими обетами. Когда последняя рассказала об этом Батюшке о.Амвросию, он сказал ей: «Твоя мать — святая!»)

Борисовская пустынь в то время отличалась строгою монашескою жизнью и тем, что находилась под духовным руководством оптинских старцев. И в самой пустыни были опытные и мудрые старицы, руководившие молодыми сёстрами. Мать Леонида со своей сподвижницей монахиней Анатолией находилась под непосредственным руководством мудрой старицы схимонахини Алипии, которая в свою очередь была ученицей оптинских старцев Леонида и Макария. Мать Леонида, бывшая однажды со своей старицей в Оптиной пустыни, со слезами передавала старцу о.Макарию свою скорбь о сиротах братьях и выражала горячее желание, чтобы

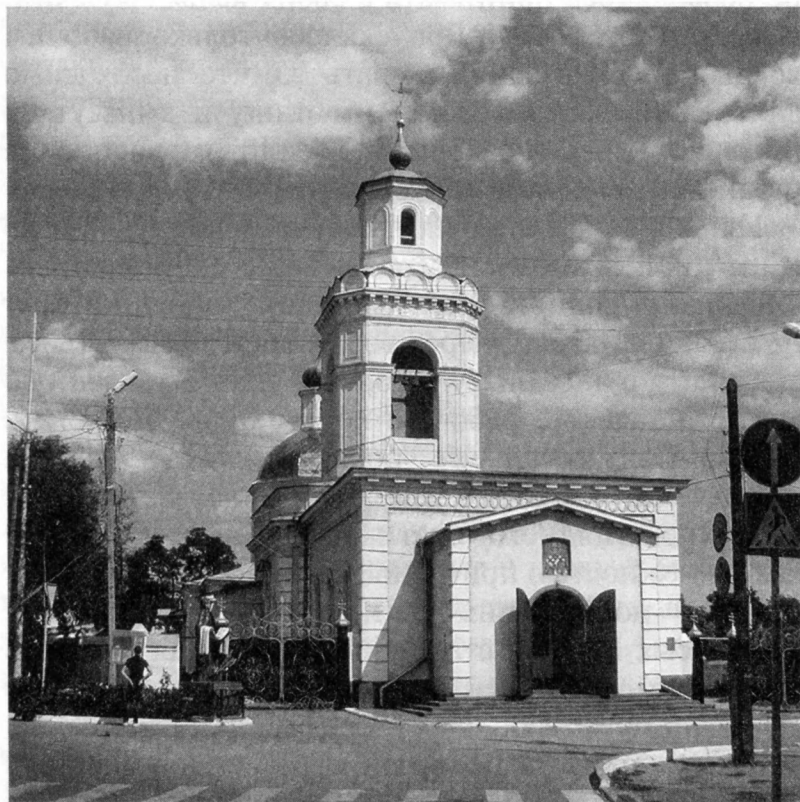
её любимец Ваня пошел в монастырь. «Не скорби, — сказал ей ласково старец, — он будет монахом».

В то время когда Иван Ефимович пришел в Борисовскую пустынь, там начальствовала игуменья Макария — высокой духовной жизни; порядки при ней были очень строгие. Так, например, монахиням не позволялось принимать в своих кельях мужчин, даже родного отца. Допускалось только рабочим во дворе или в сенях сделать то, что необходимо для кельи. Сёстры сварят им пищу и вынесут на крыльцо; зимой рабочие уносили горшочки на странноприёмную и там обедали.

Узнав о таких строгих правилах монастыря, и не имея иной возможности видаться с единственным близким и родным ему человеком, любящий брат не останавливается перед возникшем препятствием — берёт в руки лопату и топор и идёт в указанную келью в качестве рабочего колоть дрова и чистить снег... Полуживая от болезни, мать Леонида обливалась горькими слезами, глядя в окно на своего ненаглядного «братика». С какою любовью, с какою нежностью пригубила бы она своего сиротку, но обет послушания свят, и она покорялась и молилась... Мудрая старица Алипия, зная духовное устройство своей ученицы, и как больно и тяжело её нежному и любящему сердцу, так много уже выстрадавшему, такое терзание, разрешила впустить скромного и богобоязного брата в келью, взяв на себя всю ответственность перед строгой игуменьей.

О, счастливые часы! Сколько тут было пролито слёз радости и скорби, сколько воспоминаний

пронеслось перед ними, сколько было высказано всего задушевного, тайного, глубокого!... Старица Алипия не раз прислушивалась к их беседе и, заметив в юноше истинное стремление к Богу и готовность к подвигу, она сказала ему: «Оставь свой Киев и иди в Оптину к старцам». Иоанн вопросительно взглянул

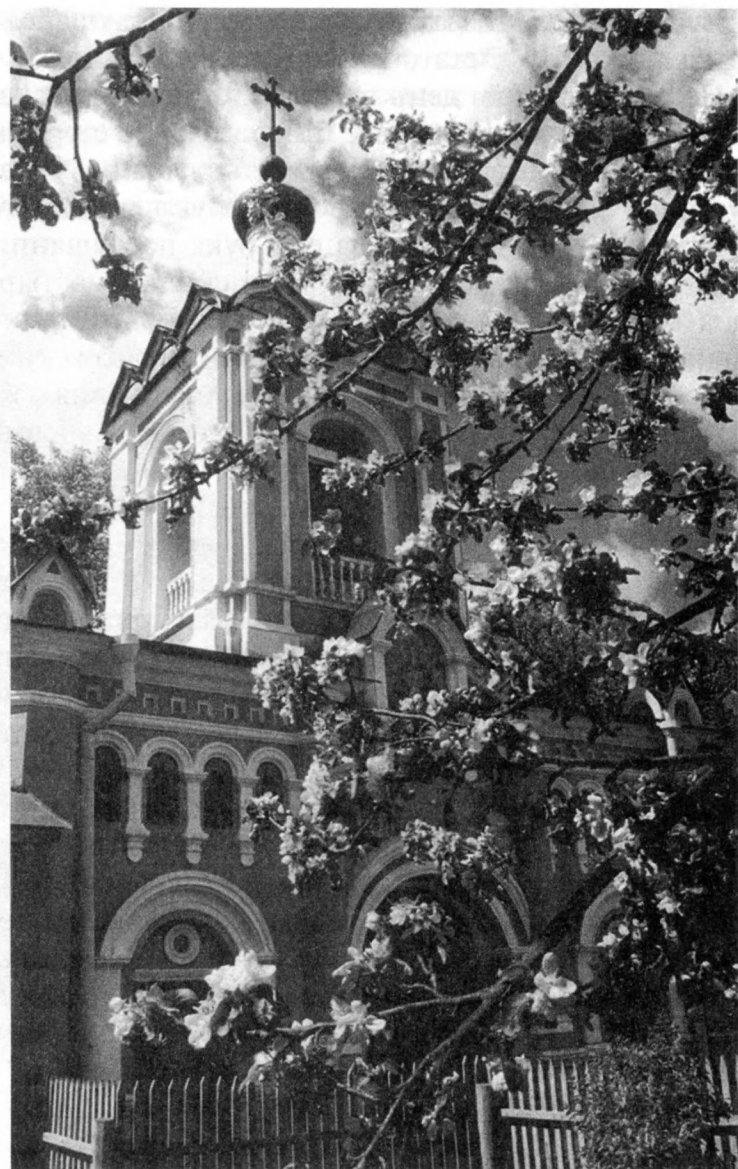

*Свято-Никольская церковь в Таганроге, которую часто посещал
юноша Иван Литовкин и где ныне покоятся мощи
преп. Павла Таганрогского*

на сестру и в её глазах прочёл ответ «послушайся». Этих слов было достаточно — Киев был забыт...

На следующий день с тою же котомкой за плечами, приняв последнее благословение старицы и сестры, заменявшей ему мать, Иоанн снова пустился в путь, но уже не туда, куда влекло его сердце, а туда, куда указала ему рука послушания. Дойдя до Билева, он зашел в женский монастырь узнать, как ему добраться до Оптиной пустыни. Монахини этой обители, подобно Борисовским, все относились к старцам. Старца о.Макария уже не было в живых, и в Оптиной засветился новый светильник, — непосредственный ученик старцев Льва и Макария — старец о. Амвросий.

Случилось, что в этот день две белевские монахини ехали в Оптину и, узнав, что молодой путник идёт издалека и стремится к старцу, взяли его с собой на козлы. Приехав в Оптину, монахини пошли к старцу Амвросию и, между прочим, сказали ему: «Батюшка, а мы с собой привезли ещё брата Ивана», называя его в шутку «братом», в виду его монашеских наклонностей. Старец серьёзно на них посмотрел и сказал: «Этот брат Иван пригодится и нам, и вам». Так великий старец Амвросий, ещё не зная о ком идёт речь и не выдав человека, уже провидел его высокое назначение и пророчески предсказал, какую пользу он впоследствии принесёт и самой Оптиной, и всем женским обителям, относящимся к старцам.

Святые Врата Предтеченского скита Оптиной Пустыни

Благословенная Оптина

С трепетом предстал перед старцем Амвросием новый пришелец; просто, незатейливо рассказал ему свою жизнь и просил благословения пойти в Киев, куда так давно стремилась его душа и где, быть может, он и совсем бы мог остаться... Прозорливый старец слегка ударил его по голове и сказал: «Зачем тебе в Киев, — оставайся здесь». Снова заветный Киев ускользал от него, но Иоанн глубоко верил, что в словах старца заключается для него указание воли Божией, о котором он так молился и потому со словом «благословите» он поклонился старцу и врупил ему себя. Это было 1 марта 1861 года.

По оптинскому обычаю каждому новичку даётся послушание на кухне. И новый «брат Иоанн» был назначен в скиту помощником повара. С первых же дней его новой жизни обнаружились добрые качества его души: задатки беспрекословного послушания, молчаливости и скромности стали крепнуть и развиваться под влиянием духовного воспитания. Тихая монастырская жизнь пришлась ему по сердцу; здесь он отдыхал душой и радовался, что мир остался где-то позади, и сюда не проникает его шум и суета. Навидавшись и натерпевшись всего в миру, он мог вполне оценить тишину обители.

Так прошел Великий пост и Пасха, наступали Петровки. На день заговенья братия поужинали и пошли на вечернее молитвенное правило. В трапезной шла уборка. Брат Иван убирал посуду и, обтирая пальцем оставшуюся в чашках

сметану, простодушно облизывал её. Вдруг он почувствовал, что сзади кто-то положил ему руку на плечо. Оглянувшись, он увидел перед собой скитона начальника о. Пафнутия. Покраснев, брат Иван стоял, как виноватый, но начальник, ласково улыбаясь, сказал ему: «Брат Иван, хочешь перейти к старцу?» «Я растерялся, — рассказывал впоследствии сам батюшка о. Иосиф, — и вместо того, чтобы ответить: как благословите, сказал: хочу». Между тем, извиняясь перед начальником, брат Иван проговорил: «Простите, батюшка, я всё ем». О. Пафнутий сказал: «Ешь и пей; да только дело разумей».

На другой день он перебрался в хибарку старца Амвросия, где и прожил ровно 50 лет.

Близость к старцу с одной стороны утешала и радовала его, а с другой нередко смущала его неопытный ум. Постоянный приём посетителей, постоянная суeta и молва стали скоро тяготить его. По неопытности своей в духовной жизни, он не высказывал старцу своего чувства и смущения, и помысел за помыслом надвигались на его смущенную душу... Однажды сел он у стола опершись рукой, и весь отдался охватившим его мыслям, — и заветный Киев с его святынями снова вырос в его воображении, и священный Афон с его пустынниками, отшельниками и келиотами... «Вот там — настоящая жизнь монашеская, там — святость, там — дивные старцы-подвижники..., а здесь... здесь не то; здесь всё народ, здесь не всегда приходится быть даже и в церкви, некогда

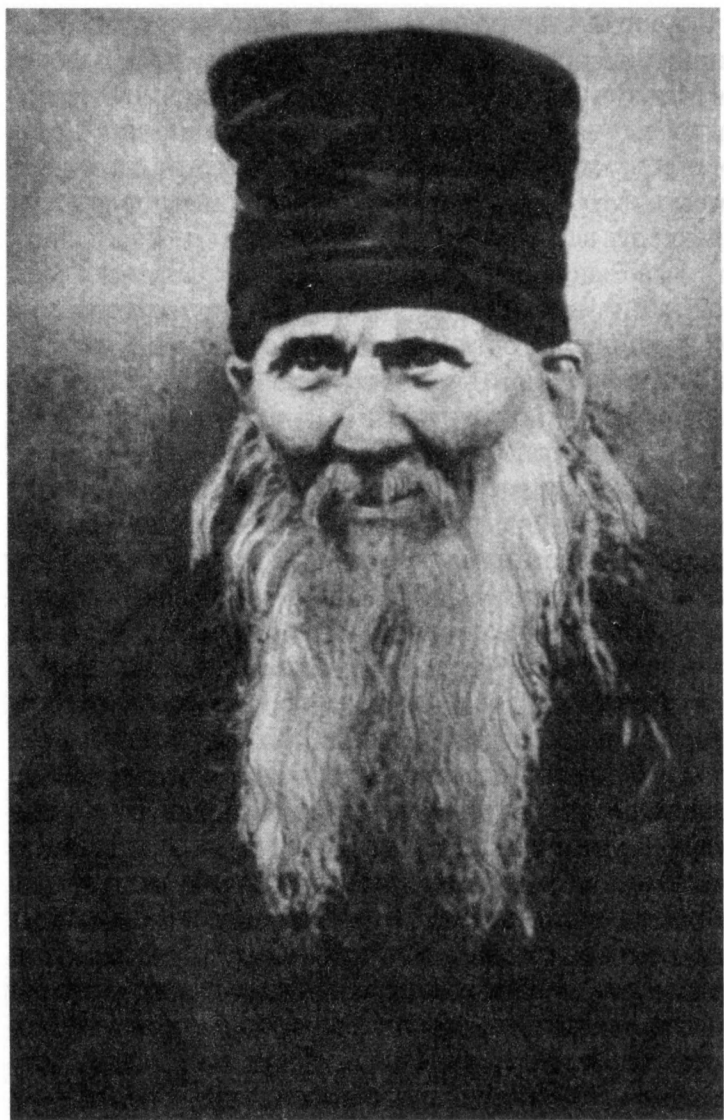
и помолиться, и почитать... Да и поют-то здесь не так. Лучше уйти отсюда на Афон».

Охваченный волной «помышлений сомнительных», юный инок не заметил, как в келью, где он сидел, вошел старец. Вдруг он услышал за собой голос батюшки о. Амвросия, который, ударив его слегка по плечу, сказал: «Брат Иван, у нас лучше, чем на Афоне; оставайся с нами!»

Эти слова так поразили молодого послушника, что он тут же с раскаянием и умилением упал к ногам старца. С этого момента он ясно понял, что все смущающие его помыслы были просто искушением. Каких старцев и где ещё искать ему, когда он здесь непосредственный ученик такого старца, который читает его сокровенные мысли? И он с тех пор он всецело предал свою волю в послушание своему великому авве. До самого переезда отца Амвросия в Шамординскую обитель отец Иосиф был келейником и помощником старца. Его любовь и преданность к старцу были безграничны; его послушание было назидательно для всех; не только воля старца, но и каждое его слово было для него законом.

По водворении навсегда в келье старца брату Ивану, конечно, приходилось много терпеть, как невольных столкновений, так и намеренно наносимых ему людьми «испытаний». Цель же духовно опытного старца Амвросия в сем деле состояла в том, чтобы мало-помалу обучать молодого послушника смирению. С самого своего поступления в келейники старца ему пришлось

стать под непосредственное расположение старшего келейника о. Н, человека с крайне тяжёлым характером. Суровый и угрюмый, он никогда ничего не говорил и не показывал новичку-послушнику, что и как нужно сделать; но когда тот по новости делал что не так, то получал за это от своего сурового учителя строгий выговор. Вот эта-то первая школа терпения, по всей вероятности, и послужила началом выработки того блаженного самоукорения, о котором так часто и с таким восторгом впоследствии говорил старец Иосиф своим духовным детям, и которое его самого на всю жизнь сделало таким спокойным, кротким, радостным. Несправедливость, напраслина раздражает обыкновенного человека; но когда он, через внимание к своей совести, научился находить вину в себе, тогда он прежде всего судит и осуждает сам себя и потому суд ближнего принимает, как заслуженное им от Бога за грехи наказание и не только не раздражается, но ещё и благодарит ближнего. При строгом внимании к своей совести и при помощи просвещающей благодати у человека на месте самомнения мало-помалу образуется самоукорение и верный на себя взгляд, или самопознание; и тогда все прежние грубые преткновения тяготят его душу, а последующие замечаются до самых мельчайших тонкостей и тревожат чуткую совесть, — и вот в результате получается уже постоянное, искреннее укорение себя за всё случающееся с ним, противное закону Божию.

Преподобный Амвросий Оптинский, у которого старец Иосиф находился на послушании келейника почти тридцать лет

Вскоре к старцу на место о. Н поступил другой келейник, уже пожилой Максим (в мантии о. Михаил). Этот был тоже от природы нрава крутого, но с добрым сердцем, и брат Иван сумел покорить его своей кротостью, и они сделались друзьями. Несмотря на это, о. Михаил, по своему характеру, всё-таки частенько покрикивал на него; но тот всё переносил терпеливо и старался во всём угодить и успокоить о. Михаила. За это терпение после кончины батюшки Амвросия, о. Михаил — старший летами и иерейским саном — избрал о. Иосифа своим духовником.

Как известно, в Оптиномском скиту жил иеромонах Климент Зедеггольм (сын немецкого пастора, принявший православие и монашество и бывший преданным учеником и письмоводителем старца Амвросия). Это был человек редкой искренности и высокой, благородной души, аскет и точный исполнитель монашеских правил. Но при этом он обладал крайне горячим характером и чрезмерною чисто немецкою аккуратностью. Как письмоводитель старца, о. Климент имел частые сношения и с его келейниками, которые, по своему простодушию, а часто и по неразвитости, зачастую приводили его в неопишное волнение. Ни с одним келейником не ладилось дело; о. Климент мучился сам, сокрушался, каялся старцу, смиренно кланялся и просил прощения у келейников за свою несдержанность, но сладить с собой не мог. Но о. Иосиф и здесь вышел победителем. Сам о. Климент говорил: «О. Иосиф единственный человек, на

которого я не могу, не умею раздражаться».

Так влияло на всех его неизменно-благодушное и смиренное устроение. Он со всеми был мирен и всех умел умиротворять и смирять своим собственным смирением, кротостью и уступчивостью.

Через три года, 15 апреля ему дали рясофор, и он стал о. Иоанном.

Блажен вступающий в обитель с ясным сознанием и полной готовностью идти неуклонно стезей послушания. Такой ежедневно будет восходить по ступеням совершенствования. С такою готовностью вступил в иноческий чин и юноша Иван. Он глубоко сознавал, что главное основание монашеской жизни есть самоотречение и потому, с первых же шагов, взяв крест послушания, последовал за своим аввой, ведущим его ко Христу.

В 1872 г. 16 июня он был пострижен в монашество с именем Иосифа (в честь преп. Иосифа Многоблезненного, Киево-Печерского). Нечего и говорить, что вообще серьезное его настроение с той поры стало особенно сосредоточенным и глубоким.

Послушание к своему старцу он сохранял полное, без рассуждения; и без его благословения или ведома он никогда ничего не делал.

Однажды к батюшке о. Амвросию пришел настоятель (тогда ещё игумен) о. Исаакий. Сидя в приёмной в ожидании, когда старец его примет, о. игумен взял со стола книгу. В это время вошел келейник о. Михаил. Мудрый и духовно-опытный настоятель, желая дать назидание, спросил у него: «О. Михаил, благослови мне почитать эту книжку?»

О. Михаил с низким поклоном добродушно ответил: «Сделайте одолжение, отец игумен, какую вам угодно». О. Исаакий молча стал читать. Спустя несколько времени входит зачем-то о. Иосиф. Игумен обращается к нему с тем же вопросом: «О. Иосиф, можно мне почитать эту книгу?» Истинный послушник старца скромно ответил: «Сейчас, я спрошу у старца». Этот ответ очень понравился настоятелю; он показывал, как научился о.Иосиф жить волей старца.

В 1877 г. монах Иосиф был посвящен в иеродиакона. Случилось это совершенно неожиданно, и таким образом, когда ясно видится рука Божия, направляющая пути человека.

7 декабря в день ангела старца о. Амвросия, о. игумен Исаакий служил обедню в скитской церкви, после чего, придя поздравить именинника, остался у него пить чай. Келейники о. Михаил и о. Иосиф подавали. За чаем у настоятеля со старцем зашел разговор об одном иноке, которого настоятель хотел представить к иеродиаконству. Старец, по неизвестным ему причинам, находил это несвоевременным и, как духовный врач, просил настоятеля отложить это намерение, а взамен предложил посвятить другого, более достойного монаха, и назвал его имя. В это самое время о. Иосиф стоял около о. игумена с подносом; тот взглянув на него пристально, сказал старцу с улыбкой: «Нет, уж, батюшка, — вы не хотите моего, а я не хочу вашего. Давайте вместо тех посвятим о. Иосифа». Старец очень был этим утешен, и о. Иосиф, ничего не

подозревавший и не готовившийся к посвящению, оставив свои чашки и угощение, вскоре очутился на дороге в Калугу. Преосвященный Григорий принял и обошелся с ним милостиво, но остался недоволен его познанием из катехизиса, однако, посвятив 9 декабря в иеродиакона, отпустил с архипастырским благословением и наставлением. Причиною же малознания о. Иосифа было то, что трудное его послушание келейника не давало ему возможности прилежно заняться изучением нужного предмета.

По принятому в Оптиной пустыни обычаю, каждый новопосвященный в сан иеродиакона или иеромонаха обязан ежедневно, в продолжении шести недель, служить Божественную Литургию. Но шестинедельной череды своей о. Иосиф, по слабости своего здоровья, не дослужил: у него сделалось воспаление в правом боку, и он едва не умер; но молитвами старца Господь помиловал его.

Жизнь иеродиакона Иосифа нисколько не изменилась; только прибавилось дела и забот. По-прежнему он помогал о. Михаилу келейнику: по-прежнему тот покрикивал на него, и смиренный о. Иосиф по-прежнему молчаливо переносил все незаслуженные обиды и грубое обращение. По-прежнему он не имел отдельной кельи и спал в приёмной, которая была занята старцем весь день до 11 часов вечера. О. Иосиф, бывая в скиту чередным служащим, должен был в 1 час идти к утрени, тогда как около 12 часов только мог прилечь отдохнуть на своё убогое ложе... Однажды, изнемогши от целодневных трудов, он, дожидаясь в проходном

тёмном коридорчике, когда старец окончил свой приём, заснул сидя на пороге. Старец Амвросий, идя в свою спальню наткнулся на спящего. Разбуженный о. Иосиф только кротко улыбнулся; а великий его авва, без сомнения, вознёс молитву за своего истинного ученика, чтобы Господь укрепил его в подвиге терпения и смирения.

По учению св. отцев, послушание рождает смирение. И это вполне оправдалось на о. Иосифе. Он через своё беспрекословное послушание достиг такого смирения, которое вознесло его впоследствии на высоту духовную.

Старец, видя духовное преуспевание своего ученика и провидя каких дарований сподобится он со временем, как мудрый руководитель, ограждал и воспитывал его чистую, восприимчивую душу. Батюшка о. Амвросий, зная, как св. Иоанн Лествичник упрекает тех наставников, которые не испытывают братий, имеющих крепкую душу и тем лишают их венцов за терпение и смирение, не раз предлагал своему мужественному сердцем, присному чаду духовному случаи показать собой пример монашеского безгневия.

Так однажды, когда старец занимался с одним иноком, ему понадобилось отыскать в книге какой-то текст. Старец позвонил о. Иосифу и велел отыскать нужный стих. О. Иосиф хорошо знакомый с священным Писанием быстро отыскал указанные слова и молча показал старцу. Тогда старец, видя как он сведущ в Писании и желая оградить его от пагубного высокоумия, смирил его, сказав:

«Дурень, ничего не понимаешь, совсем не то», — и, слегка ударив по щеке, велел уйти. Через несколько времени снова раздаётся звонок, на который снова является о. Иосиф, такой же спокойный, благодушный, как будто ничего с ним не случилось. Старец повторяет приказание отыскать тот же текст, и о. Иосиф, не сделав ни малейшего возражения, не показав никакого нетерпения, так же молча взял книгу, снова отыскал то же самое место и подал старцу. Инок-посетитель был поражен внутренней выработкой этого истинного делателя послушания и смирения Христова, а старец, зорко взглянув на него, осенил его крестным знамением.

И это не было исключительным случаем в жизни о. Иосифа, — это было постоянное и неизменное его настроение. Однако это вовсе не означало, что он от природы был равнодушный и нечувствительный, — нет, это была победа духа над страстями. Батюшка сам рассказывал своим духовным детям, как поначалу и он не умел себя держать по монашески, и как его учил и пробирал за это старец.

«Раз приехал к батюшке о. Амвросию из Сергиевой Лавры известный подвижник, иеросхимонах Александр, — рассказывал батюшка Иосиф, — я подавал чай, и слышу он рассказывает про монаха, который раньше жил у нас в Оптиной, и не особенно хорошо об нём отзывается; а я и сказал вслух: «Да он и здесь такой же был». Тогда о. Александр обернулся ко мне и резко сказал: «А ты почём знаешь, — ты сам хуже всех!». Мне так стало стыдно, что я поскорее ушел из кельи; а после батюшка Амвросий строго

меня пробрал. «Что — говорит — проучил тебя схимник, — и поделом; сколько раз я тебе говорил, что бы ты не лезь вперёд». Ну уж с тех пор я, как огня, боялся вступать в разговор при старших», — смиренно добавил батюшка о. Иосиф.

В 1884 году на праздник Покрова Божией Матери было совершено торжественное открытие устроенной старцем Амвросием Шамординской обители, что в двенадцати верстах от Оптиной Пустыни. К этому торжеству в новую общину приезжал Калужский архипастырь Владимир. За литургией было несколько посвящений, и в том числе был посвящён в сан иеромонаха о. Иосиф — будущий попечитель и руководитель этой обители, по кончине основателя старца Амвросия. Как бы для того и пришлось ему именно там принять благодать рукоположения, чтобы впоследствии сугубо изливать её на насельниц обители. С тех пор Шамординские сёстры стали о.Иосифа считать «своим», и связь духовная понемногу устанавливалась между ними.

С первого же дня он начал своё священнослужение твёрдо, внятно, без ошибок и смущения. Служение его всегда было неторопливое, благоговейное; и сам он в дни служения делался каким-то особенно радостным. Как известно, старец о. Амвросий, по болезненному состоянию, в церковь не выходил и по воскресным и праздничным дням у него в кельи совершались всенощные бдения. Теперь эту обязанность нёс новый иеросхимонах Иосиф, который также по благословению старца через каждые две недели приносил ему святые тайны.

Незадолго перед посвящением в иеросхимонаха о. Иосиф, который более 20 лет не имел своего отдельного угла, был помещен в келье о. Михаила, который, будучи уже иеромонахом, поселился в скиту. Теперь о. Иосиф сделался старшим келейником. Главную свою обязанностью он считал — заботу о старце, его здоровье и самочувствии. Он во всём любил порядок и аккуратность. Зная как много бывает недовольных и равнодушных посетителей, которые, не попадая долго к старцу, винили в этом и самого старца и его келейников, о. Иосиф старался всех успокоить. Для этого он часто выходил к ожидавшим, выслушивал, кому что нужно и, при удобном случае, передавал отцу.

Все, как монахи, так и приезжие очень полюбили этого тихого и серьёзного о. Иосифа и с доверием обращались к нему. Кажется, не было человека, который бы был им недоволен. В нём не было и тени лицепрятия — со всеми он был ровен и приветлив. Раз одного старого монаха спросили: «Почему вы все так любите о. Иосифа?» Он отвечал: «Потому что он истинный монах; слова даром не теряет и слушать его хочется». И младшие, и келейники тоже любили и уважали его и охотно слушались и дорожили его справедливыми замечаниями.

Когда о. Иосиф выходил к посетителям, то он внимательно их выслушивал; но от себя никогда ничего не говорил, а поклонится и скажет: «Я спрошу, или передам старцу». И когда выносил ответ батюшки о. Амвросия, то передавал его в точности, не прибавляя и не изменяя ничего. Слух о нём стал

расходиться, так что приехавшие к о. Амвросию в первый раз прежде вызывали о. Иосифа, как близкого и верного его ученика.

Один молодой человек приехал к старцу Амвросию исповедываться и, ожидая в приёмной, когда его позовут, находился в большом волнении и недоразумении, как должно исповедывать свои грехи. В это время в приёмную входит о. Иосиф и, подавая ему книгу сочинений епископа Петра, говорит: «Вот это хорошо почитать перед исповедью». Молодой человек начал читать эту книгу и сразу нашел именно то, что разрешило его недоумение; и только что кончил чтение этой полезной страницы, как его позвали к старцу. Этот случай поразил его.

Но, по возможности удовлетворяя всех просителей, о. Иосиф умел беречь и старца; и когда видел, что старец уже чрезмерно был утомлён, то прекращал доклад и, со смирением, но твёрдо напоминал своему любимому отцу о том, что настало время отдыха. Старец, по своей любви к ближним, нередко забывал о себе, и приём иногда простирался до одиннадцати часов вечера; тогда о. Иосиф взойдёт будто зачем-нибудь, например, часы завести, и посмотрит с любовью на старца. Поняв своего любимого и смиренного ученика, старец скажет посетителям: «Ну, теперь прощайте; о. Иосиф стал часы заводить, значит пора расходиться».

Отец Иосиф, несмотря на своё хлопотливое послушание и постоянное пребывание на народе, очень много занимался чтением творений святых отцов — учителей монашества и у них почерпал

для себя те неистошимые запасы мудрости духовной, которою так богат был впоследствии сам и пользовал ею других, приходивших к нему за советом и утешением. Любимою и, можно сказать, неразлучною книгою его было «Добротолюбие». Он предпочитал читать книги на славянском наречии; а когда ему говорили, что они трудно понимаются, он отвечал: «Что трудом приобретается, то и бывает полезно». Вообще читал только святоотеческие творения, а новых писателей не любил, говоря: «Новые писания хотя и духовны, но они только ум питают. А в сердце остаётся холодная пустота». «Когда вы успевали книги читать при вашем послушании?» — спрашивали его. «Да как выйдет свободная минутка, так я сейчас за книгу брался», — отвечал он. «Ну, а со старцем когда же вы занимались? Ведь до поздней ночи всё был народ, а там правило вычитывали?» «Во время чая иногда приходилось, а больше, когда приходил на ночь принимать благословение; тут и говорил, что было нужно; да разве много нужно времени, чтобы высказать, что тяготило совесть», — добавлял смиренно батюшка, показывая этим, что он учился у старца самую жизнью.

Внутренняя же его жизнь слишком сокровенна, чтобы можно было говорить о ней, — это было известно только Богу и старцу. В общих же чертах — это был человек глубокого, внутреннего делания, всегда хранивший сердечное безмолвие и непрестанную молитву. Что он проходил так называемую Иисусову молитву, свидетельствуют те

многочисленные наставления его об этом предмете, которые записаны буквально его духовными чадами. Но как не может утаиться сосуд, наполненный благоуханием, так не могли не обнаруживаться и внутренние добродетели этой чистой души. Великое смирение и благодатный свет внутренней молитвы озаряли и привлекали к нему сердца людей.

И сам старец Амвросий, провидя в нём будущего своего преемника, не возбранял ему входить в общение с посетителями, а некоторым даже прямо благословлял относиться с своими духовными нуждами к о. Иосифу. Не раз случалось, что на вопрос, предложенный старцу Амвросию, он отвечал: «Спроси у о. Иосифа». Замечательно при этом было то, что ответы о. Иосифа были всегда тождественными с ответами на тот же предмет самого старца. Многие стали это замечать и первое время, для того, чтобы вернее в этом убедиться, пробовали проверять: спросят что-нибудь у о. Иосифа — он скажет, затем спросят о том же старца Амвросия, и тот ответит теми же словами, и при этом непременно подмигнёт с улыбкой, как бы давая понять, в чём дело. Старец, видимо, делал это для укрепления веры в своего ученика; но затем, когда уже достаточно ясно определилось духовные дарования о. Иосифа, старец однажды строго сказал одной: «Не испытывай больше».

Одна монахиня, всей душой преданная старцу Амвросию и без его благословения ничего не делавшая в повседневной своей жизни, просила раз у него благословения сходить в гости к одной

из живших в оптинской гостинице, так как её приглашала. Старец сказал: «Нет не надо, не ходи». Прошло много времени; другая из живших тоже позвала к себе эту монахиню. Та, помня, что старец в тот раз не благословил её, решила в душе не ходить и к этой, но, по привычке обо всём спрашивать, вызвала о. Иосифа и просила его передать старцу, что её зовёт в гости такая-то. О. Иосиф, не дослушав её до конца, сказал: «Ну что же, сходи, сходи, проведай её». Монахиня сильно смутилась этим ответом. Во-первых, она не спрашивала о. Иосифа, а только лишь просила передать её вопросы старцу, а во-вторых, ответ его совершенно расходился с мнением старца о. Амвросия. О. Иосиф прошел в нижнюю хибарку, а монахиня в смущении дожидалась его возвращения, как вдруг вышел на общее благословение сам старец. Увидя смущенное лицо монахини, старец спросил её: «Что ты такая стоишь?» Не желая при всех объяснять причину своего смущения, монахиня сказала: «Батюшка, вот Н. зовёт меня к себе». «Ну что ж, сходи, сходи, проведай её», — ответил смеясь старец, буквально теми же словами. При этом монахиня заметила, что старец пристально и с улыбкой на кого-то смотрит. Оказалось, что сзади стоял о. Иосиф и тоже улыбался... Монахиня была поражена этим случаем и с тех пор уверовала, что в о. Иосифе жил тот же дух благодати, что и в его учителе.

Так старец постепенно готовил его к старческому служению, уча его и словом, и собственным примером. Он любил его и доверял

ему во всём, называя его своей правой рукой, и в течении 30 лет, до самого своего отъезда в Шамордино, никогда не разлучался с ним. Надо было видеть, какую радостью и любовью светилось лицо изморенного старца, когда кто-нибудь из духовных детей рассказывал ему про о. Иосифа, как он хорошо сказал, успокоил, какой он смиренный, добрый... Иной раз, во избежание преждевременной молвы, старец говорил: «Подожди, молчи пока об этом», а иной раз сам напоминал: «Помнишь, о. Иосиф ведь правду тебе сказал». Так для его любящего отеческого сердца это было утешением и отрадой, — в этом он видел зарю нового светильника... Незаметно для самого о. Иосифа, старец старался несколько приоткрыть его и показать духовные сокровища этого избранника Божьего.

Однажды две монахини привезли показать старцу, написанную одною из них, икону Божией Матери. После они сознавались, что согласились вместе искусить старца и, показав ему икону спросили: **«А, что батюшка, похожа она на Царицу Небесную?»** Старец на это серьёзно ответил: **«Об этом нужно спросить о. Иосифа»** — и при этом позвонил. Вошел о. Иосиф, и старец говорит ему: «Вот сажи им, похож ли этот лик на Царицу Небесную». О. Иосиф улыбнулся своей ангельской улыбкой и смиренно опустил глаза. Старец отпустил его. В другой раз, одна монахиня, беседуя со старцем спросила, какая была Мать Божия в последние годы Своей жизни. Старец сказал ей: **«Ты сходи к о. Иосифу и спроси у него, какова была Мать Божия, когда ей было**

60 лет». О. Иосиф, конечно, по смирению своему, сказал, что ничего не знает. Этими поступками старец несомненно хотел показать, что о. Иосиф был сподоблен небесного видения.

Как-то одна из относившихся, по благословению старца, к о. Иосифу, видя его слабое здоровье, с тревогой сказала батюшке о. Амвросию: «Вот, если батюшка Иосиф будет старцем, то, пожалуй, такой же, как и вы, будет болезненный и слабый?» «Ну, что же, ничего, зато смиренный будет», — ответил старец и прибавил: **«К о. Иосифу все мои немощи перешли»**. В этих словах, с одной стороны высказывалось великое смирение старца Амвросия, считавшего себя лишь немощным сосудом, а с другой, — это служило подтверждением того, что о. Иосиф — будущий носитель благодати старчества.

Жил при Оптиной Пустыни один прозорливый старец — о. Пахомий, блаженный. Он очень любил о. Иосифа; и когда тот был ещё простым монахом, о. Пахомий всякий раз, как с ним встретится, непременно попросит у него благословение. «Отец Пахомий, да я не иеромонах», — улыбнётся ему о. Иосиф. «Удивляюсь, — ответил Пахомий. — отец Иосиф всё равно что отец Амвросий» (то есть старец Амвросий).

Одна раба Божия — юродивая, была у старца о. Амвросия, и увидя о. Иосифа сказала ему: «Вот было у одного старца два келейника; один из них и остался на его месте».

Так Промысел Божий почти с самого начала предсказывал его старчествование, на которое он

был предназначен Самим Богом. Быть может, в своих тайных беседах старец Амвросий и более ясно и определённо что-либо об этом говорил, но о. Иосиф, по своему смирению, никогда этого не открывал. Вообще он и по кончине старца Амвросия поражал и привлекал всех своим глубочайшим смирением, — он никогда не придавал себе никакого значения. Так он писал однажды одной особе: «Что я значу без батюшки? Нуль и больше ничего», — и при этом для наглядности изобразил на письме огромный нуль.

Здоровья, как сказано было выше, о. Иосиф был очень слабого и, благодаря тому, что жил неотлучно при старце, который также по своей болезненности зимой и даже вообще в холодное время никуда не выходил и боялся простуды, и он отвык от воздуха, и часто подвергался простуде. Надо было видеть, с каким терпением он всякий раз, когда выходил в сени или на задворок (а это при келейном послушании случалось часто), надевал тёплую одежду, пищи употреблялось очень мало. Удивляясь этому, однажды спросили у него, трудно ли ему было достигнуть такого воздержания, или это уже от природы ему дано? Он на это отвечал такими словами: «Если человек не будет понуждаться, то хотя бы он все снеди Египта поел и всю воду Нила выпил, его чрево будет говорить: алчу!»

С братьями о. Иосиф держал себя ровно: ни с кем не заводил знакомства и никогда ни к кому не ходил, кроме церкви и послушаний, на которое благословлял батюшка Амвросий. Когда ездил со

старцем на дачу, то там позволял себе единственное развлечение удить рыбу в сажалке, но и в этом невинном удовольствии проглядывала больше его любовь к уединению. Главным же образом он соблюдал внутреннее безмолвие; — пустыня была в его собственном сердце, где сиял тихий свет молитвы, где обитало блаженное смирение, и куда он удалялся, убегая от малодушия и бури.

Так впоследствии и в своих наставлениях, относящихся к нему и особенно нетерпеливых он предостерегал от внешнего затвора, который без внутреннего не пользует, а часто повреждает. При этом он нередко напоминал о том иноке, который от нетерпения ушел из общежития и поселился в пустыне; но и здесь, как не победивший своих страстей, несмотря на то, что его никто из людей не трогал, он не мог удержаться от гнева и раздражался даже на неодушевлённые предметы, и кончил тем, что разбив с досады свой кувшин, который всё опрокидывался, инок вернулся в обитель.

Но всё же тех, кто имел расположение к духовной жизни и уклонялся от мира, он поддерживал в этом настроении духа, хотя и таким всегда больше говорил о терпении, самоукорении и смирении, великодушии и кротости, — словом о тех добродетелях, которыми сам был преисполнен.

Он никогда ничем не выделялся: тихо, скромно делал своё дело; был истинным помощником старца, но держал себя так, как будто и не был так высоко поставлен. Обращение его было непринуждённо и духовно просто; обладая глубоким внутренним

смирением, он не имел нужды в смиреннословии, которое нередко обнаруживает лишь внутреннюю пустоту и потому неприятно действует на других. Напротив, внутреннее смирение словами изобразить нельзя, но и на грешного человека оно влияет и ощущается.

Любовь о. Иосифа к старцу Амвросию была такая же тихая и благословенная, как и вся жизнь его; он не любил и не умел высказывать своих чувств, но привязанность его была так глубока, что он жизнь свою готов был отдать за него.

Однажды скитская братия была перепугана приходом какого-то неизвестного человека, который размахивал пистолетом и кричал: «Иду к о. Амвросию!» Никто не решался подойти к нему, боясь что он выстрелит, а он между тем направился в хибарку. Кто-то предупредил о. Иосифа. Он нисколько не смутился, со спокойным видом и, вероятно, с тайной молитвой вышел к этому странному человеку и кротко спросил его, что ему нужно? — «Мне нужно видеть о. Амвросия», — отвечал тот, потрясая пистолетом. О. Иосиф, невозмутимо глядя ему в глаза, осенил его знаменiem креста; незнакомец сейчас же отпустил руку, и одному из присутствовавших удалось отнять пистолет. Человек этот оказался сумасшедшим; а самый случай показал, какая самоотверженная любовь к старцу Амвросию была у его ученика.

В другой раз одна особа хотела впутать о. Иосифа в одно неприятное для старца Амвросия денежное дело и угрожала ему. На это о. Иосиф спокойно

сказал ей: «Ну что ж, за старца я готов и в острог пойти».

Первая Шамординская настоятельница, м.София, известная своим умом и преданностью старцу, который в свою очередь многое доверял и говорил ей, не раз повторяла: «Уж и любит же батюшка своего о. Иосифа; да и есть за что». Да, и действительно было за что, — это был истинный послушник, который никогда, ни в каких случаях, ни в важных, ни в мелочных, ни делом, ни словом, ни даже мыслью не противоречил действиям старца. Его послушание, или лучше сказать вся его монашеская жизнь воочию подтвердила справедливость того ответа, который дал один Афонский старец на вопрос: почему теперь нет старцев? «Оттого, — ответил он, — что теперь не стало истинных послушников». Все великие, как древние, так и современные старцы были в своё время истинными послушниками. Полным отсечением своей воли и разума, вседушным повиновением и искренним всегдашним самоукорением, они достигли блаженного смирения, которое и просветило их сердце благодатью и озарило ум светом разума Христова, отчего и сделались они способными быть наставниками и руководителями других, понимать всякие искушения и душевное неустройство, были опытны во всём и обладали даром рассуждения. Некто из святых отцов (Иоанн Лествичник) сказал: «Не ищи старца прозорливого, но смиренного и опытного». Прозорливость, хотя и присуща почти всем просвященным Духом Божиим, но

сама по себе, одна она не служит отличительным признаком святости и высоты духовной. Напротив, одна прозорливость без прочих добродетелей, а особенно без смирения и чистой любви не только не достохвальна, но прямо вредна и пагубна; она служит признаком не просвещения души, а самообольщения, или что иначе называется прелестью. Не всякий предсказывающий будущее есть уже святой. Во времена апостолов была девица прорицающая, однако апостолы сочли нужным изгнать из неё духа-прорицателя. И святой апостол Павел определённо говорит в своём послании к Коринфянам, что можно быть внешним праведником и предсказывать, и знать все тайны, и творить чудеса, но если при этом не иметь необходимого духа любви Христовой, то всё остальное теряет всякую силу и значение. И сколько в истории монашества существует примеров, что великие подвижники и чудотворцы не были ограждены смирением, обольщались своею праведностью и через это погибали. Спрашивали об этом предмете и самого старца Амвросия: «Случается иногда встречаться с человеком, который верно говорит о прошедшем, предсказывает будущее — и сбывается, а между тем за святого его принять трудно, судя по другим сторонам его жизни?» Старец дал такое пояснение: «Верить всем юродивым, блаженным «дурочкам» и т. под. не следует, хотя бы слова их и сбывались, так как не всякое предсказание от Бога. Враг, как дух, знает прошедшее и потому может указывать на разные случаи и даже иногда, ради

прельщения, и на некоторые грехи. Будущее же ему не открыто, но, как дух, он также, по некоторым нашим мыслям, разговорам и вообще по некоторым признакам, может кое-что узнать из будущего и внушить предсказателю. Но при этом, добавлял батюшка, **отличительное свойство вражеских предсказаний то, что они всегда бывают мрачные, дурные, всегда сулят одни несчастья и всегда приносят одно смущение в душу.** Если предсказывает кто-либо из рабов Божиих по внушению Духа Святого, то хотя и они предупреждают иногда о скорбях, но это сопровождается мирным, покаянным и сокрушенным настроением души».

Почти тот же вопрос задавали впоследствии и старцу Иосифу: «Встречается человек по-видимому прозорливый, а между тем чувствуется в нём что-то не то; как узнать, от Бога ли его прозорливость?» «Узнать таких людей нужно по смирению, — ответил старец. — Потому что **враг прозорливость может дать человеку, а смирения никогда не даёт, — оно палит его самого**».

Преподобный Амвросий, Богоносный старец, Оптинский

Любимый ученик преподобного Амвросия

В последние годы жизни старца Амвросия к нему стало стекаться такое множество приезжих, что все помещения хибарки бывало, как говорится, битком набито. Многие желали поговорить с о. Иосифом, и многих старец сам посылал к нему. Для этих бесед определили небольшую приёмную келью на женской половине, где находилась икона Божией матери «Достойно есть». Но так как в этой келье, по большей части, сидели люди или высокопоставленные, или уважаемые, которых неудобно было выпроваживать, то о. Иосиф, по своей деликатности и скромности, выходил для занятия в сенцы, где зимой было довольно холодно; и хотя он одевался в тёплое, но всё же при его слабом здоровье часто простуживался.

Так в феврале 1888 г. он сильно занемог, но по своему терпению, долго перемогал и понуждал себя. Наконец, болезнь взяла своё, и он слёг. Его торжественно особоровали в келье старца, который был очень опечален его болезнью. Доктор советовал перевезти больного в больницу, но о. Иосифу никак не хотелось в такое тяжелое для него время расставаться с своим аввой — кто же там облегчит его страдания? Кто утешит и ободрит в случае страха смертного? Не придёт туда старец благословить своего

ученика на ночной покой... Не желал этого и сам старец; но пришел скитоначальник и настоятельно потребовал перевезти больного в монастырь. Этот переезд в холодное время и в открытых санях ещё более усилил болезнь, и его, едва живого, почти без чувств, принесли в больничную палату.

С каждым днём ему становилось всё хуже; надежды не было. Батюшка о. Амвросий был грустен и, конечно, духом и молитвой был неразлучен со своим любимым чадом. В воскресенье 14 февраля, во время поздней обедни, по благословению старца

Келлия старца Иосифа в домике преподобного Амвросия, где он по благословению своего великого аввы исповедывал приходящих.

и с разрешения настоятеля, о. Иосифа постригли в схиму. В понедельник к вечеру ему так стало плохо, что прочитали отходную. Вместо болезненных стонов, больной громко испускал молитвенные вздохи, так что присутствующие пришли в трепет, чувствуя, что он находится при кончине.

Старец, не ожидая его выздоровления, разрешил его духовным детям пойти проститься с ним. Приходил его навестить и настоятель. «Ну, что — плохо?» — спросил его в этот раз архимандрит. «Одержали мя болезни смертные», — ответил ему о. Иосиф. «А может быть, и встанешь ещё», — добавил отец настоятель, искренне скорбевший о нём.

После прочтения отходной, о. Иосиф просил ходившего за ним брата пойти к старцу и передать ему, что он просит отпустить его с миром. Когда брат передал старцу Амвросию эту просьбу, то он велел ему идти обратно, и, когда войдёт к больному, сказать про себя: «Свят, свят, свят Господь Саваоф». Брат в точности исполнил приказание старца; и только что он произнёс эти слова, как больной попросил чаю, и с этой минуты ему стало лучше.

После послушник этот, сидя за ширмами, слышал, как о. Иосиф громко произнёс: «Господи, не хотел я этого; Ты видишь, Господи!» Послушник содрогнулся и заглянул в щель ширмы, за которыми лежал больной. Увидел, что о. Иосиф пристально смотрит на икону Спасителя и поднимает к Нему руки. Тот же брат говорил после духовным детям о. Иосифа: «Ах, если бы вы знали, какой ваш духовный отец!» Старцу же Амвросию этот

послушник рассказывал следующее: «Вошел я раз в палату и слышу, что за ширмой кто-то говорит: **«Потерпи, любимче мой, немного осталось»**. Думая, что кто-нибудь там есть, я заглянул за ширму, и был поражен, — там никого не было. А батюшка Иосиф лежал как пласт, с закрытыми глазами. Меня такой объял страх, что волосы дыбом стали». И после старец Амвросий говорил некоторым, что о. Иосиф в болезни сподобился видеть Царицу Небесную.

Вечером по хибарке впервые пронёсся тихий шепот: «Батюшке о. Иосифу лучше»... Скоро вышел старец радостный и сказал: «Совсем было о. Иосиф собрался умирать, да не умрёт — теперь ему лучше стало».

По выздоровлению о. Иосифа, о. архимандрит Исаакий официально назначил его быть помощником старца и с тех пор он начал открыто исповедовать, так как для старца это становилось тяжело. Батюшка о. Амвросий был очень этим доволен и с радостью говорил многим: «Теперь у нас новый духовник». Однажды одна близкая к старцу особа благословила у него раз пойти исповедаться у о. Иосифа. «Счастливица, — ответил ей старец, — и не раз, а всегда». В это же время старец распорядился сделать внизу пристройку, где о. Иосиф и стал принимать посетителей.

Летом этого же 1888 года батюшка о. Амвросий благословил о. Иосифу поехать в Киев поклониться его святыням. И вот, почти через тридцать лет исполнилось его заветное желание. Невольно думается, сколько трепетного благоговения, сколько

умиленных вздыханий, сколько молитв излилось там из этой чистой, смиренной души!..

Наместником Киево-Печерской Лавры в то время был архимандрит Ювеналий (Половцев), живший перед тем на покое в Оптиной Пустыне. По приезде в Лавру, о. Иосиф отправился к нему, чтобы передать поклон от старца Амвросия. Наместника не случилось дома, и келейники, привыкшие к важным и сановным гостям своего начальника, предложили незнакомому монаху подождать в передней. Долго пришлось ему ожидать; келейники не обращали на него никакого внимания. Наконец настало время обеда и, вспомнив о госте, они позвали его в келейную. Там перед обедом, по заведённому обычаю, предложили ему выпить. Но о. Иосиф, никогда не бравший в рот никакого вина, наотрез отказался. Келейники стали приставать и поднимали его на смех, но кончили тем, что оставили его в покое, а сами принялись за угощение и развязно разговаривали, несколько не стесняясь присутствия незнакомца. В это время приехал наместник, и келейники доложили, что его дожидается какой-то Оптинский монах. Увидя о. Иосифа, наместник воскликнул: «Кого я вижу, — ведь это будущий старец!» — и поспешил заключить его в свои объятия, и оказал ему такие знаки уважения, что оторопевшие келейники не знали, что и подумать. Затем наместник повёл его к себе, а келейникам приказал перенести из гостиницы его вещи, приготовить для о. Иосифа помещение в его доме. До самого вечера беседовал он со своим гостем, вспоминая дорогую Оптину. Когда же о.

Иосиф пришел в отведённую ему комнату, то там ожидали его два келейника и кинулись ему в ноги, прося прощения за свою грубость, и умоляли не передавать о. архимандриту об их невозддержании. Кроткий о. Иосиф с улыбкой любви обнял их и успокоил.

Рассказ этот передавал один из этих келейников, бывший потом иеромонахом в одном из монастырей Курской губернии и прибавил: «Как варом обдал нас он тогда — мы думали: пропали мы теперь, нажалуется он наместнику. Но потом он поразил нас своим смирением и кротостью, и так хорошо говорил с нами, что мы искренно устыдились своего поведения».

В Курске он был у одного протоиерея, того самого, который знал его в детстве. Протоиерей так был рад видеть у себя сына своего друга, что не знал, как обласкать о. Иосифа, и называл его то Иван Ефимович, то именем родителя его, Ефим Емельянович, как бы показывая этим, что в нём он чтит его отца, которого так любил и уважал.

Проездом о. Иосиф посетил и Борисовскую женскую пустынь, где жила его сестра — матушка Леонида, которая чуть не заболела от радости, когда увидела своего дорогого братика. Казалось ей, что не наговорится она, не насмотрится на него. Вспомнилось им обоим, как приходил он сюда с котомкой и чистил снег около её кельи; сколько тревог было тогда в её душе за него, а теперь всё это миновало, и она видит перед собой всеми уважаемого иеромонаха — помощника великого старца... Для довершения своей

радости она хотела видеть его служащим, и о том же очень просила его игуменя и сёстры. Но о. Иосиф, ещё не достаточно окрепший после перенесённой болезни, был очень утомлён непривычным долгим путешествием и, чувствуя себя не очень хорошо, отказался было от сего, но м. Леонида так была этим огорчена и так слёзно его умоляла, что он, наконец, уступил её просьбам.

Началась литургия. Перед самым Евангелием в храме неожиданно водворилось молчание. Оказалось, что с батюшкой о. Иосифом сделалось дурно; и уж обедню кончал за него сослужащий ему священник. Матушка Леонида, бывшая в церкви, услышав молчание и смятение в алтаре и догадавшись, что с братом верно что-нибудь случилось, лишилась чувств и её едва отходили. Когда оправившись пришел к ней о. Иосиф, то с обычной своей улыбкой сказал: «Ну, что, — утешилась!» Тогда матушка Леонида стала просить его, чтобы он скорее уезжал домой в Оптину. «Уезжай скорее, — говорила она, — а то если здесь умрёшь, я этого не вынесу».

Старец Амвросий был очень обрадован возвращением своего помощника, так как без него было ему трудно с приезжими. Жизнь обоих подвижников потекла опять своим обычным порядком; старец каждое лето ездил недели на три гостить в Шамордино, и неизменным спутником его был его верный послушник и ученик о. Иосиф.

Настало лето 1890г. В июне месяце начались обычные сборы в Шамордино, но о. Иосифу старец сказал: «Тебя я не возьму нынешний раз; тебе нужно

Свято-Казанская Шамординская обитель

здесь оставаться, — ты здесь нужен». Это случилось в первый раз за всю тридцатилетнюю совместную жизнь, что о. Амвросий ехал без него. Мало того, батюшка Амвросий приказал о. Иосифу перейти в его келью. А в приёмную велел перенести большую икону «Споручницы грешных». Грустно сделалось о. Иосифу от всех этих распоряжений; больно сжалось его сердце... «Не вернётся сюда больше старец» — промелькнуло у него в голове.

Старец уехал. Лето проходило, батюшка о. Амвросий несколько раз собирался возвращаться в Оптину. Но незримая рука всякий раз удерживала его, и наступившая осень прекратила дальнейшие попытки уехать из Шамордина. Предчувствие

о. Иосифа сбылось: старец больше не вернулся в свою скитскую хибарку.

Сильно скучал первое время о. Иосиф без старца, словно остался он круглым сиротой. Но по своей неизменной покорности воли Божией, он примирился с таким положением вещей. К старцу он ездил один раз в месяц, и батюшка Амвросий всегда отчески заботился, чтобы за ним послан был возок. Помещение старца было смежное с настоятельским корпусом, и о. Иосиф, приходя к старцу, не считал себя здесь дома и никогда не входил к старцу, пока не доложит о нём келейник. Приходилось ему и подолгу дожидаться, так как он по смирению своему всем уступал. Даже другие монахи, приезжавшие в Шамордино к старцу, свободнее и смелее были, нежели о. Иосиф, и гораздо больше общались со старцем. Батюшка Амвросий видел и ценил самоотверженную любовь о. Иосифа, и порой сам приглашал его к себе в келию на духовную беседу.

Последнее время своей жизни старец Амвросий был нередко очень озабочен и изнурен всеми делами и заботами о неустроенной обители; и часто продолжительные деловые разговоры доводили старца до полного изнеможения, после чего он совсем отказался от пищи и не мог спать. Не раз окружающие слышали слова старца: «Только после о. Иосифа я могу обедать и спать в своё время». Этим старец хотел выразить, что только один о. Иосиф ничем его не расстраивает. Даже о своей скорби о разлуке с аввою о. Иосиф никогда не говорил старцу, чтобы ничем его не растревожить. Узнали

об этом случайно. Одна духовная дочь батюшки о. Иосифа, видя его очень грустным и печальным, сказала старцу: «Батюшка, как тяжело смотреть на отца Иосифа, на то, как он скорбит без вас». На это старец ей ответил, глубоко вздохнув: «А он мне об этом ничего не говорит».

Между тем в Оптиной, с отъездом старца Амвросия, монахи, привыкшие к старческому окормлению, стали ходить к о. Иосифу, и многие начали у него исповедоваться. Сам настоятель, по преклонности своих лет, затруднялся зимой каждый раз ездить к старцу в Шамордино; а потому выбрал своим духовником о.Иосифа и относился к нему с большим уважением. Он сам приходил к нему в скит каждую субботу и после исповеди долго оставался ещё у него для беседы. Трогательно было видеть, как маститый, убеленный сединами настоятель шел к своему постриженнику каяться перед ним в своих вольных и невольных прегрешениях, смиренно стоя пред святыми иконами на коленях.

Когда наступил Рождественский пост, то батюшка Амвросий, ослабевший силами, стал посылать своих шамординских духовных детей в Оптину исповедоваться у о. Иосифа. Сначала это тяжело было для сестёр, привыкших поверять свои душевные тайны только одному старцу, и скрепя сердце ездили они к своему новому духовнику. Иногда случалось, что старец исповедовал сестру сам, а затем посылал её в Оптину к о. Иосифу только прочесть исповедную книжку. В этих действиях старца был скрыт глубокий смысл. Главным образом, посылая

своих духовных чад к о.Иосифу, старец этим самым показывал, что он их передаёт ни кому другому, как только о.Иосифу. Это имело очень важное значение в будущем, когда старец скончался и когда возникал вопрос о его преемнике.

Одна монахиня рассказывает о себе: «Батюшка Амвросий за год до своей кончины благословил мне исповедоваться у батюшки Иосифа, но я не хотела идти к нему, а батюшка Амвросий говорит мне: «Ну, а если я умру, к кому же ты пойдёшь?» Я заплакала и говорю: «Не знаю; кроме вас ни к кому не могу». На это батюшка говорит: «Ну, а я тебя передаю о. Иосифу; к нему относись и ему пиши всё, как и мне, и сейчас иди исповедоваться». Я нехотя пошла; батюшка Иосиф был в нижней хибарке; я получила благословение и говорю, что батюшка Амвросий меня послал к нему исповедоваться, но мне не хочется. Батюшка посмотрел на меня и говорит: «Хочешь-не хочешь, а если Батюшка послал — готовься», и с этими словами ушел от меня. Немного погодя батюшка пришел и началась исповедь. Как легко, как радостно стало на душе!» Окончивши исповедь, я опять пошла к батюшке Амвросию. Вскоре он меня взял; моей радости не было конца, а батюшка, тоже радостный, встретил меня словами: «Ну что же, исповедалась?» Я сказала: «Да», а он говорит: «Всё говорила о. Иосифу, во всём каялась?» Я ответила: «Всё», и батюшка сказал: «Ну, теперь говори мне, кайся». Я снова начала каяться, а батюшка, внимательно слушая, смотрит куда-то через мою голову и улыбается. Я не могла понять,

что это значит. Потом оглянулась и что же... смотрю, батюшка Иосиф стоит сзади меня и улыбается. Тут батюшка Амвросий, улыбнувшись, говорит мне: «Ну, теперь иди; помози Господи». Ушла я, а какая отрада была на сердце! Этого и передать нельзя, тот только может понять, кто сам это испытал. Батюшка Иосиф принял меня грешную и был для меня отцом и наставником, утехой и отрадой моей жизни».

Незадолго до кончины старца прошел слух, что батюшку о.Иосифа хотят удалить из церкви и поместить в братской келии, в скиту. Многих это очень встревожило, и ему стали говорить: «Что же вы не съездите к батюшке? Дождётесь, пока вас выведут». Но о.Иосиф со свойственным ему спокойствием возразил: «Вот когда велят выходить, тогда и съезжу к батюшке; ведь без его благословения всё равно отсюда не могу уйти; а жить мне и в скиту будет хорошо за его молитвы». Так его смирение никогда не боялось никаких притеснений; смиренному везде хорошо, и он на всё с радостью бывает готов. Однако старца Амвросия этот слух встревожил, и он посылал разузнать; после этого всё смолкло.

В сентябре 1891 г. старец заболел. Болезнь сначала сочли за пустячную, и никто особенно не испугался. Но батюшка о. Иосиф в Оптиной, в бодрственном состоянии, слышал трижды повторенные слова: «Старец умрёт». По обычному своему смирению он никому об этом не сказал и, боясь доверяться подобным откровениям, не придавал этому значения и даже не поехал в Шамордино.

Но 8 октября старцу стало так плохо, что послали

за о.Иосифом. Когда он приехал, то старец от слабости почти не говорил. Он молча указал на исповедальную книжку, которую о. Иосиф и прочёл с глубокой горестью. Вечером старца торжественно похоронили; а на утро в последний раз о. Иосиф приобщил старца, как это всегда он делал в Оптиной. Нужно было видеть с каким благоговейным чувством он исполнил эту последнюю службу своему авве!..

В 11:30 дня 10 октября великий старец отец Амвросий скончался, оставив по себе великое множество плачущих. Но скорбь его ближайшего ученика, 30 лет жившего его волей и питавшегося его учением, была, несомненно, тяжелее всех. И вот в эти-то невыносимо скорбные минуты обнаружилась во всём величии его мужественная крепкая душа. В то время, когда многие, весьма духовные люди, были потрясены этою преждевременною, как казалось, кончиною, один он ни на минуту не потерялся и не упал духом, но ещё утешал и укреплял других.

В нём с первого раза многие нашли себе пристанище и поддержку духовную и почувствовали, что дух почившего батюшки о. Амвросия живёт в новом старце.

Когда возник вопрос о том, где предать погребению тело скончавшегося старца Амвросия, то много было по этому поводу волнений. Большинство высказывалось за то, чтобы похоронить старца в Шамордино, так как обитель эта основана и устроена его трудами и заботами, и ради её блага старец и переехал в неё жить. С этим соглашался даже настоятель Оптиной Пустыни. Того же мнения держался и сам преосвященный Калужский

Виталий. Батюшка о.Иосиф, как преданный сын Оптинской обители, конечно, не мог не желать, чтобы его великий учитель был положен в семье оптинских старцев, но по своей преданности и любви к почившему, тотчас же после его кончины, проникся особенной жалостью к осиротелой Шамординской обители, и потому также выразил своё согласие уступить тело старца. Но законные права имела, без сомнения, Оптина Пустынь, и владыка не решился взять на себя ответственность и послал телеграмму в святейший Синод.

В это время старец Иосиф велел всем сёстрам особенно молиться, чтобы Господь расположил сердца начальствующих положить тело старца в их обители. Но когда из Синода получена была ответная телеграмма с решением передать тело погребению в Оптиной Пустыни, то батюшка о. Иосиф не позволял больше никому восставать против распоряжения высшей власти; и немощных, ропщущих и негодующих строго останавливал, говоря: «Ведь молились и не вышло так; не без воли же Божией это сделалось, — значит так надо».

Отпевание усопшего было совершенно в храме Шамординской обители преосвященным Виталием 13 числа, а на другой день тело старца было торжественно перенесено в Оптину Пустынь. Несмотря на дождь и ветер, свечи не гасли всю дорогу. Уже темнело, когда шествие приближалось к Оптиной, и колокол загудел, созывая братию на встречу своему бездыханному отцу и наставнику. Далеко за паромом поспешно шел одинокий инок.

Лицо его было печально, губы шептали молитву... То был любимый ученик усопшего старца и его преемник старец о. Иосиф. Его авва, который воспитал его духовно, возвращался после долгой разлуки, но, увы, возвращался не в скит, не в хибарку, не для жизни и новых наставлений, а возвращался, дабы лечь рядом с дорогими останками своих великих учителей — старцев Льва и Макария.

В день погребения, 15 октября, преосвященный Виталий нового старца наградил набедренником. После обеда владыка, проходя мимо свежей могилы и увидев около неё толпу монахинь, обратился к ним с вопросом.

— Шамординские сёстры, кого же вы теперь выберёте себе старцем, — наверное о.Иосифа?

— Благословите, владыко святой, — отвечали они.

— Бог благословит, — сказал владыка.

Ещё накануне преосвященный посетил в скиту хибарку старца, очень благосклонно обошелся с о.Иосифом и уходя сказал: «Мы ещё увидимся». И, действительно, после похорон его неожиданно потребовали к архиерею. Увидя его, владыка приветливо с ним поздоровался и пригласил участвовать в совете, прибавив, обращаясь ко всем: «Отец Иосиф не должностное лицо; но я желаю, чтобы и он принял участие в нашем совете». Оказывая эту высокую честь простому скитскому иеромонаху, владыка этим хотел лишь подчеркнуть его значение, как старца.

Как известно, преосвященный Виталий, по своему болезненному состоянию был иногда раздражителен

и вспыльчив (представился через год в Киеве, в обители архимандрита Ионы, которого очень чтил). Так случилось и тут: о. архимандрит Исаакий одним словом, сказанным в пользу Шамординской обители, навлёк на себя неудовольствие преосвященного, который разгорячился и резко остановил настоятеля. Маститый старец, архимандрит Исаакий видимо смутился — произошло замешательство; все замолчали, не решаясь противоречить раздраженному архипастырю. Но вот, встает смиренный о. Иосиф и, со свойственной ему непринуждённой простотой, кротко, но твёрдо говорит своё справедливое слово, которым безбоязненно поддерживает архимандрита. Все замерли, ожидая бури... Но владыка сразу смягчился и заговорил совсем другим тоном; он признал справедливость его довода и согласился с мнением архимандрита и старца. Вот черта евангельского самоотвержения — там, где нужно, о. Иосиф готов был пострадать за правду, но без особенной крайности и нужды никогда из братии не выделялся.

Уезжая из Оптиной, архипастырь сказал братии следующие знаменательные слова: «Изберите себе старца по духу вашей обители...» Действительно, можно было найти старцев и по летам, и по жизни, но иного духа.

«Старчество» есть особый дар, коим наделяется не всякий желающий, хотя он был и хорошей, и духовной жизни. Старцы — это особые избранники Божии, предуготовляемые особыми промыслительными путями. Главными и существенными качествами их

должны быть — опыт духовный (он приобретается деятельною жизнью в послушании и под руководством старца); рассуждение (оно даётся только чистим сердцам, просвещенным Духом Божиим); терпение, любовь и смирение. Последнее есть особо выразительный признак истинного старца. Смиранный старец, если он и не учён, и не начитан, если он и не может вести философского разговора и отвечать на все богословские вопросы, то он, с присущею ему за смирение благодатью, может быть мудрее мудрецов века и подать слово назидания в такой силе духа, перед которой окажутся ничтожными все теоретически приобретённые познания. Иной и жизни хорошей, и говорит убедительно, и в Писании сведущ; но нет в нём той силы благодатной, которая живёт нередко в простых, Богом отмеченных старцах. Возьмём для примера любую иноческую обитель, в которой имеются такие старцы. Сколько там сеть иноков доброй и даже подвижнической жизни; есть иноки начитанные и, может быть, даже и с научным образованием, развитые умственно и духовно, с которыми приятно бывает поговорить, — но при этом, если у посетителя бо́льшая душа, если его мучает совесть, если его сердце томится и страдает от чего бы то ни было, — то он не найдёт у своих собеседников ответа на свои жгучие вопросы, да он и не откроет перед ними души своей, а пойдёт искать инока благодатного, который своей всепрощающей любовью обнимет его, как овцу заблудшую, своим смирением покорит его горделивый разум и своим простым, немудрым,

Свято-Введенская Оптиная Пустынь

но облагодатствованным словом разрешит все его недоумения и откроет ему слово жизни. Влияние такого человека безгранично; но нужно помнить, что обладают этим даром только приившие помазание свыше. Потому в большую ошибку впадают те, которые обращаются за указаниями в своём жизненном пути ко всем без разбора, ибо *«как может слепец слепца водить, не оба ли в яму впадут?»* — говорит Писание.

И вот мало-помалу Оптинская братия, никем не понуждаемая, стала относиться со своими душевными нуждами к прямому наследнику духовных дарований оптинского старчества, — о.Иосифу. Шамординская

обитель во главе со своей настоятельницей также вручила себя его руководству (архим. Исаакий на вопрос настоятельницы — к кому им теперь относиться, ответил: «Как у нас в Оптиной один общий старец о. Иосиф, так и у вас он должен быть...»); а за ними потянулись и другие обители и миряне, и снова Оптина Пустынь засветила на всю Россию свой светочь старческого окормления. И дверь старческой келии по-прежнему была открыта для всех желающих, нуждающихся и ищущих духовного руководства, поддержки в искушениях и утешения в скорбях.

После старца Амвросия осталось много неоконченных и запутанных дел, и батюшке о.Иосифу первое время очень трудно было во всем разобраться. На выраженное одной особой соболезнование по этому поводу, о. Иосиф твёрдо отвечал: «Да, батюшка оставил меня в неловком положении; но хотя бы и в Сибирь пришлось пойти, а старца судить никогда не буду». И за такую самоотверженную преданность и любовь Господь помог ему все дела привести в полный порядок, так что все успокоились и ещё больше стали доверять ему.

Одна мирская особа, которая окормлялась у батюшки Амвросия, после его кончины сильно скорбела и недоумевала, к кому ей теперь обращаться: к о.Иосифу, или ещё к кому? Сидя раз с такими мыслями в глубокой задумчивости, она, как бы в полудремоте, ясно слышит голос старца Амвросия: «Держись отца Иосифа, — это будет великий светильник». Это и положило конец её колебаниям.

Миръ бача и томи
Благословенни
Герасимъ Иосифъ.

Старческое служение

Так видимо и непосредственно вразумлял и помогал старец Амвросий своему возлюбленному сыну, ученику и наследнику своих дарований.

По кончине великого старца Амвросия его келья, или как принято её называть «хибарка» — свидетельница стольких молитв и подвигов, где совершилось столько духовных возрождений, где пролито столько слёз скорбных, радостных и покаянных — не опустела; приток живой воды лишь как бы на время остановился и затем снова забил сильным ключём. Дух Богоносных Оптинских старцев: Льва, Макария, Амвросия — воскрес в лице о. Иосифа. Хотя последний, конечно, имел и свои индивидуальные свойства, но он во всех своих взглядах, поступках и решениях был так проникнут духом своего великого учителя, что действительно становился как бы его отражением. И это-то именно и было дорого в нём, особенно первое время. Для той любви, веры, преданности, какие имели все к старцу о. Амвросию, было слишком тяжело отдаться другому наставнику. И только одно сознание и уверенность, что о. Иосиф скажет именно то, что сказал бы о. Амвросий, что он решил вопрос непременно так, как решил бы его покойный старец, что от него услышишь наставление, которые он сам некогда

принял от старца — это духовное единение, эта, так сказать, видимая осязательная преемственность великого дара старчества, — всё это и влекло к нему и сближало с ним постепенно. Даже наружность о. Иосифа стала походить на о. Амвросия и это, чисто внешнее обстоятельство, сказывалось в душе духовных детей почившего старца, его таинственное духовное присутствие ощущалось всеми, и нередко, когда старец о. Иосиф выходил на общее благословение, слышались возгласы: «Да это точно сам батюшка Амвросий... как он похож на батюшку!»

Принимал о. Иосиф в той же келье, где и покойный старец; исповедовал сидя на том же месте — на кровати, где покойный батюшка по нездоровью всегда занимался полулёжа. У изголовья теперь стоял большой портрет старца Амвросия, очень верно изображенный. Вся эта обстановка много говорила душе. К тому же старец Иосиф и по смирению и по своей любви к отцу Амвросию, никогда ничего не говорил от себя, а всегда ссылался на пример из жизни своего наставника. Сам он сильно скучал без старца и любил вспоминать о нём; и нередко эти дорогие воспоминания обрывались на полуслове... «Всё прошло и всё проходит», — заканчивал о. Иосиф с глубоким вздохом, и тихая грусть светилась в его кротких очах... Очень характерен его ответ на слова одной духовной дочери, что мол, столько скорбей выпало на его долю. Старец Иосиф сказал: «Какие скорби при Батюшке? Я их тогда не чувствовал, а вот теперь...», — и он от волнения не закончил.

Первым и самым тяжелым бременем легла на

старца Иосифа, конечно, осиротелая Шамординская обитель. Неустроенная, необеспеченная, она пережила тяжелое время. Много было тогда волнений, смущений и прочего, и много испытал и видел о. Иосиф скорбей из-за неё. Но всё он победил своим терпением и смирением. Враг рода человеческого делал своё дело, и многие духовные люди обнаружили свою немощь человеческую, но о. Иосиф один остался неуязвимым и невозмутимым. Он при помощи Божией сумел остаться в хороших, искренних отношениях со всеми, кто прямо или косвенно показывал ему своё недружелюбие и никогда ни о ком из них не обмолвился ни одним словом, и, в конце концов, заставил всех признать его превосходство духовное и внушить к себе одно уважение.

При жизни старца Амвросия о. Иосиф не принимал никакого участия в делах Шамордина; но по кончине его, как сказано было выше, он почувствовал такую жалость к этой обители, какой и сам не ожидал, как говорил впоследствии. Он принял, так сказать, на свои руки это детище батюшки о. Амвросия. Настоятельница обители, верная и преданная ученица о. Амвросия, с глубоким расположением стала теперь во всех делах монастырских советоваться со старцем Иосифом, и по-прежнему в обители ничего не делалось без воли старца и его благословения. Лишенная зрения, игуменья Ефросиния единственную поддержку и утешение находила в старце Иосифе, и ему одному поверяла всё, что ложилось на её душу тяжёлым

бременем. Удивительный пример отношения к старцу являла собой эта настоятельница: сама духовная старица, опытная и мудрая, ровесница по летам и 8-ю годами старше о. Иосифа по монашеству, она глубоко смирялась перед ним, как пред указанным Богом старцем. Она часто ездила к нему, ещё чаще писала (несмотря на свою слепоту, она писала старцу всегда сама по подложенной линейке), и постоянно в каждом деле призывала его молитвенную помощь наравне с драгоценным именем батюшки Амвросия.

Вскоре о. Иосиф и официально был утверждён духовником Шамординских сестёр наравне с скитоначальником старцем о. Анатолием, и потому два раза в год — Петровским и Успенским постами — приезжал в Шамордино для исповеди духовных детей старца Амвросия, перешедших теперь к нему (а в зимнее время сёстры ездили к нему).

Для скорбных сестёр приезды эти служили большой радостью. Его встречали и провожали, как покойного батюшку Амвросия. Такою же тесною толпой окружали они его, также сопровождали во время осмотра монастыря и также нежно и усердно заботились о покое того, кто с такою любовью принял на себя все тяжелые заботы о них. Батюшка Иосиф сделался для них вторым отцом: их нужды, их скорби были для него своими, их душевное спасение — дорого.

В Шамордине он никогда почти не оставался ночевать, сколько его ни упрашивали. «Нет, — говорил он, — хоть и поздно, а как-то приятно ехать по той дороге, по которой ездил батюшка и аз с

ним». Сколько любви к старцу и глубокой грусти по нём скрывалось в этих словах!

Но скоро эти поездки прекратились совсем; его слабый организм не выдерживал продолжительного утомления; и однажды, заболев в Шамордино, старец не стал больше туда ездить и даже не видел нового отстроенного собора.

В Оптиной жизнь его была тоже трудовая: с утра выходил он на делание своё и оставался на нём до вечера, как верный слуга Божий. С 8-ми часов начинал он приём посетителей. После трапезы, на которую, когда был здоров, всегда ходил неопустительно, он несколько отдыхал. С 2-х часов опять принимал до 8-ми часов, а иногда и позже; после чего всегда выслушивал прочитываемое келейниками вечернее правило. Летом, после 2-х часов в жаркие дни, он выходил в лес, куда дозволялось сопровождать его желающим. Все обыкновенно шли поотдаль, а старец впереди с кем-нибудь занимался. Когда садился он для отдыха, то рассказывал что-нибудь назидательное. Эти духовные прогулки в пустынном лесу со своим наставником напоминали древнюю пустыню с её отшельниками. Келейники у него поначалу оставались те же; но вскоре одного из них взяли в монастырь, и старец долго оставался с одним, пока настоятель не прислал ему другого и велел оставить за послушание.

Вообще во внешней жизни он был очень строг к себе; никогда, несмотря на своё слабое здоровье и непосильные труды, он не позволял себе никаких послаблений. Только последние годы перестал ходить

на трапезу, так как вообще не мог выходить на воздух; а прежде даже вечером в его келье не разводился очаг; впоследствии же на ужин ему приготавливали жиденький кисель, или рисовую кашу. Вина он никогда не употреблял; даже в случаях болезни, когда это ему было необходимо и врачи настоятельно требовали, он не соглашался и строго останавливал близких, упрасивающих его подкрепить свои силы, говоря, что это лишнее и чтобы больше ему об этом не говорили.

Когда по праздникам служил собором в монастыре, пока был в силах, никогда не позволял себе ездить, а всегда и зимой, и осенью в непогоду ходил пешком. Также и в одежде был строг к себе. Долгое время носил он выношенный меховой подрясник, который уже не грел, а только тяготил его, слабого и зябкого, и никак не соглашался переменить его. Наконец, уже усердствующие, не спрашивая у него, купили мех и сшили новый подрясник, который батюшка принял с любовью, не желая огорчить усердия своим отказом, но и то велел переменить воротник, чтобы ничем не отличаться от простого монаха.

От служения он никогда не отказывался, когда его назначали. И если станут его просить, чтобы он отказался в непогоду или по нездоровью: то он строго и внушительно отвечал: «Мы этим живём — как же от этого отказываться».

Спал старец очень мало, и днём не всегда ложился, а занимался чтением и молитвой. Однажды когда заметили ему, что он изнуряет себя, лишая и малого отдыха, на это батюшка ответил: «Да разве

отдых состоит в том, чтобы спать, — на это есть ночь, а днём довольно и так одному побыть». Когда скорбели по поводу его изнеможения от трудов, он обыкновенно приводил в пример св. Феодора Студита, который сам томясь в заточении, утешал и ободрял скорбящих братий и, несмотря на свои страдания от согнивающих ран, писал наставления своей пастве. «Вот какая любовь была», — добавлял смиренно старец. Времени он никогда не терял в праздности, — всё у него было распределено; замечательно, что будучи уже старцем, когда ему почти не оставалось времени на отдых, он, улучив свободную минутку, или брал книгу, или занимался переклеиванием старых конвертов на внутреннюю сторону, которые затем употреблялись для рассылки писем по ближайшим монастырям. Всё у него было во время и в меру; и оттого, может быть, у него всё так и спорилось, и все были удовлетворены.

В обращении он был удивительно ровен со всеми. Всегда приветливый и участливый, он ни перед кем не заискивал, никого не привлекал, никого не отличал; даже для лиц высокопоставленных он не изменял своих порядков. Родственников, приезжающих к нему, он принимал наравне с прочими в той же приёмной и беседовал с ними; но никаких чаепитий и никаких особых утешений родным не предлагалось. Вообще он никого к себе не звал и никому не отказывал.

Одна особа обратилась к нему в письме с просьбой принять её в своё руководство, поясняя что её многое смущает и беспокоит. Не получив на

это письмо ответа, она приехала сама в Оптину и так расположилась к старцу, что открыла ему свою душу. На вопрос же её, почему батюшка не ответил на её письмо, он сказал: «А я ждал, что вы вслед за этим напишите, что вас смущает». «Я не решалась этого сделать без вашего позволения и думала, что вы меня не примете», — возразила госпожа. «Да разве старцы когда отказывают, кто к ним обращается», — сказал он ей на это.

Принимая всех без различия, о. Иосиф всегда отвечал на предложенные ему вопросы, но сам никогда не заводил речи. Раз одна подумала: «Отчего это батюшка сам никогда ничего не скажет?» А старец вдруг, отвечая на её мысли говорит: «Вопрошаемый не должен сам говорить, а только отвечать вопросившему!» Один из близких старцу иноков рассказывает, что, в начале своего отношения к нему, он даже роптал на старца за то, что он так скуп на слова, и никогда ничего не говорит без вопроса, а когда придёшь к нему, он скажет только: «Ну что?» и уж самому нужно предлагать вопросы. Отчего, думалось иноку, старец так начитан святоотеческого учения и преисполнен сам мудрости духовной, и мог бы поговорить побольше, а между тем всё нужно понуждать его вопросами? Но впоследствии старец разъяснил ему словами преподобного Петра Дамаскина, который пишет: «Без вопрошения братии, не должно говорить чего-либо для пользы, чтобы доброе было по свободному произволению, как и апостол учит: не яко обладающему причту, но образ бывайте стаду» (1 Петр. 5, 3). И древние отцы

без вопрошения не говорили служащего ко спасению, считая это празднословием». Тогда, — говорит инок, — я понял глубокую мудрость старца и перестал его осуждать за это и получал великую пользу от его кратких, но сильных ответов; и приходилось на опыте в этом убеждаться, что иной и много говорит, а слова его не остаются в сердце.

Другому иноку старец сам сказал, вероятно потому, что и он этим же смущался: «На меня недовольны некоторые, что я мало говорю. Но для того, чтобы утешить скорбящую душу, много и не надо говорить, — надо только дать свободно самому выказаться не перебивая, — и когда выскажет все свои скорби, уже этим самым и облегчит свою скорбь. К этому остаётся прибавить только несколько согретых любовью слов и пояснить кое-какие недоумения, и человек после этого видимо укрепляется верою, обновляется душой и снова готов всё терпеть».

И это ощущали на себе все относившиеся к старцу. Его краткие ответы и сжатые наставления были сильные и действительнее самых обстоятельных и продолжительных бесед. Он умел в двух-трёх словах сказать так много, что сразу становилось всё ясным и понятным. Самые убедительные доводы самолюбия и горделивого самооправдания разбивались вдребезг от одного его слова: «Ну, что-ж, надо потерпеть». Своим смирением он смирял самые бурные сердца; от него веяло всегда такой небесной тишиной, что в его присутствии самые неуступчивые, гордые и строптивые совершенно изменялись.

Не лишним будет здесь припомнить, что

старец Амвросий говорил иногда: «Вот я пою вас вином с водою, а о. Иосиф будет поить вас вином неразбавленным». Прежде всего, конечно, нужно видеть в этом великое смирение дивного во избранных старца Амвросия; а затем здесь ясно видно указание на то, что о. Иосиф, будучи отражением о. Амвросия и по жизни, и по учению, — по внешней форме своих наставлений отличался от своего учителя. О. Амвросий был человек с образованием, обладал самым всесторонним умственным развитием, по характеру был общителен, и потому речь его была, помимо своей благодатной силы, увлекательна яркостью мысли, образностью выражения, лёгкостью, живостью, умной весёлостью, в которой скрывалась глубокая мудрость как житейская, так и духовная. Отец же Иосиф был весь сосредоточенность, и речь его была сдержанна и дышала лишь одним святоотеческим учением.

Вообще он не любил баловства, уступок, и как истинный монах никогда не был наружно ласковым, хотя был и снисходителен, и мягок. Единственным выражением его внимания и ласки к чадам духовным состояло у него в том, что он в особенных случаях слегка ударял кого-либо из них по голове. С более близкими и преданными ему лицами он был скорее строг и непреклонен; но этим он достигал того, что ему предавались всецело, неотступно, истинно.

Бывали случаи, что некоторые, не сумевшие понять и оценить его, считали его отношение невнимательным и холодным и, по малодушию своему, увлекаясь внешнею ласковостью других и считая это необходимым условием для успокоения

внутреннего, оставляли старца Иосифа. Такие отпадения никогда не вызывали у смиренного старца никакого неудовольствия, не возбуждали ни зависти, ни огорчения; и с тою же отеческою любовью, с полным всепрощением и забвением случившегося принимал он снова, когда возвращались назад понявшие свою ошибку и ощутившие лишение.

На исповеди батюшка был всегда серьезен, и замечания его как-то особенно проникали вглубь и будили там сознание своей греховности и безответственности перед Богом. Самый его вид, его лицо, озарённое каким-то внутренним светом, его ангельская улыбка, в которой отражалась чистота его души, его полуопущенные глаза, через которые глядели на кающегося кротость и смирение, — всё это вместе неотразимо действовало на душу. Это был живой свидетель истинности евангельских слов: *Бог гордым противится, смиренным же дает благодать, и сила Моя в немощи совершается (Иак.4;6).*

Безнадёжный грешник, побывав у старца Иосифа, обновлялся духом, изменялся к лучшему. Некто страдал меланхолией и был близок к отчаянию, не видя исправления своей жизни. По совету знакомых, он начал ездить в Оптину, и там, после беседы со старцем, всякий раз получал облегчение. Враг всячески старался отвлечь его от этих поездок, внушая, что бесполезность их доказывается его неисправлением; но он продолжал ездить к старцу. Кончилось тем, что он совершенно примирился со своим тяжёлым положением, и свой внутренний крест — тоску — уже нёс с благодушием, видя в нём

как бы эпитимию за своё неисправление.

Один инок, искренно расположенный к старцу, всегда ходил к нему на откровение помыслов. Но враг рода нашего, не хотящий никакого добра и ненавидящий даже и голос того, кто утверждает на пути спасения, восхотел и этому иноку заградить вход к старцу, и навёл на него охлаждение и неверие. Инок перестал ходить к старцу. Но, по милосердию Божию и по молитвам своего наставника, он скоро познал, что поддался вражескому искушению и придя к старцу сказал: «Батюшка, простите меня за откровенность, — я потерял всякую веру в вас». На это старец по-отечески мягким, успокоительным тоном ответил: «Что же, сын мой, удивительного в твоём искушении? Святые апостолы и те усомнились было в вере в Бога и Спасителя; а после своего неверия ещё сильнее укрепились в вере, так что уж ничто не могло их отлучить от любви Христовой». Искусившийся инок тут же почувствовал перемену в душе и совершенно предался в волю старца, исполнившего на себе апостольские слова: вы, духовные, исправляйте духом кротости. Батюшка говорил, что кто относится к старцу, тот хотя и слабо ведёт свою жизнь, но всё-таки крепче стоит живущего без управления.

Одна из первых его духовных дочерей, ещё при старце Амвросии, видя, как её наставник преуспевает духовно и видимо готовится Богом к принятию старчества, по малодушию своему, скорбела, что когда придёт это время, то ей уже нельзя будет так свободно с ним заниматься и однажды высказала

ему своё опасение, прибавив, что кажется, она того и не вынесет. На это о. Иосиф ей тогда отвечал: «Что-ж? Ко всему надо быть готовым; вон м. Амвросия Ключарева (основательница Шамординской обители) прежде с батюшкой каждый день занимались, сколько хотела; а потом и раз в неделю рада была попасть». И действительно настало время, что и о. Иосиф не мог уже подолгу беседовать с каждым. Между прочим теперь она стала получать пользу душевную, успокоение и утешение от одного его выхода на общее благословение, и стала удовлетворяться и дорожить одним его словом более, чем прежде продолжительными наставлениями.

Одна послушница, в начале своего поступления в монастырь, от своих немощей и неисправностей приходила в сильное смущение, и через это не находила покоя внутреннего. Когда она открыла это старцу Иосифу, то он своими сильными наставлениями скоро ободрить её, говоря, что в смущении не может быть и покаяния; а самоукорение одно может успокоить.

После эта же послушница страдала от одного тяжелого искушения и неотступно просила старца избавить её. Старец сказал ей всего несколько кратких слов, но с такою силою и властью, что она в ту же минуту почувствовала, что исцелилась, и более того с ней не повторялось.

Другая духовная дочь старца Иосифа рассказывает, что её стал беспокоить помысел, что она непременно утонет (так как раньше ей кто-то это предсказал), и она поддалась сильному страху и смущению.

Наконец, она решила сказать об этом батюшке. Старец хлопнул её слегка по голове и весело, спокойно сказал: «Ну, так что ж! Утонешь и утонешь, — ведь ты не сама себя будешь топить; так чего ж бояться? С Богом всё равно, как ни умирать». С тех пор страх внезапной смерти у неё исчез. «Даже иногда и один взгляд его говорил мне более, чем томы проповедей», — заканчивает она.

Одна послушница очень унывала и, когда была в Оптиной, то в унынии сказала старцу: «Трудно жить, батюшка!» На эти слова ропота Старец заметил: «Ещё труднее будет под старость, да и чем же мы можем спастись, если не скорбями». Через несколько времени я опять была у старца и снова жаловалась говоря: «Не могу больше, очень трудно, уеду в другой монастырь». Батюшка сказал: «Нет, не езд, оттуда в Оптину не будут пускать, да и дорога будет очень дорога». Точно шубу, снял с меня батюшка мою скорбь, — так мне стало легко и более уж никогда никуда не просилась».

Лицеприятия или человекоугодничества в старце Иосифе не было и тени. Подадут ему большую сумму на поминование, и деревенская женщина принесёт простое полотенце — благодарность одна, как первому так и последнему: «Спаси Господи», — и просфора, листочек, иконочка на благословение и тёплое отеческое слово в напутствие. Он строго исполнял слово Господа: *просящему у тебя дай* — и всем просящим давал возможное.

Кроме таинственного влияния своим благодатным словом на душевное расположение человека, отец

Иосиф имел ещё несомненный дар исцеления — как от страстей, так и от телесных болезней.

Одна Шамординская монахиня сильно и долго страдала болью в желудке. Ни свои монастырские медицинские пособия, ни лечение козельских докторов не только не помогали, но даже не облегчали её страданий. Монахиня задумала испробовать последнее средство — обратиться к оптинскому фельдшеру-иноку, очень опытному врачу. Зная об этом намерении монахини, м. игуменья, собираясь в Оптину, предложила ей поехать вместе с ней. Монахиня неохотно приняла это приглашение, зная что от дороги боли её усилятся, и она только стеснит и обеспокоит матушку. По приезде в Оптину, они, конечно, прежде всего пошли к старцу. Больная рассказала ему, как она страдает желудком. На это старец, ласково улыбаясь, заметил: «Ты что же, к нашим докторам приехала?» — А затем, подойдя к святым иконам, стал молиться; после чего отпустил монахиню, велев ей сходить в монастырскую больницу. Монахиня это исполнила и принесла с собой пузырёк с лекарством, но тут заметила, что не чувствует никакой боли. С той поры болезнь её исчезла бесследно, и пузырёк с лекарством так и остался нетронутым.

Г.А. передавала, что она страдала сильными головными болями. Однажды, сидя в хибарке, она почувствовала такой сильный приступ мигрени, что даже испугалась. Вскоре старец вышел на благословение, и она могла только проговорить: «Уж очень голова болит, батюшка». Он улыбнулся и ударил

её по голове. Боль мгновенно прошла. Когда же старец ушел, она от радости тут же всем рассказала; но к вечеру боль головная у неё возобновилась. Поняв свою ошибку, она на следующий день передала об этом старцу, который, вразумив её, сказал: «Ну, потерпи: поболит — поболит да и пройдёт». И действительно головные боли продолжались ещё несколько времени, а затем прекратились окончательно.

Госпожа Е. говорит о себе: «В молодости я курила, несмотря на запрещение докторов, и это обратилось в привычку. Сколько потом я не пробовала бросить курить, никак не могла. Наконец на исповеди перед старцем Иосифом я покаялась в этом и просила его святых молитв. Старец не стал укорять меня за это, а ласково сказал: «Не кури, тебе это вредно», — и прибавил: «Ты купи себе шалфей и вместо табака насыпай его в патронку и кури». Но дело не пошло у меня; шалфеем курить я не могла, а продолжала курить табак. Бывши в Оптиной, я снова стала просить старца, чтобы он помолился. «А что же, шалфей-то не курится?» — смеясь спросил батюшка и при этом благословил меня со словами: «Помози, Господи». Дорогой из скита я почувствовала сильное угрызение совести. На меня сильно повлияло то, что батюшка так ласково, без малейшего укора отнёсся к моей немощи, и я сразу бросила курить».

Эта же барышня вспоминала: «На первой недели Великого поста я говела, и очень страдала от боли в поясице. Когда я сказала об этом старцу, он велел мне растереть больное место арникой. Повеление это я исполнила, и боль моя совершенно прошла;

тогда как раньше я перепробовала всевозможные лекарства, и ни что не помогало. Верю твердо, что от всех своих немощей я спаслась молитвами батюшки Иосифа, и уверена, что и вся моя жизнь шла хорошо только по его молитвам».

Одна молодая женщина приехала в Оптину Пустынь со своим малолетним сыном, у которого настолько разболелась нога, что он не мог даже ходить. Его на руках внесли к Старцу, а из келии батюшки Иосифа он уже вышел сам на своих ногах.

Одна особа, живя в Оптиной, сильно заболела; она попросила себя привести в хибарку к батюшке. Он её принял и, дав ей в руки свои чётки, прошел в спальню, сказав: «Подожди». А когда он вышел, она совершенно забыла про свою болезнь.

Крестьянка А. была больна. У неё очень опухли околошейные железы. Два раза ей делали операцию, но опухоль ещё больше увеличивалась, так что она даже не могла повернуть шеи. Она обратилась к батюшке за советом: делать операцию или нет? Он ей сказал: «Операцию не надо делать, а отслужи молебен великомученику Пантелеимону и так поправишься». Крестьянка отслужила молебен и её опухоль прошла бесследно.

Одна послушница передаёт о себе следующее: «Ещё при жизни батюшки у меня были большие скорби. Невыразимо тяжело было мне, и не было среди окружающих сочувствующего мне человека. Наконец, дошло до того, что у меня заболела грудь и пошла кровь горлом, и я с большим трудом исполняла своё послушание, скрывая от всех свою слабость.

Между тем подошло время покоса, я должна была идти с другими, хотя и чувствовала свою полную слабость. Я совсем упала духом и с вечера горячо просила Царицу Небесную, чтобы Она мне помогла. Уснув, вижу, что я в хибарке около иконы Божией Матери «Достойно есть». Я жду, но батюшка меня не принимает. Наконец, выходит покойная игуменья, к которой я была близка и я ей говорю: «Матушка, люди за своих близких просят батюшку, что же вы меня не попросили?» «Нет, я просила батюшку за тебя» — ответила она. Только что она сказала это, из двери вышел сам батюшка в беленьком балахончике и три раза сказал: «Христос воскрес!» Я зачитала во сне: «Достойно есть...» — и, прочитав до конца, кинулась к батюшке, рассказывая ему свои скорби и как у меня болит грудь. Тогда батюшка свернул комом полу своего подрясника и прижал ею больное место на груди, сказав помнится: «Бог милостив». Потом приласкал меня, и я проснулась совершенно здоровой. И до сих пор грудь у меня никогда больше так не болела. Попав потом на самом деле к батюшке, я ему рассказала, как он исцелил меня во сне и батюшка, выслушав, сказал: «Ну, слава Богу! Совсем прошла? Теперь не болит? Ну, благодари Бога!»

О.Д. рассказывал о бывшем с ним случае внезапной помощи от одного лишь воспоминания имени старца. Бывши на скитской даче, он по послушанию приехал в монастырь за рыбой к какому-то празднику. Окончив все свои дела, он сходил к старцу принять благословение и отправился обратно. Дорогой лошадь его чего то испугалась и понесла; причём валеk попал

под постромку и ещё более раздражал испуганную лошадь. О.Д. выскочил из тележки и сказал про себя: «Батюшка, ведь я же с твоим благословением поехал»... И только он помянул имя старца, как лошадь его с храпом остановилась, дрожа всем телом. Он подошел к ней, оправил, вывел на дорогу и благополучно поехал дальше.

И вообще по молитвам о. Иосифа Господь часто посылал чудесную Свою помощь там, где люди уже ничего не могли сделать.

Один из таких замечательных случаев рассказывает госпожа Т., духовная дочь старца: «Мой муж, человек мало верующий в Бога, заболел тяжёлым нервным расстройством. Обращался он ко всем знаменитым докторам, лечился разными способами, но помощи от лечения никакой не получил. Я же очень уважала и любила старца Иосифа и с самого начала обращалась к нему со своими душевными невзгодами, а теперь, в такое тягостное для меня время, я, конечно, не раз обращалась к нему и за молитвенной помощью, и за советом, что мне делать с больным мужем. Перед тем, как ехать нам с мужем в Москву к докторам, я получила от батюшки письмо, где он велит мне передать мужу, чтобы он непременно там поговел и приобщился Святых Таин. Я подумала при этом, что передавать мужу подобный совет бесполезно, но к великому моему изумлению, муж хотя и неохотно, но всё же согласился приобщиться, что и исполнил в одном из московских храмов. После приобщения как будто наступило некоторое улучшение, но не надолго, и тяжелые первые припадки тоски, сердцебиения

и слабости возобновились с ещё большей силой. Я стала падать духом, а муж мой слабел и не мог заниматься своей обычной деятельностью. На меня нападало отчаяние и в голову шли мрачные мысли.

Но вот раз в январь месяце, в холодную погоду, муж мой говорит мне: «Поедем в Оптину». Зная как муж относился к религии вообще, я не могла поверить серьёзности его намерения и оставила его слова без внимания. На следующий день, вернувшись со службы, муж спрашивает меня: «Что же собралась ты, мы завтра едем в Оптину». Это было так для меня неожиданно, так ново, что я в глубине души постигла в этом силу молитвы батюшки Иосифа.

30-го января мы выехали в Оптину и по приезде туда сейчас же пошли к старцу, который принял прежде моего мужа, а потом меня. О чём они говорили, я не знаю, но когда я вошла к старцу, то батюшка мне сказал: «Нет, он ничего». Затем старец велел нам обоим поговорить, и на Стретенье мы приобщились Святых Таин. За молитвы праведного старца муж мой терпеливо выстаивал все длинные Оптикинские службы и выполнил все полагающиеся правила. Исповедывал старец сам.

Напившись чаю, мы пошли в хибарку, и батюшка опять принял нас порознь. Мужу он дал маленький шейный образок Черниговской Божией Матери и св. Феодосия на другой стороне и, благословив его, сказал: «Это вам на память». Затем батюшка позвал меня и сказал, чтобы сегодня же после вечерни выезжали в Тихонову Пустынь, чтобы там отслужить у мощей преподобного Тихона молебен с акафистом

и сейчас же ехать на св. колодезь, где после краткого молебна непременно искупаться в источнике, после чего, напившись чаю, немедленно выезжать в Орёл.

Слушая это и помня, что стоит холодный февраль, я подумала, что муж мой ни за что не согласится выполнить это и сказала это батюшке. Он мне на это ответил: «Ну, тогда попроси монаха облить его подогретой водой из источника; а лучше бы искупаться. Чахоточные там купаются и получают исцеление». Выслушав батюшкины слова, я только просила его святых молитв. Вечером мы выехали в Тихонову Пустынь.

Ночью поднялась сильная холодная вьюга, и мы с трудом доехали от станции до монастыря. Там мы застали конец ранней обедни и затем отстояли молебен преподобному Тихону с акафистом. Наступило время ехать к источнику. Настроение моего мужа переменялось, и он стал медлить, говоря: «Ну, как ехать в такую погоду». Я мысленно призывала драгоценные молитвы старца и как умела уговаривала и торопила мужа исполнить благословение батюшки. Вдруг мой муж сразу решился ехать. Лошади были готовы, и я взяла побольше тёплых вещей и мы поехали к колодцу. Вьюга была страшная и холодная, по дороге не встречалось ни одной души.

Приехав туда и отслужив молебен, муж с монахом пошел в мужскую купальню, я в женскую. Там никого не было: пол был покрыт льдом. Погрузившись три раза, я быстро оделась и вышла на дворик, где увидела стоящего уже в шубе своего мужа. У меня

мелькнуло в голове: «Не купался». Но к великой радости он объявил мне, что прекрасно выкупался. Скоро мы доехали до гостинницы, где нас ожидал самовар и обед. Муж был весел, покоен, всё находил очень вкусным, тогда как всё время болезни у него ни к чему не было аппетита.

По благословению старца мы в этот же день выехали в Орёл, где муж мой с этих пор стал видимо поправляться и теперь молитвами старца он совсем здоров и занимается по-прежнему своей службой».

В описанном здесь случае особенно ярко выступает сила молитв святого старца. Кто мог совершить переворот в душе маловерующего человека и без всякого внешнего воздействия заставить его самого добровольно подчиниться всем крайне нелёгким требованиям про-стого инокa. С другой же стороны, в этом обстоятельстве ещё видно и глубокое смирение истинного старца. О.Иосиф, подобно своему учителю, старцу Амвросию, никогда не открывал явно своих дарований, посылая больных и страждущих по святым местам.

Случаев, в которых ясно обнаруживался его **дар прозорливости**, плод просвещенной благодатью смиренной души его, так много, что невозможно все передать их. Передадим здесь наиболее замечательные.

Один господин, служащий на частной железной дороге, захотел переменить своё место на более выгодное. Относившись ранее в таких важных случаях к старцу Амвросию, он теперь очень скорбел, что не имел человека, у которого бы с верой

мог попросить совета. После некоторого колебания, он решил принять предлагаемое выгодное место и сказал своей жене: «Вот если бы жив был батюшка Амвросий, спросил бы я у него, что мне делать — и был бы покоен». На это жена сказала ему: «Поедем к его ученику, батюшке о. Иосифу, — он теперь старец, — спроси у него». «Зачем я поеду к о. Иосифу, — я к нему веры не имею, и потому не могу спрашивать его совета». «Ну, хотя благословение примешь на новое место, и то лучше будет», — говорит жена. «Вот разве только благословение принять, — согласился он, — а спрашивать его я не буду; да ведь уже решил совсем».

Приехали в Оптину, пошли на могилу старца Амвросия, где приезжий господин даже заплакал от скорби. Жена, наконец, говорит ему: «Пойдём же теперь к батюшке Иосифу». «Пойдём, — сказал он, — я приму благословение и уйду; а ты, если хочешь, оставайся». Старец скоро принял приезжих, и господин первый заговорил о том, что ему предлагают хорошее место. «Напрасно, — говорит ему старец, — я вам не советую переменять; здесь вы можете получать награды и заслужить пенсию, и потому оно будет для вас выгоднее той должности, какую вам предлагают». «Но какая же тут может быть пенсия, — возражает господин, — ведь моя служба неказённая». «Нет, всё-таки подождите немного», — закончил утвердительно старец. Господин вышел от старца в большом волнении и смущении и говорит жене: «Чего же я буду ждать? Только выгодное место упущу». Но жена уговорила его послушаться старца и хотя немного подождать. «Если упустишь это место,

Бог пошлёт другое», — говорила она. Наконец, он согласился подождать.

И что же? В скором времени эта железная дорога переходит в казну, и служба делается государственной; а господин этот получает награду и право на пенсию, так что слова старца сбылись в точности. Место это сделалось выгоднее того, какое ему предлагали. После господин нарочно приезжал к старцу и искренно благодарил его.

Богатая Козловская помещица, прочитав с увлечением жизнеописание старца Амвросия, предложила своим двум дочерям, только что окончившим институт, поехать в Оптину Пустынь. Младшая дочь охотно согласилась, а старшей не хотелось, так как они ждали к себе в имение большое общество гостей и молодёжи, и предполагалось весело проводить время. Мать пробовала её уговорить, но она упросила оставить её дома с гувернанткой.

Помещица с младшей дочерью приехали в Оптину, где им обоим так понравилось, что захотелось побыть подольше. Гостинник посоветовал им сходить к о. архимандриту и затем посмотреть свободные помещения. Придя на благословение к старцу, они сказали ему, что им здесь так нравится, что хотелось бы погостить подольше. Но батюшка так решительно и серьёзно сказал на это: «Нет, надо ехать скорее домой». Ответ этот очень удивил их, и они недоумевали, почему батюшка так не приветливо к ним отнёсся, и даже точно гонит. На следующий день они опять пошли в хибарку. Старец, выйдя на благословение и увидя их, строго сказал: «Как,

вы ещё здесь? Скорее поезжайте» — и быстро повернувшись, пошёл к себе, проговорив, уже подымаясь по ступенькам: «А то, пожалуй, и гроба не застанете». Многие, находившиеся в хибарке слышали эти слова, которые на всех произвели тяжелое впечатление. Помещица, наконец, очень встревожилась и, несмотря на уговоры гостинника, тотчас же собралась и уехала.

Подъезжая к своему дому, они были удивлены, увидя у крыльца большое стечение народа, а вскоре из дверей показался гроб. Оказалось, что старшая дочь, отказавшись от поездки в Оптину, катаясь верхом, упала с лошади и убила на смерть.

Одно семейство встречало в Оптиной Пустыне Пасху. После вечерни они пришли к старцу проститься, так как за ними должен был приехать нанятый извозчик. Но батюшка им сказал: «Нет, вы оставайтесь и завтра отстойте утреню и обедню; служба будет торжественная, и служить будет архимандрит Агапит. Они на это ответили, что остаться им никак нельзя, так как извозчик нанят, и он не согласится ждать их до завтра. Но старец снова проговорил: «Нет, он не приедет». Придя в номер, они стали ждать извозчика, который действительно не приехал, и они остались. Оказалось, что на реке была буря, и нельзя было переехать.

Одна особа, возымев желание видеть о. Амвросия, собралась ехать в Оптину, но родные отговорили её, пугая дальностью и трудностью пути. В октябре месяце она прочла в газетах о кончине старца. Скорбь и раскаяние, что она по малодушию лишила

себя навсегда благословения такого великого старца, охватили её. Затем она видит во сне, что о. Амвросий благословляет её и сестру финифтяными иконочками. Какие это были изображения, она не помнит; только на одном образке было очень много лиц, а на другом несколько. После этого она написала своей знакомой в Шамордино, прося её выхлопотать у м. Игуменьи какую-нибудь из оставшихся у старца Амвросия иконочек, ей на благословение. Но к этому времени все мелкие вещи были уже розданы, и послать ей было нечего. Тогда её Шамординская знакомая, бывши в Оптиной, рассказала об этом батюшке о. Иосифу. Старец сказал: «Сходи в лавочку и попроси подать тебе ящик с финифтяными образками прежней покупки и перекрестясь опусти руку в ящик; первая икона, какая тебе попадётся — это благословение р.б. Софии, а вторая — её сестры. Знакомая так и сделала. Каково же было её изумление, когда она увидела, что первый образ был — Киевские угодники (много лиц), а второй — собор архистратига Михаила (несколько лиц). Положив предварительно эти иконы на могилу старца о. Амвросия, шамординская монахиня отослала их своей знакомой и вскоре получила от неё ответ, исполненный благодарности и удивления, т.к. иконочки оказались точно такими, какие она видела во сне. Кроме того, через несколько времени её мужа перевели по службе в Киев, где они и жили сначала около Лавры, а потом вблизи Михайловского монастыря.

Одна очень преданная старцу особа, будучи вполне

свободной, поселилась вблизи Оптиной Пустыни, чтобы быть ближе к батюшке о. Иосифу. Одно время она сильно поддавалась смущающему её помыслу, что она напрасно только беспокоит старца, и что ей вовсе не к чему здесь жить. С этими мыслями пошла она в скит, решив в душе, что идёт в хибарку последний раз. Старец принял её на благословение; и только что она хотела сказать ему, зачем пришла, как была поражена видом старца: из его глаз лились потоки лучей. Она остолбенела; а старец ласково улыбнулся, ударил её по голове и благословил, сказав: «Напиши-ка мне лучше исповедных книжек». Выражение лица старца было такое, как бы он говорил: что поняла?! И при этом он протянул ей книжку со словами: «На, читай». Заглавие книжки было: «Вера слепая и вера мёртвая».

Та же особа рассказывает. Не получая долго писем от сына, она спросила у старца, не умер ли он, и как его поминать? Старец ответил: «Всё равно, как ни поминать, только поминай». Из этого ответа она заключила, что сын её умер, и вскоре действительно получила известие о его смерти. С ней сделался столбняк: ни плакать, ни молиться она не хотела, ни даже идти к старцу, считая жизнь свою оконченной. Доходя до сумасшествия в своём горе, она кое-как написала старцу о своём состоянии, и послала его с монастырским закупщиком в Оптину (она жила в Козельске). Часа в 4 дня с ней сразу всё прошло. И она почувствовала лёгкость на душе. После оказалось, что в этот самый час старец вышел в хибарку на благословение и, увидя её двоюродную сестру,

сказал: «Г. пишет, что её Леля умер». Несомненно, что старец, получив её скорбное письмо, помолился о ней, и сила его молитвы спасла её от отчаяния.

Монахиня В. была подвержена тоске и унынию. Однажды она приехала к старцу и, рассказав, что не находит места от гнетущей её тоски, просила отпустить её к брату в Америку, где он занимал видное положение и которого она давно не видала. Батюшка сказал ей на это: «Нет, давай лучше будем с тобой почаще приобщаться; куда нам в Америку! Ближе пойдём и то не дойдём! Ведь нам с тобой немного осталось жить». Эта монахиня, всегда боявшаяся смерти, приняла эти слова старца спокойно и стала готовиться к переходу в другой мир. Это было в августе 1910г., а в ноябре того же года она пошла в соседний мужской монастырь к вечерни и там в храме внезапно скончалась.»

В Б-ском монастыре жили две сестры. Одна из них умерла. Оставшаяся выпросилась в Оптину, чтобы посоветоваться со старцем; ей хотелось взять себе квартирантку. Старец не благословил ей этого, сказав: «Поживи пока одна, а как заболеешь, так иди скорее да проси м. Игуменью постричь тебя в мантию». Крайне удивили её слова старца: она чувствовала себя совсем здоровой. Время шло, и все забыли об этом. Вдруг она серьёзно заболевает. Помня слова старца, она уже в жару пошла к м. Игуменье и просила пострига. Доктор признал её безнадежной; её постригли, и на 4-й день она тихо, мирно скончалась на пасхальной неделе.

Приехали к батюшке трое; одной из них, самой

здоровой, батюшка вынес свёрток и подавая сказал: «Возьми, может быть на что-нибудь пригодится». Придя в номер, она развернула свёрток; в нём оказались разные тряпочки. Они посмеялась над подарком и вскоре уехали. Ровно через год у получившей странный подарок образовались раны, и тряпочки все пошли на примочки.

Духовная дочь Старца Е. сообщила, что в бытность свою в Оптиной Пустыни от скудности средств хотела ехать обратно в Белев на товарном поезде. Батюшка ей сказал: «Тебе не придётся», — и дал ей 50 копеек. Придя на вокзал, она пропустила три поезда, которые её не взяли, и если бы не батюшкины 50 коп., то пришлось бы идти пешком.

Одна белевская послушница гостила в Шамордино и всё просила старца оставить её там совсем, так как в своекоштном монастыре жить ей было трудно, но батюшка сказал: «Надо доживать в Билево как-нибудь». Хотя одна монахиня и согласилась взять её к себе в келью, но жить пришлось действительно «как-нибудь». Послушница скорбела и снова просилась в Шамордино, говоря, что в Белевском монастыре ей негде жить. Но старец снова отклонил её, сказав: «Подожди немного, ещё сама будешь в банке деньги класть». И на самом деле: молитвами старца Бог послал ей благодетелей, которые стали ей присылать, а она понемногу откладывала на книжку.

Матушка М. рассказывала, что в 1899 г. рядом с её кельей строили большой корпус. Вышла как-то ошибка в размере, и новый сруб подошел прямо

к её стене, отчего келья сделалась совсем тёмная. Приехала она со своей скорбью к батюшке Иосифу, который её успокоил, сказав: «Ну, не скорби; Господь тебя устроит ещё лучше; у тебя будет келья большая, светлая». Она подумала, что это батюшка о её смерти говорит, но вскоре м.Игуменья дала ей другую келью, больше и светлее прежней. Но тут случилось новое горе: келья оказалась худая. Кое-как поправив её, плотники сказали, что лет пять она ещё подержится. Приехав к старцу, она всё ему рассказала. Батюшка сказал: «Напрасно ты её чинила, зря деньги тратила, она и года не простоит; под ней все столбы подгнили, она на одном держится». И затем подробно объяснил как нужно её поправить. «Батюшка, да где я возьму деньги на поправку?» — сказала она. «Займи», — ответил старец и при этом достал из стола 10 руб., говоря: «Займи ещё у кого-нибудь, а когда будут деньги, отдашь». Не смея противоречить старцу, она заняла деньги и поправила келью, которая оказалась, как говорил старец, совсем сгнившей и могла их задавить. После поправки денег у неё не было и неоткуда было ждать, и она очень скорбела, что не отдаёт своего долга. Бывши в Оптиной, она просила прощения у старца, что опять не привезла долга. Старец сказал: «Скоро будут, тогда отдашь». Вскорости она получила повестку на 10 руб. и не могла понять, откуда это ей Господь посылает. Оказалось, что умер её дядя, который никогда при жизни ей не помогал, а теперь жена его прислала эти деньги за него.

Приехала одна помещичья семья в Оптину. Отец не признавал старцев и ходил к батюшке Иосифу только за одним благословением, никогда ни о чём не разговаривая. Когда дочери его, очень чтившие старца, пришли к нему, то батюшка стал им говорить о том, что у них в имении кирпичи приготовленные для постройки колокольни никуда не годны. Барышни, только что выехавшие из дому и ничего там не слыхавшие об этом, очень удивились и подумали, что наверное отец узнал об этом перед самым отъездом и теперь, вопреки своему обыкновению, рассказал об этой своей неудаче батюшке. Придя в гостиницу, они обратились к отцу: «Папа, ты нам ничего не сказал, оказывается наши кирпичи испорчены?» «Какие кирпичи? Я ничего не знаю?» «Да ведь ты же батюшке рассказал об этом, — мы слышали от батюшки?!» Помещик рассердился и сказал: «Вы знаете, что я с вашим батюшкой никогда ни о чём не говорю, я получил благословение и ушел». Вернувшись затем домой, он узнал, что их подрядчик запил, перепустил кирпичи, и они все пропали.

Другая дама приехала просить благословения переделать дом в имении. Старец стал расспрашивать, что и где она думает переместить. Она стала ему пояснять, а батюшка принялся по столу пальцем чертить план, говоря: «Вот тут ведь у тебя вход, а там столовая, а здесь вот то-то». Дама до того увлеклась этим чертежом, что только уже выйдя от старца она сообразила: откуда же батюшка мог так верно знать расположение её дома.

Перед коронацией одна особа говорила на общем благословении: «Батюшка, какие готовятся торжества», а старец на это ответил: «Торжества-то готовятся, да не было бы какого несчастья!»

Монахиня Л. передаёт о себе: «В 1908 г. 2 августа я со своей келейной приехала в Оптину Пустынь. Куда мы особенно стремились, так это к батюшке Амвросию на могилку, и также желали получить пользу и назидание от старцев, но больше влекло к батюшке Иосифу. По приезде в Пустынь со мной случилось что-то непонятное, — занездоровилось слегка и я никак не могла идти к старцу. Наконец, сдаваясь на доводы моей келейной, я пошла. Дорогой я всё думала: ну чего иду, говорят посетителей масса, старец всех посылает в Шамордино, в Тихонову Пустынь. Я этого не могу выполнить: денег нет, да и купаться мне вредно. Исповедоваться нельзя у старца, утомишь его, собороваться я без того буду. Но вот мы у старца; я стою молча, смотрю на него. Вдруг он тихо, ласково заговорил: «Ну чего же ты, чего? Вот смотри: портрет старца Амвросия, вот его кровать, вот вся его келья, также он принимал как и я, больной, сидя на кровати». Точно ледяная кора спала с моего сердца; мне стало так легко. Я уже не молчала; мысли одна за другой сходили с языка. Я не успевала высказать всю мысль, как старец давал мне ответ. Потом опять говорит: «Чего ты боялась прийти? Денег, правда, нет у тебя на поездку в Шамордино и в Тихонову, да тебе и купаться нельзя; ты Божию Матерь хочешь видеть? — отвечал на мою мысль старец, — Она сегодня Сама у тебя

будет в келии. Исповедовать я тебя не могу — давно никого не исповедую, а вот поди к о. Сергию. Он тебя исповедует и пособорует». Келейная моя тоже была утешена. Мы плакали от радости. Доходим до монастыря, видим идет крестный ход с калужской иконой Божией Матери, случайно привезённой из Козельска. И вскорости к нам в номер принесли икону Божией Матери. На следующий день, приобщившись и пособоровавшись, мы спешим к батюшке. Он встречает нас словами: «Ну вот, правда как хорошо, легко, радостно. Поговели, порадовал Господь. Ведь вот милость-то Божия случилась с вами!» А с нами действительно случилась милость Божия, о которой старец не знал, знал только духовник. Кратко, но сердечно-духовно говорил старец, не хотелось от него уходить, но надо было дать место другим. Потом мы на другой день, купив чётки и портрет старца и несколько листочков духовного содержания, отправились к батюшке. Придя к нему, я только успела подумать: как было бы хорошо, если бы батюшка из своей ручки дал мне чётки, — как старец улыбнувшись, быстро снял со своей руки чётки и надел на мою руку и в то же время мои чётки надел на свою руку. Слезы хлынули градом, я только могла сказать: «Дорогой батюшка, ожидала ли я этого!» Старец был в шапочке, вдруг он снимает с головы шапочку, поворачивается к моей келейной, поправляет на голове волосы и улыбнувшись, надевает снова. Моя келейная разрыдалась, бросилась в ноги к старцу, благодаря его за что-то. Батюшка и её

также благословил чётками. Я недоумевала, что это значит. Оказалось, что моя келейная подумала: не похожа наша карточка; вот, если бы батюшка без шапочки был (на нашей карточке батюшка был без шапочки).

Уже на следующий день мы пришли прощаться с батюшкой. Не желая утомлять старца, мы остались в коридоре в ожидании, когда он выйдет. Вскоре щёлкнула дверь, вышел батюшка. Ну что за вид был его! От его лица буквально исходил свет. Оно было так бело и юношески светло, что мы невольно вздрогнули и опустили глаза. Батюшка взглянул на нас, и такой у него был ласковый благодатный взгляд, что передать нельзя и кажется никогда его не забудешь. Он круто повернул от нас, так что мы не успели проститься. Пришлось прийти на другой день и проститься со старцем. После нам сказали, что в этот день батюшка приобщался.

Ещё мы были у старца в 1910 году. Вся беседа носила уже характер последней. Всё до мелочи было разобрано и предусмотрено старцем. И снова он отдалил мою поездку в Шамордино, сказав что нам некогда будет. И действительно оказалось некогда. Прощаясь с батюшкой мы спросили: благословит ли нам батюшка ещё побывать у него? Он кротко, весело улыбнулся и сказал: «Ну что же, побывайте; Бог весть, Бог весть». Эти строки истинны, чему Господь Свидетель. И нет теперь среди нас этого светильника, этой дивной кристально чистой души. И больно сжимается сердце...»

Монахиня М.Ш. воспоминала: «Пишет мне

одна барышня и просить передать батюшке, что за неё сватаются три жениха, за которого из них ей пойти? 1-й и 3-й ей не нравятся, а 2-й нравится. Батюшка ответил: «За Николая, за третьего, а то дело плохо будет». Я была поражена. Ни она мне не писала, как зовут её женихов, ни я ничего не говорила батюшке. Я написала барышне батюшкин ответ. Она вторично пишет, что ей не нравится этот жених. Батюшка опять говорит: «По-моему, лучше ей идти за Николая, а не послушает, как хочет». Она послушалась и вышла замуж за Николая и до сих пор живут очень счастливо. А с нравившимся ей женихом случилось несчастье — переезжая речку, он утонул».

Одна спросила у батюшки на общем благословении: «Что мне делать, я очень скорблю, говорят моя дочь на стороне умерла?» Батюшка говорит: «Кто тебе сказал? Нет, неправда, она жива. Молись о здравии за неё».

Рясофорная послушница М. говорит о себе: «Поступила я в монастырь с искренним желанием, но я была очень бедная. Жить было совершенно нечем. Я думала так и говорила своим монахиням: поеду в мир, поступлю на место, заработаю себе денег и тогда приеду и оденусь в чёрное. В монастыре я прожила почти год, приглядываясь к монастырской жизни и увидала, что без средств нельзя жить, но оставила это решение до батюшки. Приезжаем мы к батюшке, входим к нему все трое, а он говорит: «Вот приехали ко мне две монахини, а одна мирская. Мирская эта живёт в монастыре долго, сёстры говорят ей:

«одевайся», а одеваться не на что, она говорит: ну что же поеду в мир, заработаю себе денег и тогда оденусь». Мы все были поражены, точно старец весь разговор наш подслушал. Старшая монахиня спрашивает у батюшки: «Что же вы, батюшка, благословите её ехать или нет?». Старец ударил её чётками и сказал: «Нет». Затем прекратил разговор. А когда я была у батюшки одна, объяснила ему своё состояние, он и говорит: «Не езди, Бог пошлёт место, и ты будешь жить в монастыре хорошо». Так и вышло. Меня взяли в келейницы, жила и в казённой келье. Потом батюшка предрёк мне, что я буду жить у м.К. Я прожила три года, поехала на родину. Приезжаю, м. Игуменья благословляет к матушке К. в келейницы, которая приняла меня, как родную. Так сбылись слова батюшки, и до сих пор я живу очень хорошо».

Ещё о моей сестре расскажу. «Приехали мы с ней к батюшке. Сестра благословляется покупать дом. Батюшка говорит: «Дом-то покупать, а кто жить в нём будет?» И сверх всякого ожидания произошла перемена. Муж её купил 7 десятин земли и стал подумывать о постройке дома, но сестре не хотелось. Она поехала к батюшке спросить об этом. Батюшка сказал: «И не нужно», — а сам отвернулся к окну. Лицо его сделалось скорбное и серьёзное. От меня это не скрылось; вдруг старец отрывисто сказал: «Не надо, пока получаешь жалование — и довольно».

Впоследствии оказалось, что муж моей сестры сделался пьяницей. Его уволили с места. Сестра развелась с мужем, уехала в Ташкент и поступила на место».

Родственник одной послушницы, боясь за свою больную мать и сестру, что в случае его смерти их может обидеть зять, с которым они жили вместе, благословлялся у батюшки разделиться. Батюшка на это ответил: «Нет, не надо, бывает что и здоровое дерево, да падает, а то гнилое, да скрипит». И так вышло, что здоровый зять умер, а больные остались жить.

Из записок О.М.: «Мой брат 10 лет неизвестно где пропадал. Я очень скорбела о нём. Боялась, что он может стать неверующим и думала, жив ли он или нет, не знала: как за него молится? С этой скорбью я обратилась к батюшке. Он, по своему глубокому смирению, никогда бывало прямо не скажет, а делает вид, будто ничего не знает и говорит так: «Да кто их знает, они заедут далеко, устроятся там и про всех забудут, и решительно прибавил: молись за него о здравии, ведь бывает так: выйдет слух, что жив». Так и случилось. После смерти моего отца стали наводить о нём справки для утверждения наследства. И что же, оказалось к удивлению всех, что мой брат жив и здоров».

Одна монахиня похоронила свою тётушку и очень о ней скорбела. Приезжает к батюшке, рассказывает свою скорбь, а батюшка говорит: «Ну что делать, летом поедешь к родным, заедешь и в Киев, там помолишься». Она отвечает, что это никак не может случиться. Но против всякого ожидания случилось — нашлись люди, которые свозили её бесплатно.

Одну белевскую послушницу — певчую — составили с клироса за какую-то провинность.

Она очень скорбела, что осталась без послушания. Просила благословенья у батюшки попросить себе послушание. Батюшка ей ответил: «Послушание не просят, жди, когда дадут; ходи-ка лучше почаще к утрени, в тебя всмотрятся и дадут». И через несколько времени ей дали послушание.

Та же послушница благословлялась у батюшки на свой счёт отделать келью. Старец не благословил, сказав: «Не надо, тебе не придётся там жить!» Вскоре её перевели в другую келью.

У одной барышни (духовной дочери батюшки), болел желудок. Она приезжает к батюшке и говорит, что она лечится и по постным дням ест скоромное. Батюшка на это ей говорит: «Лечится то можно, но надо постное есть; а ты займись-ка лучше своим горлом — полечи его». Барышня никогда не думала, что у неё болит горло; ничего особенного не замечала, только раз как-то у неё опал голос. Она пошла к доктору показать своё горло, который нашел, что если бы не захватили вовремя, то могла быть горловая чахотка. И только через три года ей вылечили совсем горло.

Одна монахиня благословлялась у батюшки поехать в Саратов. Батюшка благословил и прибавил: «Только случится с тобой несчастье, придётся тебе потерпеть». Она поехала, гостила очень хорошо. На возвратном пути она подумала: что же это батюшка сказал потерпеть придётся, а как хорошо погостила. Немного она не доехала до монастыря, как у неё пропал весь багаж.

Одной бедной монахине пришлось недорого

купить келью. Она отделала её и поехала со своей радостью к батюшке. Старец сказал ей: «Зачем же ты её отделяла? У твоей келии все столбы гнилые; она скоро завалится». Монахиня начала уверять, что незаметно, а батюшка говорит: «Всё-таки посмотри, а то завалится». Приехав домой, монахиня позвала плотника. Оказалось, что келья едва держится — столбы все подгнили.

Рассказывает монахиня А.Г.: «Сестра моя, религиозная женщина, обладавшая хорошим здоровьем, жила замужем очень счастливо и богато. Она очень любила батюшку и всегда перед рождением детей писала ему, прося его благословения и св. молитв. И в этот раз она писала старцу. Получив от него ответ, она сделалась задумчива и стала готовиться к смерти, говоря, что она непременно умрёт. Все над ней смеялись; муж даже обиделся, — вдруг здоровая, молодая, полная сил женщина собирается умирать, — но она делала свои приготовления, причастилась и через 10 часов после рождения дочери тихо, мирно скончалась в полной памяти. Три дня её не решались хоронить и только по освидетельствовании доктором на 4-й день похоронили. Дочь её и сейчас ещё жива. Очевидно, в письмах старца было ей предупреждение».

А.Ч. передаёт о себе: «В первый раз приехала я с мужем к батюшке. Он мне дал книгу «Царский путь Креста Господня». Я говорю батюшке, что и так мой крест тяжёл; мой муж больной, сама больна, средства маленькие. Батюшка на это промолчал. Вскоре по приезде из Оптиной мужа уволили с места

и через четыре года я его повезла в Москву лечить в клинику. Прежде заехали мы к батюшке испросить благословения. Батюшка нас в Оптиной оставил пожить до весны. По окончании этого срока муж мой опять задумал ехать и не знал: какой избрать ему образ жизни. Я пошла к батюшке спросить: как он благословит? Старец серьёзно задумался и говорит: «Бог благословит оставаться и здесь окончить свою жизнь». Я со слезами искренней радости припала к батюшке и благодарила его. Муж мой также был доволен и благодарил батюшку, и уже больше никуда не собирался. Через год он заболел водянкой и был сильный отёк ног. Я испугалась, обратилась к батюшке, просила разрешить ему есть скоромное, так как был пост. Батюшка не разрешил и сказал: «Не бойся, он не умрёт от этой болезни». И он действительно не умер. Но через три года он снова заболел уже другой болезнью. Я к батюшке; он мне говорит: «Ну теперь готов его к смерти». И через три дня он скончался. Я очень скорбела и просила у батюшки благословения поехать в Воронеж к родным мужа и помолиться у святого Митрофания. Батюшка мне благословил, а как только приду к нему прощаться, так скажет: «Нет, нынешний год не ездите». Итак два года повторялось, а на третий год батюшка благословил и сказал: «Поезжай, и кстати, полечись там». По приезде в Воронеж я пошла к доктору. Собрали консилиум и по осмотре нашли у меня серьёзную болезнь; надо непременно делать операцию. Я написала батюшке; он благословил сделать операцию. Меня

страшно это пугало. Особенно, когда я увидела все операционные приготовления, то томящий страх овладел мной, но как только я призвала имя старца, прося мысленно его святых молитв, страх прошел; мне стало так легко. Итак повторилось два раза ещё перед самой операцией. За молитвы батюшки операцию сделали благополучно. Была ещё нездорова, но батюшка не благословлял мне больше обращаться к докторам, сказав: «Таков твой крест, неси его благодушно и терпеливо. Тебе теперь доктора не помогут, а если хочешь, то иди на свой страх, а я тебя не благословляю».

Одна особа сообщает. «В 1905 г. в первый раз я приехала в Оптину Пустынь, как бы на дачу погостить и отдохнуть. Старцев я не признавала и не желала к ним обращаться. Раз я вышла в лес на прогулку и встретилась с монахиней М., совершенно мне незнакомой, которая шла в скит. Мы с ней разговорились, и она пригласила меня пойти с ней к батюшке Иосифу. Я резко отказалась, но, наконец, после усиленных просьб уступила её желанию и пошла. Придя в скит и увидя много монахинь, я опять пожалела, зачем я сюда пришла. Я даже не знала, о чём мне говорить со старцем. Не успела я сесть, как ко мне подходит келейник батюшки и спрашивает: «Что, вам к старцу нужно?» Я сама не знаю почему-то сказала: да нужно. Меня тут же позвали к старцу, и я не знала с чего начать. Старец спросил: «Зачем приехала?» Я сказала, что больна и приехала на дачу погостить. Батюшка говорит: «Здесь дач нет, да и денег у тебя нет и

делать тебе здесь нечего». Денег у меня, правда, не было. Не зная чем я больна, — он у меня прямо спросил: «Что ты — очень раздражительна?» У меня было сильное нервное расстройство. Вышла я от батюшки очень недовольна тем, что не благословил здесь пожить. Я решила обойти старца и спросилась у архимандрита. Архимандрит разрешил, и я села писать письмо сестре. Не успела я написать несколько строк, как мне кто-то точно в руку толкнул. Я больше писать не могла, сразу явилась мысль, что я ослушалась старца. Пошла в скит просить прощение за непослушание. Батюшка говорит: «Вот не слушаешься, а я тебе говорю — уезжай, а то поздно будет». Через два дня я уехала в Тихонову, а оттуда возвратилась в Т. Там я застала свою знакомую В.Д. сильно больной. У неё были язвы в кишках, и врачи отказывались её лечить. Я дала ей иконочку преподобного Тихона и воды из колодца. Не знаю, как больная молилась, но только на другой день она почувствовала себя лучше. Потом болезнь её совсем прошла, и она просила меня свозить её в Тихонову и в Оптину. Тут только я поняла, почему батюшка говорил: «поздно будет». Я уже решила ничего не делать без благословения старца и написала ему, благословит ли он поехать с моей знакомой или нет, что у меня даже и денег нет на дорогу. Батюшка ответил, чтобы я ехала сопровождать больную, а денег на дорогу Бог пошлёт. В скором времени родные мне дали денег, и мы поехали.

В 1906 г. я опять была в Оптиной. Вернувшись,

я, сама не знаю почему, вздумала навестить П.П., с которой очень мало была знакома. Она в это время была больна; застала я её в ужасно беспомощном состоянии. Врачи не могли поставить правильного диагноза; один говорил одно, другой другое, определяли камень в почке, и бедная больная страдала и физически, и нравственно; она была неверующая и много лет уже не приобщалась. Меня она очень рада была видеть и узнавать, где провела я лето, попросила рассказать, что это за Оптиная. Больная очень охотно слушала, особенно о старце, и попросила написать про её болезнь старцу, если это можно. Я написала. Прошёл месяц, но ответа всё нет, больная решается делать операцию, так как её болезнь ухудшается, и говорит: «Да что простой монах может понимать в этом?» За день до операции больная делает распоряжение на случай смерти. Я ей советую причаститься; больная не соглашается, говоря: «Я не желаю ломать комедию — всё равно я ни во что не верю». Накануне самой операции больная получает от батюшки письмо, в котором он советует прежде всего приобщиться и тогда уже делать операцию, а без этого операция не поможет. И вот лишь только больная прочитала батюшкино письмо, как в ней произошла перемена, и она немедленно потребовала священника, который как раз в это время соборовал одну больную. Поговорив немного с священником, причастие отложили до завтрашнего дня, так как в этот день она пила молоко. В день операции больная приобщилась. Операцию сделали благополучно; оказался громадный нарыв

на почке. Больная уже стала поправляться, как вдруг от батюшки письмо: «Если больная ослабеет, то советую её причастить». Удивило нас это письмо, ведь она уже собиралась на выписку. И что же? Через несколько дней у неё сильно воспаляется здоровая почка, появляется отравление всего организма, делаются сильные уремические припадки. Она без сознания, пульс останавливается; врачи уже приговорили её к смерти. И тут ещё от батюшки письмо, где он советует пособоровать больную. И в этот же день больная чувствует себя лучше, начинается медленное выздоровление. Наконец, она совершенно выздоравливает».

Одна женщина спрашивала у батюшки: «Как быть, вот уже 4 года неизвестно где пропадает мой сын». Она уже считала его умершим. Батюшка отвечает: «Отслужи молебен Казанской Божией Матери, молись о здравии — сын твой найдётся». И через несколько времени сын её присылает ей 10 рублей и написал, где он живёт. Мать целый день плакала от радости.

Одна особа, уезжая из Оптиной при прощанье с батюшкой говорит: «Вот я приеду и что буду делать без работы, где мне достать работу?» А батюшка ей сказал: «Какая работа больному человеку, ведь, правда, больному человеку трудно работать?». И через неделю у неё так сильно заболели руки, что не только работать, а даже и стакан не могла в руках держать.

Оптинский послушник Д. говорит о себе: «В первый раз приехал в Оптину в 1891 г. Старцем

в то время был знаменитый наставник душ человеческих батюшка Амвросий, которого я застал в новостроящейся тогда обители Шамордине, его родном детище, где он был на даче Руднево. Я высказал батюшке своё желание, что хочу быть монахом. Батюшка говорит: «Монахом ты будешь, но подожди, пока вырастет брат». Я, боясь, что у меня пропадёт желание, так как брату было только 7 лет, сказал об этом батюшке, а он так утвердительно говорит, что желание не пропадёт, монахом буду. Потом старец спросил, каким ремеслом я занимаюсь (я был столяр) и велел сделать шкатулку в шамординской мастерской, показав какого размера. Через два дня я принёс шкатулку; батюшка меня похвалил, дал просфору и благословил иконой Спасителя. Удостоился я с батюшкой поговорить; много у меня было всего на совести, и батюшка с удивительной подробностью мне всё рассказал, точно он при мне находился. Про многое я даже и не думал говорить, — у меня были неисповеданные грехи. С тех пор уже больше они не повторялись. Вскоре старец Амвросий скончался. Я уже приехал к его приемнику, батюшке о.Иосифу. Рассказал ему всё про себя и что мне батюшка Амвросий сказал, а он и говорит: «Проживешь и до 40 лет в миру, (а мне было только 20 лет), есть на то воля Божия; пока устроятся твои домашние дела — надо пожить». Так и вышло; прожил я в миру до 40 лет. В течение 20 лет я два раза в год ездил к батюшке Иосифу. И какую пользу я получал для души! Бывало приедешь к нему с упавшим духом, на

душе точно камень лежит, а уходишь с воскресшей надеждой; так легко, хорошо. Да ещё как только в скит войдёшь, уже на душе становится легче. Спросишь у келейника: «Как здоровье батюшки?» «Батюшка слаб, — обычный ответ за последнее время, — но сейчас доложу». Входишь к старцу; он, улыбающийся, спрашивает: «Как поживаешь?» Ещё не знаешь с чего начать, а батюшка сам по духу прозорливости всё скажет зачем в этот раз приехал. И чувствуешь, что вся тягота миновала. Случаев прозорливости я видел от батюшки много. Исповедовался я всегда у него. Как-то раз, собравшись в Оптину, мне представилось, что батюшка не будет меня исповедовать, прогонит. Вхожу к батюшке, а он говорит: «Приходи завтра. Я тебя поисповедую, не прогоню».

За мою сестру сватался жених, человек торговый, из купцов. Просил он приданное и 500 рублей денег. Нам он всем понравился, я написал батюшке, прося его благословения. Батюшка отвечает: «Он потому просит денег, что они ему нужны на уплату долгов, а отдавать за него сестру и без денег не надо. Вы про него хорошенько разузнайте всё». Оказывается, он правда был много должен, да при этом большой пьяница.

Ещё нужно нам было строить дом, а по соседству продавался готовый. Он нам не нравился. Я спросил у батюшки, как он благословит? Батюшка говорит: «Бог благословит, покупайте, только сначала отслужите молебен св. Николаю». Отслужили молебен, и очень выгодно купили. Со всем, с

перестройкой он стал 690 руб., светлый, просторный, а новый такой на 1000 руб. не выстроишь.

Однажды приехал я к батюшке и побыв немного в Оптиной, попросился в Шамордино. Батюшка говорит: «Бог благословит, но лошадей теперь нанять негде, иди пешком, а оттуда, глядишь и за пятак иной рад будет подвезти». Пробыл я в Шамордине сутки, а на утро выхожу, едут две подводы. Мужик меня догоняет и говорит: «Куда ты идешь? Садись, подвезу». Я спросил за сколько, а он говорит: «Хотя пятак дашь, и то спасибо». Приехал к батюшке, рассказываю ему, а он только улыбнулся на это и благословил мне сходить на трапезу пообедать.

Сколько раз я приезжал к батюшке с тем, чтобы покинуть мир, — он всё откладывал. Наконец, нынешний год я приехал к батюшке на святках. В сильном смущении духа вошел к нему, думая, что он опять не оставит. А батюшка поздравил меня с Новым годом и говорит: «Теперь пора, оставайся в монастыре, а то тужить будешь. Домашние твои дела без тебя лучше пойдут. Проси архимандрита, чтобы тебя взяли в монастырь, а в скиту нет места». И вот уже 6-й месяц, как я живу в монастыре. Домашние мои дела идут прекрасно. Но нет дорогого старца, разрешителя, утешителя во всех скорбных обстоятельствах жизни.

Вечная тебе память, дорогой наш, незабвенный батюшка! Как грустно и тяжело видеть скит без тебя. Оставил нас сырых и отошел от нас туда, где есть всех желающих жилище и видом своей скромной могилки призываешь нас, как и при жизни

наставлял, шествовать туда, в вечное нескончаемое царство».

У одной особы нашлись две благодетельницы, которые взяли её помогать. Собираясь писать им, она просит на это у батюшки благословения. Батюшка, слушая фамилию первой, сказал: «Бог благословит, пиши». А про вторую промолчал. На вторичный вопрос он сказал: «Напиши, но только она не прочтёт твоего письма». Она написала, но ответ получила от других с сообщением о смерти этой госпожи.

Рассказывает одна сестра: «В 1902 году я приехала к батюшке и попала к нему во время повечерья. Войдя, я спросила про одно своё дело, не пишет ли об нём м. N? Батюшка ответил: «Нет, ничего не пишет. А вот О. там всё пишет, просится приехать. Ответа писать некогда, а на словах скажи ей: «Бог благословит, пусть просится только после поста, а то сейчас народу очень много». На другой день я уехала к себе в монастырь, в тот же день передала батюшкины слова м. О. очень спокойно. Но у неё в ту же минуту выразилось необычайное изумление на лице. Когда я спросила причину, она мне ответила, что ничего не писала батюшке относительно своего желания приехать. А во время повечерья написала мне записку, чтобы я благословила у батюшки её приехать, но послать мне записку не успела. Тут я поняла почему батюшка сделал ударение на слове «там», — он говорил в то самое время, когда м.О. писала и теми самими выражениями дал ответы, которыми была написана её записка».

Оптиной Пустыни монах Д. рассказывает о себе следующее: «В ранней молодости у меня явилось желание поступить в монастырь. По этому поводу я пришел в Оптину Пустынь. Покойный великий старец иеросхимонах Амвросий тогда был жив. Ему я объяснил своё желание, но он мне сказал, чтобы я подождал до окончания срока. О каком сроке он говорил, я не понял, только то понял, что не время мне ещё поступать в монастырь. Так я и отправился в свой город В., где вскоре поступил на место в лавку к одному купцу. Прожив у него три года, я, просматривая объявление в журнале «Нива», увидел уведомление, что старец Амвросий скончался. Известие это меня очень поразило, и я решил сейчас же ехать в Оптину в надежде хотя застать погребение чтимого старца, несмотря на недовольство моего хозяина. Но к своему великому прискорбию тело почившего старца уже предали земле. Его заместил присный его ученик — батюшка Иосиф, к которому я обратился со своим давнишним желанием поступить в монастырь. На что он мне ответил так: «Подожди, тебе будет местечко». С этими словами я вышел от старца, не зная, что мне делать? Прежнее место я потерял, да к тому же мне только год оставался до отбытия воинской повинности. И я решил искать себе место в ближнем к Оптиной городке К., где вскоре и нашел у одного купца, у которого и раньше я жил ещё мальчиком и поступил к нему без договора о жаловании. Проживши у него год, я объявил, что должен идти для отбытия воинской повинности. Добрый купец

выдал мне за год жалованье сто рублей и десять рублей наградных. Несказанно рад был я, ничего не имевший бедняк, такому щедрому вознаграждению. Теперь я имел возможность как следует одеться и оставить про запас на предстоявшие нужды. Будучи принят на военную службу, я прибыл в строю менее года, как меня определили на фельдшерскую должность, какую я исполнял более четырёх лет, не имея ни в чём нужды за молитвы старца, тогда как другие бедняки-солдаты терпели большую нужду. По окончании срока военной службы я уже немедленно поступил в число братства Оптиной Пустыни.

Теперь же при воспоминании о прошлом всегда удивляюсь, как милосердный Господь, по молитвам и благословению старцев Амвросия и Иосифа, указывал мне и хорошие места и облегчал тяжесть трудной военной жизни. Дивны дела Божии!».

Рассказывает о себе госпожа Б. «Впервые приехала я в Оптину в 1898 г. и, быв у батюшки Иосифа, получила от него для прочтения книгу жизнеописания покойного старца Амвросия, составленную архимандритом Агапитом. Читая это прекрасное жизнеописание, я тем не менее смущалась некоторыми подробностями о шутках и прибаутках старца, находя, что нечего было о них писать. Прочтя книгу, я вернула её батюшке, не сказав ничего о своём впечатлении. Не успела я вернуться на гостиницу, как приходит ко мне одна монахиня и приносит от имени батюшки приложение к выше упомянутому жизнеописанию,

где автор говорит, что до его слуха дошло, что многие светские люди смущаются описанными им подробностями о старце Амвросии и объясняет причины, побудившие его изложить эти подробности.

До своего приезда в Оптину я много слышала об о. Клименте Зедергольме и, приехав в Оптину в том 1898 г., я захотела приобрести его жизнеописание, но всякий раз как я заходила в Оптинскую книжную лавку, что-то мешало мне исполнить это желание. Наступил день моего отъезда, я уже нарочно пошла, но лавка оказалась запертой. Я прошла в скит к батюшке Иосифу и не успела войти к нему, как он говорит: «А я тебе подарю книгу, у тебя её нет». И с этими словами велел принести келейнику книгу «Отец Климент Зедергольм».

В 1910 г., когда я уже жила в Оптиной, ко мне приехала гостить из М. генеральша К., богатая одинокая вдова. Она пошла к батюшке и, вернувшись от него, рассказала мне с некоторым удивлением, что батюшка прежде всего стал её спрашивать, хороша ли у неё прислуга и что надо остерегаться прислуги. Перед отъездом она снова была у батюшки, и он опять ей говорил всё о прислуге; и так настойчиво, что генеральша встревожилась и поспешила уехать домой. Не успела она вернуться в М., как узнала, что дворник её дома арестован, а её вызывают к судебному следователю. Оказалось, что в М. арестована была целая шайка грабителей, совершивших несколько убийств и грабежей, и у главаря шайки найден был список лиц, которых они ещё собирались ограбить,

планы их квартир и сведения о них. В списке этом стояла и генеральша К., а сведения о ней были сообщены прислугой».

Так из всего вышеизложенного видно, как велика была сила молитв старца Иосифа, и как люди, которые с верою следовали его советам, благополучно проходили своё земное странствие. И сам старец, несмотря на свою мягкость и уступчивость, был всегда твёрд в своих решениях, **действуя по внушению Святаго Духа**, обитавшего в его чистом сердце. Он и сам говорил некоторым, что всегда должно держаться первого его слова и решения; что он под влиянием усиленных просьб может изменить своё решение, но что это уже будет решение человеческое, вынужденное, а первое всегда бывает внушаемое свыше. И многие вопрошавшие старца, но поступавшие по своему рассуждению, против его совета, горько пострадали и мучились поздним раскаянием.

Приведём несколько примеров.

Одна рассказывала: «Моя невестка с хитростью звала меня приехать на родину, чтобы мне получить отцовскую свою на них часть. Старец мне не благословил ехать, но я настояла и поехала и столько горя видела я там; брат мой второй оскорбился на меня и вышла во всём большая неприятность».

У моей племянницы было много женихов; родители хотели выдать её за торговца, но дочери нравился ругой. Поехали к батюшке, который благословил отдать дочь за учителя, говоря: «Отдайте за учителя, он будет диаконом». Но мать не послушалась и

отдала дочь за торговца. Но вскоре после свадьбы он ушёл от неё с большой неприятностью.

Одна особа спрашивала батюшку, чем заниматься её родственнику, поскольку он хочет торговать вином. Старец ответил: «Нет, он может проторговаться и попасть в тюрьму». Родственник, однако, не послушался совета старца и внёс залог. Вскоре же действительно он проторговался и пришлось продавать дом, чтобы выплатить долг и не попасть в тюрьму.

Один крестьянин, находясь в военной службе и кончая свой срок, спрашивал у батюшки, как ему устроить свою жизнь и благословлялся жениться. Старец ему ответил, чтобы он год подождал устраиваться, а жениться не благословил вовсе. Через год действительно его опять взяли на войну. Вернувшись с войны, он был у старца и опять просил благословения жениться. Старец же не дал ему на это благословения и сказал: «Ступай в Тихонову Пустынь и молись, чтобы исцелили тебя угодники от болезней телесных и душевных». Но солдат не послушался и женился и получил такие скорби, что нигде не находил себе места. Родные жены прогнали его из двора, и он ушел на шахты и до сих пор раскаивается, не имея покоя ни телесного, ни душевного.

Рассказывает монахиня М.Ш. «У меня была сестра-девица, которая приехала из Варшавы в Москву и не было у неё места. Она мне написала письмо, прося спросить у батюшки, как он благословит: ехать ли в Ефремов и там открыть свою лавку или же оставаться в Москве и ждать места?

Батюшка на это ответил: «Пусть остаётся в Москве и ходит за детьми», — что ей показалось обидным, думая что батюшка посылает её в горничные. Она отказалась, говоря: «Разве я могу ходить за детьми». Но вскоре поступает она на место надзирательницы в приюте, так называемые «Ясли». Тут она сама написала батюшке и просила у него прощения, что не так поняла его слова, и хотела послушаться. Затем приют закрылся, она снова остаётся без места, пишет батюшке, как быть: открыть лавку, или ждать места. В ответ получает: «Жди места». Но она не послушалась, терпенья не хватило, и проторговалась в пух и прах. Потом присылают за ней из Варшавы снова на то место, где она жила 25 лет. Батюшка не благословил ехать в Варшаву, а сказал: «Поезжай в Троице-Сергиевскую Лавру, там тебе найдётся дело». Она не послушалась, поехала в Варшаву, дорогой заболела и у неё вытащили 5-ти процентные билеты и пришлось ей вернуться обратно.

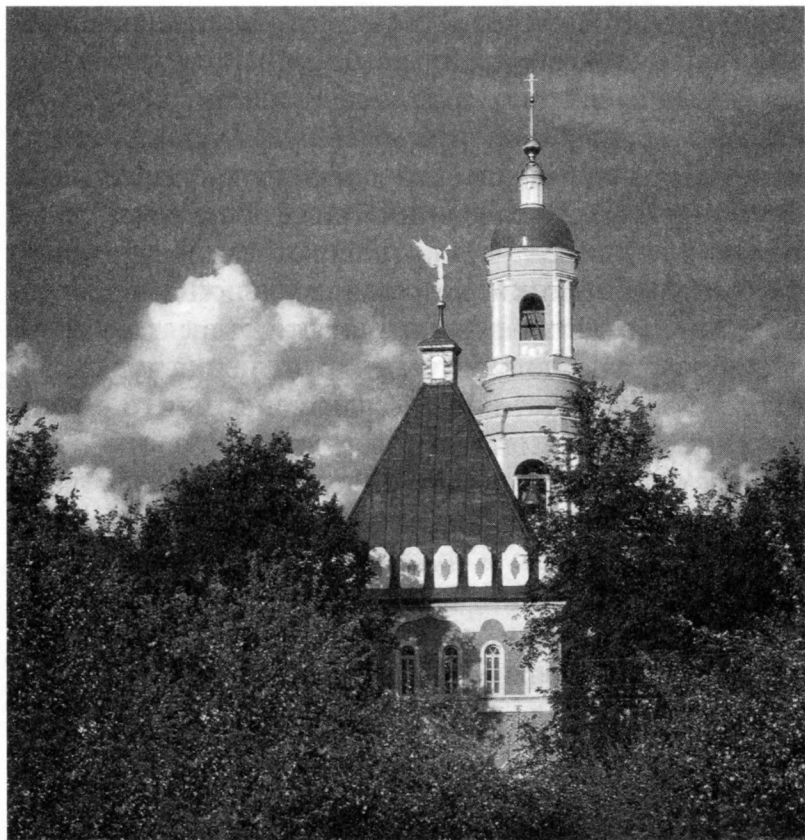
Одна монахиня просила отца, так как он был болен, обеспечить её землю, пока жив. Он отвечает: «Выздоровею — всё будет твоё». Она обратилась к батюшке, который благословил её просить отца обеспечить её сейчас при жизни, но она постеснялась, а отец выздоровел и ничего не сделал. После его смерти батюшка благословил её требовать свою часть, но мать была против этого, а она боялась оскорбить свою мать. Между тем брат всё продал; пришлось ей смотреть из рук брата. Она приехала к батюшке, рассказал ему свою скорбь, а он говорит: «Я ведь тебе говорил, а ты не послушала».

Послушница О.М. рассказала: «Мой брат, служа на заводе, проходил мимо машины и споткнулся на обрезки железа. Ему повредило правую руку, оторвало большой палец этой руки, и он, истекая кровью, упал. Начальство добровольно предлагало ему 500 руб. вознаграждения и должность контролёра. Но он не захотел — ему посоветовали судиться. Я спросила у батюшки, который сказал: «Да, присудят и больше, а всё же руки не дадут; лучше поменьше, да добровольно получить». Но брат не послушался и вот уже десять лет, как он судится, а ничего ещё не получил».

Так оставшись после старца Амвросия один, старец Иосиф не затруднялся в делах, как в вещественных, так и духовных; решал их с силою и властью, что очень благотворно и успокоительно действовало на относившихся к нему с верою. При этом бывали поразительные случаи, когда батюшка о.Иосиф получал непосредственные указания от своего наставника — старца Амвросия.

Однажды о. Иосиф отпустил одну монахиню, по её просьбе, к родным. Вдруг во время послеобеденного отдыха, он ясно слышал голос покойного старца: «Не нужно ей ездить, — скажи, чтобы осталась». О. Иосиф послал за монахиней и объяснил ей волю старца, которую она приняла со слезами умиления.

Старец Амвросий не благословлял в Шамордине сёстрам строить отдельные кельи и жить по одной. Года через два после его кончины, одна монахиня, по слабости здоровья и по любви к одинокой жизни, выпросила у настоятельницы и у старца Иосифа

Знаменитый Оптинский Архангел с трубой Страшного Суда

разрешение построятся одной. Старец уступив настойчивому желанию монахини, как сам после рассказывал, сделался неспокоен духом и вдруг видит въявь старца Амвросия, строго сказавшего ему: «Нарушаете благословение».

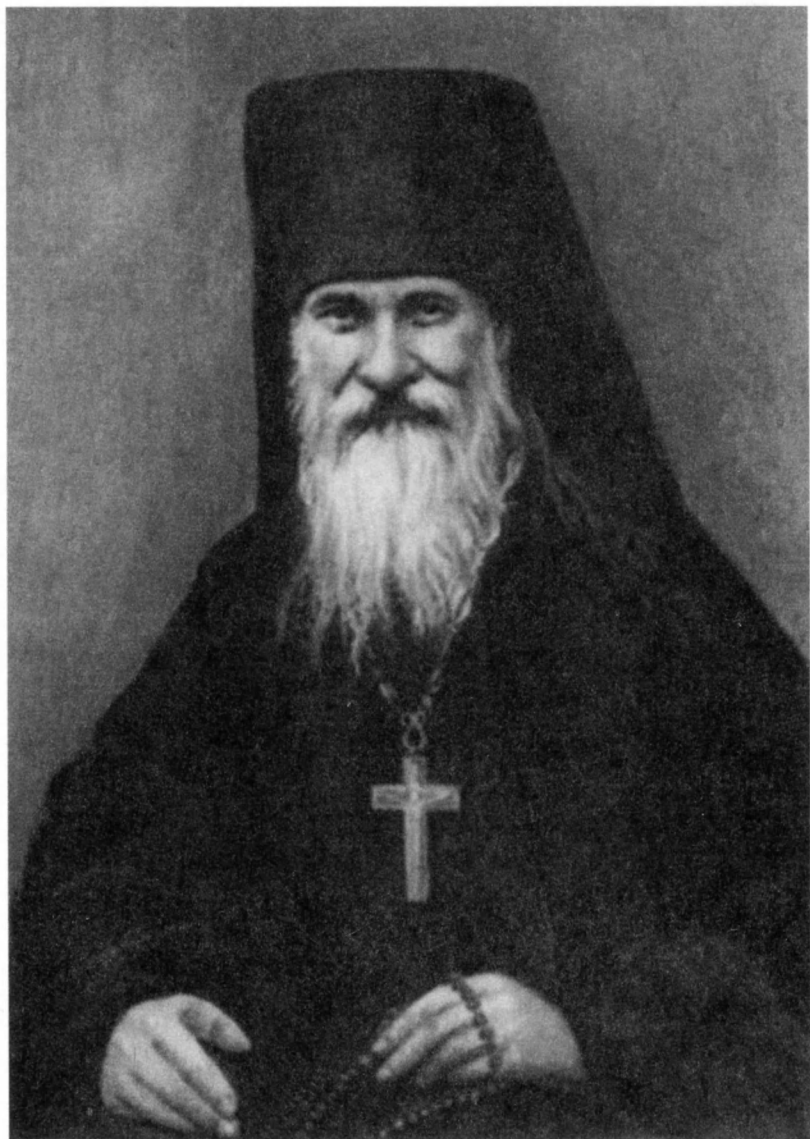
В Шамординскую обитель была пожертвована машина месить хлеб, но она оказалась слишком тяжелой, и сёстры не могли её употреблять. Об

этом сказали старцу, пояснив, что знающие люди советуют к этой машине сделать конный привод. Старец как-то нерешительно на это ответил: «Надо подумать». Через несколько времени сестра заведующая в обители постройками приехала к старцу с разными другими деловыми вопросами, но старец не слушая её сказал с оживлением: «Нужно непременно привод в хлебной устроить, этого батюшка Амвросий желает». Сестра с удивлением взглянула на старца, а он отвечая на её недоумение продолжал: «Я целую ночь лежал и думал о приводе, не зная, на что решиться, и вдруг слышу, батюшка Амвросий мне говорит: «Непременно нужно привод сделать».

Привод сделали, и машина очень хорошо работает.

К старцу Иосифу многие относились и заочно и получали от него письменные ответы, и ни в каких случаях своей жизни не решались поступать без его совета, зная по опыту, что с его благословением всё выходило хорошо.

Особенно много он получал писем из монастырей, как женских, так и мужских. Эти письма, которые хранятся как драгоценное сокровище и которые, вероятно, со временем будут изданы Оптиной Пустынью, были также просты, сильны и мудры, как и слова его. Они проникнуты святоотеческим духом, дышат ангельской кротостью и богоподобным смирением Старца.

Преподобный Иосиф, Богоносный старец, Оптинский

Братский духовник

В конце 1893 года заболел предсмертной болезнью скитоначальник и общебратский духовник иеросхимонах Анатолий. Тогда по общему выбору всей братии духовничество было передано старцу иеросхимонаху Иосифу.

Да, это был вполне готовый светильник, до времени скрывавшийся под спудом. Он также просто и покорно, как и всё принимал, принял на себя и это великое и тяжелое пастырское служение, не ища своих, но яже ближняго.

С полным доверием и сыновьей преданностью вручило ему оптинское братство в окормление свои души. Многие старшие иеромонахи давно уже, вместе с настоятелем, исповедовались у него; теперь же все устремились к сему дивному мужу и «никтоже отиде от него тощ и неисцелен».

Приведём, как образчик духовного отношения истинного ученика к старцу нижеследующий отрывок из дневника одного внимающего себе инока.

«Господи, благослови на пользу душе моей записывать слова старца моего, батюшки Иосифа, за его святые молитвы.

Однажды батюшка мне сказал: внимай себе и будет с тебя. Ещё говорил, чтобы чаще себя укорять,

во всём быть терпеливому и за всё находящее благодарить Бога. При этом старец в назидание рассказывал мне следующее: «Однажды один св. отец слышал, как нищий укорял себя. Время было зимнее, а он полунагой лежал на куче навоза, едва прикрытый рогожей и трясся от холода. Между тем он говаривал себе: сего ли не хочешь потерпеть, окаянный! Св. мученики не то терпели, — зиму нагие в темницах проводили, ноги забиты были в колодках; а ты ноги-то вот как протянул. Да ещё и рогожей покрыл».

Рассказ этот принёс большую пользу душе моей.

«Батюшка, — сказал я, — вот я очень побеждаюсь ленью, и знаю, что нехорошо, но снова побеждаюсь».

Старец сказал: в Евангелии говорится, что нужницы восхищают Царствие Божие, а поэтому и нужно понуждать себя во всём, и страсти следует отсекаť вначале, пока они молоды, ибо тогда они подобны маленьким лающим щенкам, пугнёшь их, и они отбегут от тебя. А если дать им укрепиться и запустить в себя, то они уже будут, как львы восставать на тебя; и ты не в силах будешь бороться с ними. Я спросил: в чём же больше, батюшка, следует понуждать себя, или воздерживаться? Старец: во сне, в пищи, в питии, в разговоре; а наипаче в церкви не надобно говорить.

Батюшка, вот иногда бывает такая ревность ко всему доброму, а то бывает такое нерадение и разленение, ни на что нет охоты, спишь и ешь без меры, молиться не хочется, правило своё келейное

По благословению преп. Амвросия, старец Иосиф принимал исповедь перед образом Божией Матери “Споручница грешных”

оставляешь, — что в таких случаях делать?

Вот тут-то и нужно себя нудить на всё доброе и на молитву; это вот уж будет зависеть от тебя, когда во время нерадения и разленения понудишь себя к молитве; а когда бывает ревность ко всему доброму, то это от Бога.

Батюшка! С чего бы мне начать, чтобы хотя не много сосредоточиться в себе, — или уж никуда не ходить, кроме самых необходимых случаев?

Старец. Вот с этого и начни; сиди в келье, и келья всему тебя научит, — только терпи, будут смущать помыслы выйти, — не поддавайся. Ведь все святые этим путём шли. Прочти у Федора Студита, как он не велит останавливаться и разговаривать, когда выходишь из церкви; да и в уставе об этом сказано. А то мы уж извратили порядок монашеской жизни; у нас всё на выворот пошло.

Говорил также батюшка, что старец Лев писал одной духовной дочери: вот тебе три орудия в брани духовной: смирение, терпение, самоукорение, — сими побеждай.

Ещё на мой вопрос, можно ли кому что дать? Старец сказал: можно, если имеешь что лишнее, но не монастырское, на которое тебе не дано благословения. А можно ли что брать у кого, если дают? Старец: можно и принимать, — это тоже знак смирения, как авва Дорофей говорит; но если не имеешь нужды, то, конечно, лучше не брать.

Батюшка! Мне помысл говорит давно: не имей ничего, как св. отцы учат.

Старец на это сказал: имей, что нужно и

необходимо, а лишнего не собирай, а если не будешь иметь, да будешь скорбеть, то что толку? — лучше держись середины. Можно иметь, только не привязываться ни к чему, и быть как неимущему; такое устройство и было у святых.

Молитва Иисусова, батюшка, плохо идёт у меня. Кажется и простая вещь, везде и всегда можно бы творить её, — так нет, — забывается.

Старец. Да, она как бы и простая вещь, а не удержи́ма; сказал несколько раз и забыл, — вспомнил, ещё проговорил десяток раз — и опять рассеяние. В день то сотню одну скажешь, а воображаешь, что молитву проходишь. Поэтому вначале надобно непременно количеством на счёт проходить, пока не получишь навыка.

После исповеди я сказал дорогому отцу моему духовному и старцу: «Батюшка! Как бы я желал всегда быть исправным в моём звании, в исполнении монашеских обетов, и вообще пред Господом во всех моих делах и поступках. Иногда сердце как будто и горит любовью к Богу и готов исполнить Его волю, но лишь только решится взяться за внимательную жизнь, как враг тотчас окрадывает меня: душа моя скорбит о таком нерадении, — когда же я начну исправно жить, а время то идёт».

Старец. Да, что делать? Всегда мы неисправны перед Богом; надобно молиться об этом. Ты знаешь, как написано у пр. Макария Великого: «Безстыдно должно вопиять к Богу, чтобы Он смиловался и сам помог нам, потому что мы своими силами и сами собой ничего не можем сделать хорошего. А

если будем часто молиться, докучать Богу, вопиять безстыдно в великом смирении, то Господь и поможет».

Давно у батюшки не был. Был болен родной старец, никого не принимал вот уже с месяц. Очень похудел дорогой наш батюшка, морщин ещё прибавилось, но образ его стал ещё привлекательней, настоящий преподобнический. Получив благословение, высказав свою скорбь по случаю болезни его, я спросил о давно мучившем меня вопросе и получив на всё глубокий, духовный ответ, я был понемногу утешен батюшкой, и просил не оставлять меня своим духовным руководством.

Слава Богу! Батюшка ещё принял меня, и снова получил аз грешный утешение и подкрепление моей унылой и приснослабой души. Благодатный старец ещё подтвердил мне касательно молитвы. Пятисотницу тоже не велел оставлять никогда. «Если не пришлось исполнить с поклонами, то можно без поклонов, — сказал старец. Если нездоровится, или устанешь, то можно сидя пройти её; но, конечно, если здоров, то надо исполнить её стоя и с поклонами».

Батюшка! Вашими св. молитвами, слава Богу, я как бы немного привыкаю к молитве, конечно, внешней.

Старец сказал: «Это хорошо. Ничего, что внешне; при неопустительном исполнении келейного правила явится охота и помимо правил заниматься Иисусовой молитвой». Тут мне батюшка сказал что-то очень важное и полезное из жизни одного

св. отца; но враг выкрал у меня из памяти, и я забыл, что было сказано. Удивительно, как батюшка может нужное сразу найти, что сказать. Из этого видно, что он есть истинный наставник, и сам есть делатель монашества. Счастлив я, убогий, что имею такого опытного в духовной жизни отца, незаблудного, истинного руководителя, которого люблю истинною, сыновьей любовью.

Ещё батюшка говорил мне, что молитву Иисусову надобно произносить отдельно, редко; а что помыслы приходят, — это обычно диаволу — навевать, дабы отвлечь внимание от молитвы. Но тут-то и нужно усерднее и более углубляться в молитву, и помыслы, т.е. сам диавол жегомый страшным именем Иисусовым, бежит. Затем старец удивил меня крайне: только что я хотел ещё высказать ему, а он, отвечая на мою мысль, говорит: «А иногда враг держит за сердце, раздражает ненавистью к кому либо и осуждением». А я именно это-то и хотел сказать, ибо имел скорбь на одного человека; а батюшка предварил меня.

Господи, сохрани мя, молитвами отца моего, от прелести и обольщения и не по разуму ревности.

Плохая однако моя память! Много слышу от дорогого и любимого моего старца, но не всё помню, если не запишу, а все слова его — хлеб духовный есть души моей, золото!..

Однажды батюшка говорил мне: «Много есть плачущих, но не о том, о чём нужно; много скорбящих, но не о грехах; много есть как бы смиренных, но не истинно. Чтобы преуспевать в

молитве Иисусовой, надобно смиренно себя вести во всём: во взгляде, в походке, в одежде.

Говорил старец, что молитва Иисусова великую пользу доставляет тому, кто её творит; и непременно надо привыкать творить её. Она будет утешать, особенно во время болезни. Если кто привык творить её всегда, то и в болезни будет творить; и ему не будет так скучно, молитва будет служить ему утешением. А если человек, будучи здоровым, не занимается молитвой, то, и когда заболел, не в состоянии будет молиться, как неимущий навыка; и ему тяжело бывает. А посему, пока здоров, и надо учиться и привыкать к молитве, и творить её часто; хотя и не чисто, но всё же будешь со смирением выговаривать: «Господи, помилуй мя грешного!» А сердца сокрушенна и смиренна, сказано, Бог не уничтожит. И вышел утешен от старца святого.

О переходе в другую обитель старец говорил, что переходить без особенной нужды не следует; покоя в душе не обретёшь. Сколько искушений, ненависти и злобы будет! Иной покажется тебе другом, а у него в сердце нож против тебя. По своей воле не должно переходить; не будешь покоен, и никакие удобства жизни не будут утешать. Другое дело, если за послушание куда переведут.

Так всегда я уходил от старца успокоенным и утешенным, ибо слова его принимал, как из уст Божиих. Господи, помоги мне блюсти все советы возлюбленного старца моего и управи стези моя...»

В январе 1894г. скончался начальник оптинского скита, старец иеросхимонах Анатолий.

Архимандрит Исаакий и вся братия давно предназначали его заместителем старца Иосифа. Но не прошло ещё девяти дней со дня кончины скитоначальника, как настоятелем был получен указ из духовной консистории о том, что иеромонах Н. может быть утверждён в должности начальника скита, если на то будет согласие настоятеля.

Не смутился духом маститый архимандрит и твёрдо, и прямо выступил против постороннего вмешательства. Он собрал братию и предложил им избрать скитоначальника. Братия единогласно указала на о. Иосифа. Ризничный иеросхимонах Леонтий, отличавшийся горячностью и прямою, со свойственным ему воодушевлением громче всех заявил: «Достоин! Достоин!». После такого единодушного избрания, архимандрит Исаакий представил епархиальному начальству рапорт о назначении на место скончавшегося скитоначальника о. Анатолия иеромонаха Иосифа. Избрание это было утверждено, и 25 марта был получен указ.

Так истинное смирение всегда уклоняется от чести, и тем более никогда не ищет её; но Господь Сам ведёт избранника и превозносит его перед всеми.

С принятием начальства прибавилось старцу Иосифу и трудов, и забот. Но это не отягощало смиренной души послушливого инока, он также безропотно и кротко нёс иго начальствования, являя собой поучительный пример истинного пастыря. Всё у него шло своим порядком. В

хозяйственных делах он был практичен и осторожен; изменять что из заведенного прежними старцами и начальниками он ничего не стал; но там, где требовались некоторые исправления, он делал это так смиренно, что никому не бросалось в глаза, и все охотно ему подчинялись.

По своему смирению он всё относил к доброму настроению самой братии. Так он писал своей сестре м. Леониде, вскоре после назначения своего начальником: «...управляю скитом со своими всеми помощниками — братьями; все слушаются и смиряются, только нужно самому себе внимать и заботиться о своей душе, а братия все, слава Богу, мирны».

В скиту было разведено очень много цветов, что с одной стороны, требовало лишних расходов, а с другой — отвлекало братию от их монашеских обязанностей. Новый начальник сократил это цветоводство, оставив его только на главной алее и вокруг церкви.

Очень характерен, по своей силе и простоте, ответ старца-начальника, данный одному мирскому посетителю на его вопрос, почему теперь нет в скиту парниковых огурцов? «О. архимандрит сказал, что можно подождать, когда они на грядках поспеют», — сказал со своей кроткой улыбкой о. Иосиф. Этот смиренный, но в то же время дышавший силой монашеского духа, ответ так понравился посетителю, что он, несмотря на свою любовь к разведению парников, всей душой одобрил и оценил распоряжение нового начальника.

Вообще он удивительно умел соединять в себе свойства, требуемые начальническими обязанностями и долгом старчества. По отношению к братии он был твёрд, строг и взыскателен; учил их смирению, терпению, нелицемерному послушанию, и вообще монашескому поведению, но учил этому не властью начальника, а внушал любовью отца и в то же время, как старец, умел всех успокоить, умиротворить, привести к повиновению и покорности. Братия говорили про него: «Наш батюшка чего не сделает приказанием, то доделает своим смирением: так скажет и взглянет, что и не хотелось бы смириться, да смиришься».

Он требовал, чтобы на всё спрашивали его благословения, и никогда не тяготился никакими вопросами, но делал это в простоте духа, как монах, привыкший каждый шаг своей жизни освящать благословением.

Он прекрасно знал весь церковный устав и напевы; и когда собьются певчие, то он подходил к клиросу и указывал, что нужно петь или читать. Когда готовился к служению, то повечерье вычитывал в келье, а к бдению приходил в церковь; а иногда и сам служил один с иеродиаконом, как простой чередной иеромонах. В алтаре стоял он с таким благоговением, вниманием и углублением в молитву, что, кажется, он никого не видал в храме, кроме Бога да себя: никогда не отвлекался никакими разговорами, а лишь скажет нужный возглас и опять стоит в молитвенном настроении, и читает про себя Иисусову молитву по чёткам. Иногда случалось, что

кто-либо из иноков подойдёт спросить что-то по послушанию, или по своей душевной нужде, старец удовлетворит всегда отечески-милостивым ответом; но иногда кротко даст понять, что этим нарушают его молитвенное состояние духа.

Иноки рассказывают, что он до того был углублён в молитву, что часто не замечал, когда они к нему подходили, и только на второй вопрос он приходил в себя.

В служении он всегда был покоен и средоточен, не любил суетливой поспешности, ни вялой медлительности; возгласы говорил внятно. И вообще служение его производило умиленное чувство в молящихся.

Во внутреннем управлении братьями он был очень мудр и соблюдал должную меру в строгости и в снисхождении, никогда не поступая ни в чём по одному наговору. Он не любил вообще часто перемещать монахов с одного послушания на другое, говоря, что на одном послушании скорее приучаются к терпению. Случалось, что старший на послушании приходил к начальнику жаловаться на подчинённого ему брата, прося его сменить. Батюшка спрашивал: «Что же он сделал?» «Да он мне наговорил грубостей». «Что же он тебе сказал, почему?» — допытывался старец и из рассказа разгорячившегося монаха оказывалось, что особенно основательной причины к перемещению брата не было, а старший действовал по страсти. В таких случаях начальник говорил жалобщику: «Поди, сам попробуй побыть на его месте; тогда

узнаешь, что это легко, или нет». Но, конечно, не всегда одинаково поступал он, а когда требовала того справедливость; вообще же от находящихся в послушании он требовал беспрекословного повиновения и смирения.

В делах хозяйственных у него были добрые и опытные помощники, которые много облегчали его заботы. Это были верные и преданные ему иноки, на которых он мог вполне положиться, тем более, что и они, как настоящие оптинские монахи, ничего не делали, не испросивши благословения своего начальника и старца. Но при всём этом, он никогда не слагал с себя забот и вникал во всё, памятуя, что должен отдать Господу ответ за вверенное ему дело. Так он не любил что-нибудь строить, или делать поправки без крайней нужды, находя это лишнею тратой. Однажды ему сказали, что в трапезной плохи полы и надо их переменить. Батюшка не сразу дал на это своё благословение, а велел хорошенько их осмотреть. Оказалось, что полы хотя и стары, но могут ещё простоять несколько лет.

Отношение его к скитской братии было самое любвеобильное и отеческое; если кто заболел или приближался к смерти, то батюшка всегда спешил к постели умирающего.

Однажды о.Иосиф собрался в Шамордино, но ему занездоровилось, и он остался. Вскоре в скиту умер один старый иеросхимонах. Старец навещал его, расположил к принятию схимы и в день смерти настоял, чтобы его приобщили. «Вот хорошо, что я не поехал, — сказал потом батюшка, — а то я бы

поскорбел, что он без меня умер».

В конце того же 1894 года почил от великих трудов своих маститый подвижник — настоятель Оптиной Пустыни, архимандрит Исаакий, на 85 году жизни. Тихо угасал этот светильник монашества; мирно и бодренно готовился он к исходу. Корабль, нагруженный добродетелями, входил в пристань, окончив своё многолетнее плавание. Для подвижника наступал вожденный день, к которому он готовился всю жизнь. Но для оптинского братства это был день печали и сетования, ибо они лишались опытного кормчего, мудрого начальника. Тяжелее всех переживал эту утрату скитоначальник и старец иеросхимонах Иосиф. В продолжении последних четырёх лет жизни архимандрит Исаакий, как и старец Иосиф, сделался его духовником, они так сблизились духовно, так обоюдно поддерживали друг друга, так единодушно руководили вверенным стадом, что разлука эта вносила большую перемену во внутренний строй обители.

Незадолго до своей кончины, умирающий настоятель благословил своего возлюбленного сына вместе духовного отца и старца Калужской иконой Божией Матери, сказав: «Этою иконою благословил меня преосвященный Григорий на начальство». Затем подарил ему на память свою любимую палку, полученную им от своего брата, архимандрита Мелетия, которого очень чтит. Последнее слово утешения, сказанное умирающим старцу было: «Нужно всегда надеяться на Бога;

надеющийся на Бога, яко гора Сион, не подвижится во век». Так до последней минуты о. архимандрит Исаакий выражал своё особенное расположение к о. Иосифу, которому крайне тяжело было терять такого начальника. Но предсмертное завещание его, как нельзя более, соответствовало настроению самого старца. И он, крепкий верою и упованием, твёрдо перенёс эту утрату.

На погребении всеми уважаемого настоятеля прибыл из Калуги архипастырь — преосв. еп. Александр. По окончании всех заупокойных богослужений, владыка предоставил братии полную свободу выбора себе нового настоятеля; а прощаясь со старцем Иосифом, сказал ему: «А вы помогите им своим добрым советом».

На следующий день состоялись выборы. Братия предварительно обращалась к старцу, спрашивая кого он благословит выбрать. Старец всем указывал на настоятеля Мещовского монастыря, архимандрита Досифея, постриженника Оптиной Пустыни, как на человека способного, строгой монашеской жизни и знакомого с оптинскими порядками. Братия единодушно положила на указание старца, и избрали архимандрита Досифея.

Новый настоятель недолго управлял обителью; но всё внимание его было обращено на поддержание старчества, и сам первый во всех делах он обращался за советом к старцу.

Но затем, через два года, между ними возникло недоразумение и некоторое несогласие. Это обстоятельство дало повод проявиться во всей

полноте великому миролюбию старца Иосифа и его удивительному умению оставаться твердым и непреклонным в своих монашеских убеждениях. И вообще в каких бы случаях ни уговаривали старца обратиться к своим почитателям, из коих было много людей влиятельных, он обыкновенно отвечал: «Зачем я буду писать и возмущать мирских против монастыря». Какой назидательный урок для многих недовольных распоряжениями своих начальников!

Старец любил повторять и всегда держался мудрого изречения «аще не от Бога дело сие, то само разорится». Так в действительности всегда и случилось.

Все архипастыри Калужские, посещавшие Оптину Пустынь, оказывали особое уважение старцу Иосифу; но особенно постиг его духом епископ Макарий — сам великий молитвенник. Этот чистый сердцем и благодатный старец-епископ глубже всех понял и оценил высоту духовную старца Иосифа. Он долго с ним беседовал и затем за обедом у настоятеля высказал, что старец ему очень понравился и произвёл отрадное впечатление своим глубоким смирением: «Это будет великий человек», — добавил владыка.

Старец Иосиф, при всём своём древне-аскетическом образе жизни, при всей любви к безвестности и простоте, весьма ценил науку и общественную деятельность. Он интересовался всем, что делалось в церковно-общественной жизни, и имея общение со многими духовными и светскими

деятелями, он всегда убеждал их не уклоняться от своих обязанностей и считал, что иметь хороших и полезных деятелей также необходимо и полезно, как иметь и хороших иноков.

Однажды на общем благословении кто-то выразил сожаление по поводу того, что один из послушников скита поступил в академию. «Видно, батюшка, труднее всего быть простым монахом!» «Нет, — ответил старец, — хорошим епископом быть ещё труднее, и такие епископы теперь нужны, а жизнь в скиту для него не пропала; она принесёт ему большую пользу». (И действительно этот послушник, по предсказанию старца, впоследствии стал епископом).

В 1896 году по представлению архимандрита Досифея старец был награждён наперсным крестом.

Летом 1899г. в Оптину Пустынь снова приезжал Калужский епископ Макарий и снова долго беседовал со старцем. Между прочим, батюшка, как начальник скита, высказал владыке своё желание и просьбу об уничтожении обычая допускать 7 сентября женский пол в скит. Владыка отнёсся к этому очень одобрительно, и вскоре был прислан указ. Братия горячо благодарила старца за это благодеяние, но некоторые особы женского пола остались этим очень недовольны и готовы были обвинить батюшку о. Иосифа, что он нарушает то, что было разрешено старцем Амвросием. Батюшка, по свойственной ему скромности больше отмалчивался, но, наконец, он сказал на это: «А что если не я, а Сама Царица Небесная этого не желает.

И знаете ли вы, что это было всегдашнее желание покойного батюшки Амвросия; только он никак не мог этого сделать, так как скитоначальник о. Анатолий очень противился этому. Я обязан теперь выполнить волю Царицы Небесной и покойного старца». При этом он вспоминал, как помянутая выше странница — юродивая сказала ему, указывая на скит: «Ты должен это очистить». Затем старец прибавил, что и батюшка Амвросий относил слова этой юродивой к этому случаю.

После этого все умолкли и поняли, что старцу несомненно было какое-то указание свыше.

Во время беседы своей со старцем, преосвященный Макарий высказал, что ему нужен в Н-ский монастырь настоятель, и что он желал бы взять из Оптиной о. казначея «Нет, — твёрдо возразил старец владыке, — казначей нам самим нужен; наш архимандрит болеет». И действительно вскоре здоровье о. архимандрита Досифея сделалось настолько плохо, что он принуждён был подать на покой, и о. казначей, по совету и указанию старца, был избран братией настоятелем.

В начале же предсмертной болезни отца архимандрита Досифея, Оптинская братия выражали единогласное желание иметь батюшку о. Иосифа своим настоятелем. Старец только улыбался этой выдумке и шутливо говорил: «Вот хороший буду настоятель, — в церковь ходить не буду, зимой и совсем из кельи не буду выходить». Но братия не принимали этого в резон и стояли на своём: «Мы всё будем за вас делать; вы только сидите и

распоряжайтесь, а мы все будем вас слушаться». Конечно, имея в виду слабое здоровье старца, нечего было думать об этом, но самый этого факт свидетельствует о той любви, доверии и уважении, какими пользовался о. Иосиф среди братии.

Новый настоятель архимандрит Ксенофонт с любовью и глубоким уважением относился к старцу, как истинный монах показывая братии назидательный пример нелицемерного послушания.

12 лет о. Иосиф был скитона начальником и духовником всей братии: был известен Священному Синоду; к нему обращались все, как к опытному духовно старцу, преемнику великого старца батюшки о. Амвросия. Много отовсюду получал он писем, которые все читал сам. И не оставлял своего великого служения до самой кончины.

Последние лет пять он видимо стал ослабевать силами и часто говорил: «Я что-то слабею». Иногда чувствуя особое переутомление, он день-два совсем не принимал никого; но как только чувствовал себя покрепче, то снова принимался за свой подвиг. На просьбы поберечь себя батюшка обыкновенно отвечал: «У меня всегда на совести остаётся, когда я чувствуя себя лучше, не принимаю». И часто, когда келейники не докладывали ему о приходивших, он сам спрашивал: «Нет ли там кого?»

Весь этот краткий очерк жизни и взаимных отношений оптинских иноков ясно говорит о том, что Оптина Пустынь — эта носительница идеала монашества и старчества, жила преданиями великих столпов иночества. Бывали, конечно, единичные

Старец Иосиф с братией Оптиной Пустыни

несоответствующие случаи, как бывали они и везде, не исключая общежития самого Пахомия Великого. Но общий дух и внутренний строй обители всегда являлся светочем, как для мира, так и для других обителей.

Не следует думать однако, что в обителях жизнь течёт всегда мирно и что там не случается ничего нарушающего общую гармонию. С одной стороны, нужно помнить, что злокозненный враг рода человеческого не может оставаться спокойным, видя духовное преуспевание людей, и потому всегда старается посеять зло и раздор; а с другой стороны, не следует забывать, что подобные искушения в

жизни духовной необходимы, как говорит апостол, чтобы обнаружилось искусство верных рабов Божиих.

Так, кроткому и смиренному о. Иосифу в продолжении его полувековой иноческой жизни пришлось перенести много разных, неизбежных в монашестве скорбей и испытаний, чем враг старался поколебать его мужественную душу: но всё же не удалось врагу «украсть сокровища духа» (тропарь праведному Иову). **Смирение его побеждало все козни вражие**, и все эти «искушения» лишь обнаружили во всём величии его высоту. Незлобие его было так велико, что не только никогда никто не слышал ни одной жалобы из его уст, но даже, когда другие высказывали своё справедливое негодование, старец с чисто ангельскою кротостью говорил: «Нет, ничего, мне хорошо», — а когда некоторые, выведенные из терпения, просили старца позволить им обратиться за защитой, то старец решительно запрещал это, говоря: «Зачем, не нужно; ты помнишь, как старец о. Леонид был против этого, даже когда батюшка Макарий его упрашивал».

+

Отца Алесан
иссудимо тужи
ме, а беех сѣх
предде Сынъ сво
ему; а ты кто
така! !!

Носим, то сѣмъ
Дружнѣ-значитъ
осудитъ свое
душу по слову м.
свѣдѣнн,

Наставления старца Иосифа

Все наставления старца проникнуты духом святоотеческого учения. Перед иночествующими он ставил выше всего послушание и самоукорение, так как обе эти добродетели рождают смирение, которое вселяет в душу Бога, и даёт то, о чём сказано в Евангелии: Царствие Божие внутри вас есть. Старец никогда никому не разрешал отказываться от послушания, говоря, что кто до конца несёт данное послушание, тот сподобляется блаженной кончины. Нередко старец приводит в пример одного иеросхимонаха, который никогда не отказывался ни от чего и, будучи нездоров, не отказался от своей череды священнослужения, и во время литургии, только что приобщившись, внезапно скончался тут же в алтаре во всем облачении.

Когда ему приносили жалобы на трудность послушания и на сопряжённые с ним скорби, то лице старца озарялось радостью, в глазах светилась нежная отеческая любовь, и он как-то особенно одушевлённо говорил: «Ну что ж? За то мученики будете». При этом всегда старался внушить, что всякий человек должен иметь терпение во всём, на всяком месте, до конца. «За что взялся, — говорил он, — того и держись, и терпи всё находящее; только с места не сходи, и себя всегда укоряй, — и спасёшься».

Раз одна особа передавала старцу слышанный ею разговор, что будто прежние старцы не особенно принуждали своих учеников на телесные подвиги, а требовали больше внутреннего монаха. Батюшка на это сказал: «Ты скажи им: не вырастивши дерева, откуда же ждать плодов. Дерево же, на котором вырастет внутренний монах, есть пост, всякое воздержание, хождение к церковным службам, телесный труд, тогда уже на нём и вырастет плод, т.е. внутренний монах».

Кто-то на общем благословении вспомнил о том фельдшере, который, после бывшего с ним обмирания, вовремя которого он видел много поучительного на том свете, поступил в Оптинский скит ещё при батюшке Амвросии, но затем, когда ушел отбывать воинскую повинность, то опять сошелся со своими неверующими товарищами и они, убедив его, что с ним была простая галлюцинация, сбили его, и он остался в миру при больнице. Батюшка на это сказал: «Над ним исполнились евангельские слова: аще Моисея и пророков не послушают, то аще кто и от мертвых воскреснет, не имут веры.

Однажды спросили батюшку про одно духовное лицо, почему он человек не образованный, а письма его дышат таким духовным разумом, что так и проникают в душу? Батюшка отвечал: «Как луч солнечный не может проникнуть сквозь туман, так и речи человека только образованного, но не победившего страсти не могут действовать на душу. А кто сам победил страсти и стяжал разум

духовный, тот и без образования внешнего имеет доступ к сердцу каждого».

Одна сказала батюшке: «Вы дадите мне правило, а я боюсь, что мне трудно будет». Старец ответил: «Наложенное всегда трудно», и при этом рассказал про архимандрита Исаакия, который ещё живя в миру готовился к монашеству и подвижничеству. Так он ежедневно клал по тысячи поклонов. По поступлении в монастырь он сказал об этом ст. Льву и тот вместо тысячи назначил ему пятьдесят поклонов. Через несколько времени он приходит к старцу и говорит: «Простите, Батюшка, мне стыдно сознаваться, но я почему-то не могу положить 50 поклонов». Старец велел ему класть 25. Прошло ещё немного времени, как он снова является к старцу и говорит, что он никак понять не может, почему в миру он делал тысячу поклонов, а здесь и 25 не может? Тогда старец Лев пояснил ему: «В миру тебе враг помогал, — ты клал и гордился этим; а тут ты кладёшь не по своей воле, а из послушания, видишь свою немощь и смиряешься, оттого и трудно».

Некто сказал: «Лучше бы я в миру в пост съедал фунт мяса, чем здесь наедаться хлебом». Старец ответил: «Если ты даже съешь и 2 фунта хлеба, то всё же не погрешаешь против устава святой Церкви».

Однажды братия спросила его: «Батюшка, будем ли мы на том свете с вами, поможете ли вы нам и вообще будете ли отвечать за нас?» «Да, ответил старец, — но только те будут со мной и за тех только я буду отвечать, которые беспрекословно меня слушали во всём».

Одна сказала: «Батюшка, скорблю, что средств нет и всё должна зарабатывать, а между тем всё хочется то того, то другого». Старец на это сказал: «Ищите прежде Царствия Божия и прочее всё приложится вам. С таким устроением и поступали прежние монахи, и Господь снабжал их всем необходимым, и сверх того даже. У нас вот в скиту, когда я поступил, самоваров ни у кого не было своих, а был один большой самовар у начальника на весь скит, и после службы братия по очереди пили там чай, и все были довольны и счастливы. Также было и во всех других потребностях; старались больше исполнять службы церковные, да свои послушания, и за это Господь всё им прилагал, ни в чём не имели нужды. А теперь поступают в монастырь со слабым произволением и только думают, что об одежде, да о пище, оттого и Господь не посылает нам грешным».

Одной монахини старец дал такое наставление:

«Если возмущают тебя поступки и грехи ближнего и похищают твоё душевное спокойствие, то вспомни о сем:

а) Погрешность ближнего, которую ты хотела бы исправить, если она нарушает твой душевный покой и раздражает тебя, то и ты погрешаешь и, следовательно, не исправить погрешности погрешностью, — она исправляется кротостью.

б) Ревность, хотящая истребить всякое зло, сама есть великое зло.

в) Помни, что в твоём глазе бревно, а ты указываешь на сучец брата.

г) Есть несовершенства неизбежные, есть и

полезные. Бывает, что злом искушается добро.

д) Пример долготерпения Божия должен обуздывать нашу нетерпеливость, лишаящую нас покоя.

е) Пример Господа Иисуса Христа показывает нам с какой кротостью и терпением должны мы переносить погрешности человеческие, и если мы не начальствуем над людьми, то должны равнодушно взирать на зло.

ж) Каждому тот поступок ближнего кажется великим, который обличает его самого в чём-нибудь.

з) Ничто так не успокаивает и не примиряет нас с поступками ближних, как молчание, молитва и любовь.»

Некто, говоря о ком-то из родных самоубийц стал доказывать, что Бог может и его простить. «Не наше дело рассуждать об этом: Господь то может и простит, а наше дело исполнять, что закон велит. Как судьи должны по закону приговорить преступников к казни, а царь может и помиловать. Как-то святитель Василий Великий помолился о царе Трояне, а ему был голос: «О таковых не дерзай молиться».

Однажды выйдя на благословение, старец вёл беседу об исповедании грехов и между прочим сказал: «Если не можешь сказать грехов своих, то уж лучше написать их. И рассказал при этом, как одна женщина написала грехи свои и подала епископу (Василию Великому), прося разрешения, но тот послал её к пр. Ефрему Сирину. Преподобный все грехи разрешил, кроме одного, с которым послал её

снова к святителю. Придя в город женщина узнала, что архиепископ скончался, и в страшном горе и слезах она припала к его гробу и положила бумагу, на которой были написаны грехи, а сама упала, обливаясь слезами. Тогда все стали спрашивать её, и она рассказала свою скорбь. В это время один священник взял из гроба бумагу и развернул её, — она оказалась совсем чистою, — грехи все были изглажены».

Старец говорил: «Совесть человека похожа на будильник. Если будильник прозвонил и, зная что надо идти на послушание, сейчас же встанешь, то и после всегда будешь его слышать; а если сразу не встанешь несколько дней подряд, говоря: полежу ещё немножко, то в конце-концов и просыпаться от его звона не будешь».

Ещё сказал: «Сильнее всего в человеке действует противоречие. По своему желанию человек иногда и труднее что сделает, а скажи ему легкое что сделать, то сейчас же расстроится. А надо слушаться, хотя и не так кажется. К одному старцу пришли пять учеников в монастырь проситься. Он их послал сажать капусту корнями кверху, а листьями в землю. Двое стали сажать, как он велел, а трое говорят: разве так нужно сажать, — и стали сажать по-своему. Старец пришел посмотреть, как они делают, и которые по его сажали — взял в монастырь, а других не принял».

Одна монахиня из этого монастыря сказала: «Батюшка, благословите вечным домом заранее запастись». «Запасайся терпением! Сказано в

терпении вашем спасайте души ваша. Без терпения и временный дом не строится, тем более вечный. Терпение рождает утешение, и такое утешение истинно. А мы все ищем что полегче. Что легко для тела, то бесполезно для души, а что полезно для души, то трудно для тела, — вот и надо трудом идти в Царствие Небесное».

Однажды, гуляя со старцем по лесу, сказали ему: «Хоть бы вы пожили, батюшка». Старец на это сказал: «Поживем, пока новое орудие не приготовлено, Господь не отнимает старого». Но затем лицо его вдруг сделалось серьёзным и он, помолчав несколько, добавил: «Только надо самим стараться жить хорошенько, а то за наше непослушание Господь берёт старцев и никого не оставляет».

Сказали старцу: вот, опять неурожай. «Да, — сказал он, — всего мало, только грехов много. Неурожай Господь посылает за то, что теперь совсем перестали посты соблюдать, даже и в простонародии; так вот и приходится поневоле поститься».

Ещё сказал: «В нынешнее время частые самоубийства происходят кроме неверия ещё и от нетерпения, — ничего не хотят терпеть, — и если бы Господь не вложил в человека естественное желание жить, то почти все бы себя убивали. Св. Василий Великий пишет об одном языческом философе, который говорил: «Прежде я хотел, чтобы всё делалось по-моему, но видя, что ничего не делается так, как я хочу, я стал желать, чтобы делалось всё так, как делается, и через это стало

выходить то, что всё стало делаться так, как я хочу». «Вот, — прибавлял старец, — и язычник самым делом дошел до этой истины, что неизбежно надо терпеть, что случается. И святые все просили у Бога терпения, значит и они в этом нуждались».

Однажды старцу высказали желание, чтобы он сам открывал затаенные (и какие не хочется высказать) грехи. Он ответил: «Нет, этого не должно; нужно, чтобы каждый сам высказывал и каялся, а то ему пользы не будет в этом; а за забытые и невысказанные грехи должен терпеть всё находящее. И батюшка Амвросий этого никогда не делал, только в очень редких и особенно важных случаях, когда видел, что человек может умереть не раскаявшись».

Кто-то пожаловался, что всё болеет. Старец сказал: «Делать нечего; видно Господь хочет нам спастись и очищает от скверны греховныя. Хотя и не легко терпеть прижигания, но ради здоровья душевного надо терпеть всё. Если неисправно живем, то будем иметь о сем сердце сокрушенное и покаянное, и на это призрит Господь и не оставит Своею милостию».

«Скорби — наш путь; будем идти, пока дойдём до назначенного нам отечества — вечности. В миру больше скорбей, а у нас хоть и есть, но не такие и те ради Бога; только то горе, что мало заботимся о вечности и не терпим и малого упрёка словом. Мы сами увеличиваем свои скорби, когда начнём роптать. Во всём нужно терпение и великодушие, как кораблю якорь, чтобы во время бури не разбился о камень».

Как приобретается полное безстрастие? — спросили старца. «Полным смирением», — ответил он.

Спросили старца, что означают слова апостола: мудрствуй день — Господеви мудрствует, и не мудрствуй — Господеви не мудрствует, — выходит, что и исполнять и не исполнять всё равно. «Нет, — ответил старец, — св. апостол это сказал, чтобы мы никого не осуждали, потому что никто не знает, что кроется внутри у человека. Апостол дальше и прибавляет: ядый не ядущего да не укоряет и неядый ядущаго не осуждает. Один, как будто, видимо всё исполняет, но, может быть, делает это холодно, или превозносится, а другой ничего не исполняет, но укоряет себя, кается, смиряется и за всё благодарит Бога».

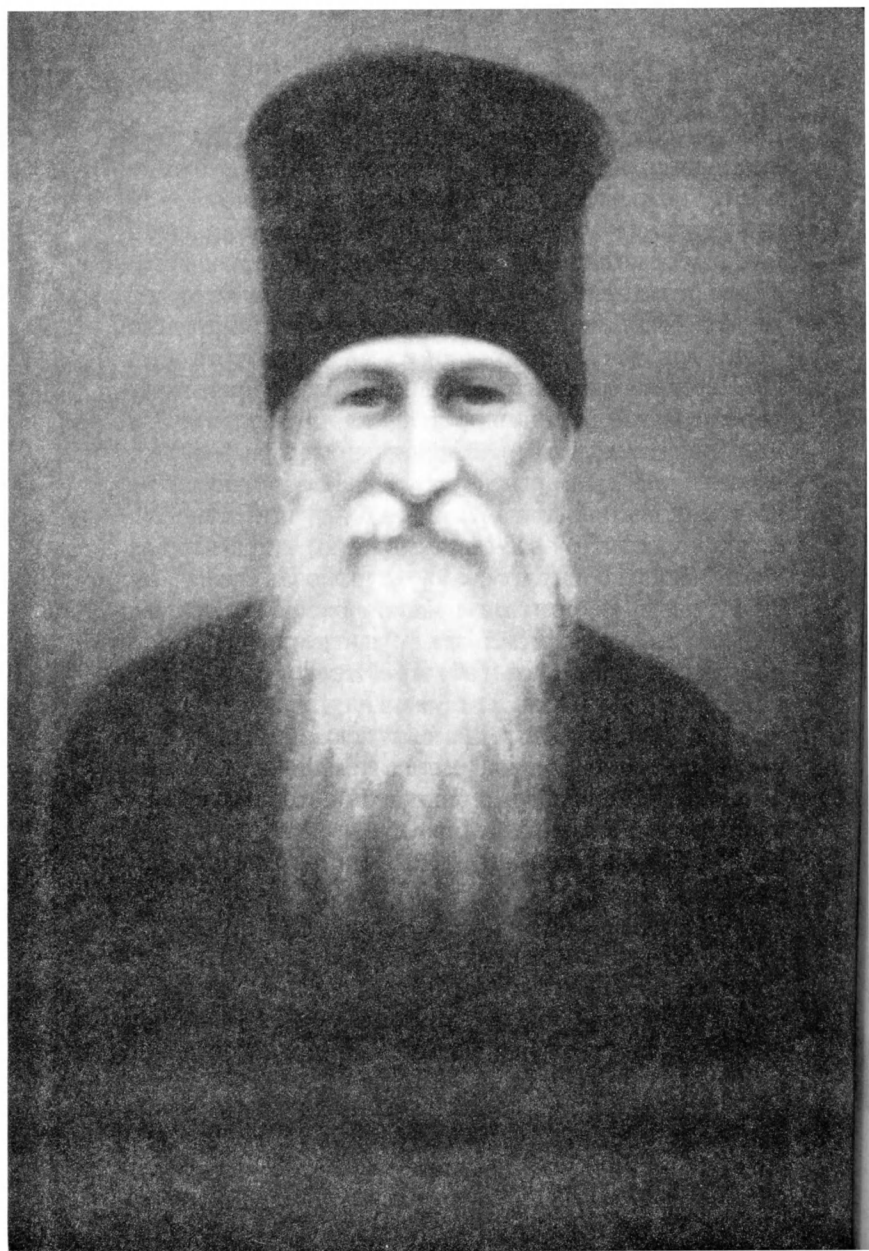
Батюшке рассказали про одну барыню, которая умерла без напутствия, потому, что в её приходе был священник, о котором она знала много нехорошего и не захотела у него приобщиться. Старец пожалел умершую и сказал, что не должно смущаться жизнью иерея, так как рука его только действует, а таинство совершает благодать. При этом он рассказал, как один преподобный, заболев к смерти, пожелал принять св. Таины. Ближайший иерей, которого нужно было позвать, был очень порочной жизни и, казалось, совсем недостоин носить священство. Преподобный несколько смутился, но затем, победив этот помысел, призвал его. Во время причащения Господь сподобил его такого видения: он видел, что его приобщили ангелы.

Один священник писал старцу, что умершая в его приходе девица является своей подруге, прибавляя, что последняя ещё совсем юная, чистая и невинная. Старец на это ответил ему, что блаж. Диодох советует не доверяться даже истинным благодатным явлениям. Господь не взыщет за то, видя что люди делают это не из презрения к Богу, а чтобы не поддаться вражескому обману. Один киево-печерский подвижник увидел в своей кельи молящегося ангела и рассудил: если бы он был от лукавого, то не молился бы. Тогда этот мнимый ангел стал уже давать ему такой совет: ты теперь сам-то уж не молись, потому что отныне я за тебя буду молиться. Подвижник послушался и впал в прелесть, от которой едва только был избавлен молитвами преподобных отцев.

На этом основании и девица А-ия может говорить являющейся: хоть ты и молишься, а я всё-таки не могу верить тебе, и прошу тебя не являйся ко мне, ибо я великая грешница и недостойна благодатных явлений. И пусть она усерднее молится Богу, чтобы Господь избавил её от этих явлений, ибо в них кроится большая опасность. Ещё прибавлю: не имеет ли А-ия о себе хотя тонкого мнения, что она исправно живет. Если имеет, то вот и причина, почему враг приступает к ней с искушением. Все великие святые считали себя грешными и окаянными паче всех людей и только через такое смирение они и сделались угодными Богу. А что умершая является в небесной одежде и светлою — это пустяк».

Тому же иерею старец писал: «Вы пишете что у вас некоторые занимаются врачеванием от укушения змей, употребляя для сего молитвы. **Нужно бы вам эти молитвы просмотреть. А то бывают молитвы или бессмысленные, или даже с примесью хулы. Такие молитвы только радуют бесов, от которых, может быть, и помощь некая бывает. Должно молиться молитвами, принятыми в употреблении св. Церковью, и притом прочитывать их приличнее иереям Божиим, а не простому народу.**

«Просите дать вам наставление об избавлении от рассеянности во время молитвы. Чтобы совсем не рассеиваться на молитве, для нас, грешных людей, невозможно. Но всё-таки должно стараться по возможности собирать свой ум, заключая его в слова молитвы, т. е. вникать в каждое слово молитвы. **Холодностью и окаменением смущаться не следует, а продолжать понуждать себя к молитве, сознавая себя недостойным утешения и умиления. Если молитва холодна, то из этого не следует заключать, что она и негодна Богу, а иногда даже такая молитва вменяется человеку в подвиг, если только человек смиряется и всячески укоряет себя перед Богом.**»

Духовная высота смиренного Старца

Уча других терпению, смирению, незлобию и всему необходимому для христианского расположения души, старец Иосиф первый сам подавал пример в исполнении всех этих добродетелей. Всякие скорби и неприятности он переносил с таким благодушием и спокойствием, что посторонние и не догадывались даже, какие испытания он имел.

Случалось, что ему с возмущением указывали на некоторые поступки других, явно вредные или производящие смущение. Старец и в таких случаях кротко говорил: «Что же делать? Надо потерпеть; нам от этого вреда не будет, а польза большая, если со смирением перенесём». Нередко говорил: «Бывает и ревность не по разуму; или: не знаете коего духа есте». На оскорбляющих он никогда не гневался и даже как будто вовсе не замечал дурного.

Когда приходилось на исповеди каяться в осуждении лиц недоброжелательно к нему относившихся, то старец обыкновенно говорил: «Осуждать не нужно; ведь это не они, а враг их возмущает, а за них молиться надо». Так проникнут он был смирением и так крепок был он духом.

Он одинаково спокойно принимал и честь, и бесчестье, и с таким же глубоким смирением относился и к похвалам. Когда ему передавали чьи-нибудь похвалы или выражали своё удовольствие по поводу какого-либо его возвышения, он всегда на это отвечал: Сие да мудрствуете в вас, еже и во Христе Исусе. Один раз ему сказали: «Вот вы, батюшка, всегда уклоняетесь от чести, а она сама за вами следует». Старец на это серьёзно ответил, глубоко вздохнув: «Да к чему это? На что это нужно? Впрочем, — прибавил он, — как не должно искать чести, так не должно и отказываться от неё живущим в обществе для пользы других. Налагаемая честь есть также от Бога».

Как сказано было выше, внутренняя духовная жизнь старца была для всех сокровенна. Одно только известно достоверно, что он занимался внутренней молитвой, или так называемым «умным деланием». Его ближайший келейник, которого старец не стеснялся, рассказывал, что входя по какому-либо делу в келию старца, он часто заставлял его творящим молитву Иисусову. Батюшка, лежа на кровати, с великим благоговением и сокрушением сердечным, полупшепотом произносил слова молитвы, особенное ударение делая на словах: Господи, Иисусе Христе... — и во избежание самообмана косточками от маслин отмечал количество пройденных чётков, для чего на столике около кровати у него всегда стояла коробочка с этими косточками. Особенно же умилительна и трогательна была эта молитва после приобщения Святых Таин, когда благодатный старец

весь погружен был в молитвенное созерцание, и от сильного движения молитвы не мог даже сдерживать её внутри и громко призывал имя Божие.

Однажды у него спросили, как и давно ли получил он дар молитвы? Батюшка со свойственным ему простосердечием ответил: «Молитва сама учит. Сказано: даяй молитву молящемуся, и кто расположен к ней, тот услышит о ней одно слово и уже держится её; а я читал Добротолюбие» — и дальше старец не закончил, так как остальное было ясно.

Батюшка как и сам был непрестанный молитвенник, так и других располагал к занятию Иисусовой молитвой. И в своих наставлениях особенно часто говорил о молитве как о самом необходимом для каждого человека деле. Если же в ком видел особенное расположение к молитвенному деланию, то старался развивать и поддерживать в нём Божественную искру своими мудрыми советами, согласно учения Святых Отцов.

Нетерпеливых же и неопытных старец решительно и строго предохранял, не допуская касаться высоких степеней молитвы, уча их проходить этот путь постепенно, начиная с молитвы Иисусовой, приносимой устно и непременно по чёткам в определённом количестве. «Это предохраняет от высокоумия, — говорил старец, — иной раз, не соблюдая счёта, можно подумать, что по количеству очень много молитв проговорил; а если считать по чёткам, то окажется, что и одной сотни не прошел».

«Если и не достигнешь вполне плодов и

совершенства молитвы, то хорошо и то, если скончаешься на пути к ней. Высокого (т. е. утешения и духовных озарений) не ищи: оно приходит когда Богу угодно». Сам закалившийся в терпении, старец и других вёл этим же путём. В терпении вашем стяжите души ваша; и: претерпевый до конца той спасен будет, — были и его, также как и старца Амвросия, любимыми словами. «От утешений, даже и духовных, для неопытных бывает больше вреда, чем пользы, — говорил он, — от них душа незаметно возносится и, привыкши к ним, слабеет, и потому в случающихся скорбях малодушествует и падает. Терпение есть мать утешения — вот что говорят св. отцы».

На вопрос: какое истинное намерение должно быть при молитве? Старец ответил: «Спасение; чтобы просить помилования, а не утешения; и не по тщеславию молиться, а чтобы терпеть со благодарением всё скорбное находящее. И если какое утешение получаем в молитве, то ещё больше должно считать себя виновным и должником, что задаром получили».

«Некоторые говорят, что в церкви при молитве со счетом нельзя внимательно слушать, что читается и поётся, — говорил старец; — нет, значит можно, когда достаёт времени и на разные помыслы. Конечно, и в древние времена преподобные отцы творили молитву по счету; для этого они же и изобрели чётки». Как на пример полезности такого упражнения, старец указывал на скитского послушника Л.: «Он жаловался мне, — рассказывал

батюшка о. Иосиф, что ему скучно долго стоять в церкви, и потому всё хочется тихо подпевать клиросным. Тогда я ему сказал, чтобы вместо этого он творил по чёткам молитву Иисусову. Он начал это исполнять и говорил, что ему стало легко стоять в церкви и не скучно, и время богослужения казалось непродолжительным. Итак, он и во время болезни своей творил молитву Иисусову и всё желал быть один; так и умер с молитвой».

Вообще он своим сильным словом и живым примером возбуждал, поднимал дух и доказывал воочию, что как в древние времена, так и теперь упражнение в молитве возможно и даже необходимо для всех; что молитвою всё получается, даже самая молитва и поэтому не нужно никогда оставлять её.

Его великое смирение и непрестанная сердечная молитва вселили в него Самого Господа, и благодатствованный старец был выше всего земного. Что этот «схимник» был действительно подобен пламенному серафиму, свидетельствует нижепомещаемый рассказ известного Оптинской и Шамординской обителям досточтимого иерея отца Павла Левашова.

«В 1907 году я первый раз посетил Оптину Пустынь как-то случайно, ибо к этому не готовился.

Кое-что слышал раньше о старцах, но никогда их не видал. Когда я приехал в обитель, то прежде всего лег спать, так как в вагоне провёл бессонную ночь. Колокол к вечерне разбудил меня. Богомольцы отправились в храм на богослужение, я же поспешил в скит, чтобы иметь возможность побеседовать,

когда всего менее было посетителей. Расспросив дорогу в скит, а там келию старца Иосифа, я, наконец, пришел в приёмную хибарки. Приёмная — это маленькая комнатка с весьма скромной обстановкой. Стены украшены портретами разных подвижников благочестия и изречениями св. отцов. Когда я пришел, там был только один посетитель, чиновник из Петербурга. В скором времени пришел келейник старца и пригласил чиновника к батюшке, сказав мне: «Он давно ждет». Чиновник побыл минуты три и возвратился; я увидел: от головы его отлетали клочки необыкновенного света, а он, взволнованный, со слезами на глазах, рассказал мне, что в этот день утром из скита выносили чудотворный образ Калужской Божией Матери, батюшка выходил из хибарки и молился: тогда он и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от него молящегося. Через несколько минут и меня позвали к старцу. Вошел я в убогую его келейку, полумрачную, с бедной, только деревянной обстановкой. В это время я увидел глубокого старца, изможденного непрерывным подвигом и постом, едва поднимающегося со своей коечки. Он в то время был болен. Мы поздоровались; через мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы четверти на полторы высоту, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок келии раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы, лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому был

так поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове, и на которые я так желал получить ответ опытного в духовной жизни старца. Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости — это отличительные качества старца — стоит и терпеливо ждёт, что я скажу, а я пораженный не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятного, видения. Наконец, я едва сообразил, что хотел у него исповедоваться и начал, сказав: «Батюшка! Я великий грешник». Не успел я сказать это, как в один момент лицо его сделалось серьёзным, и свет, который лился на него и окружал его голову — скрылся. Передо мной опять стоял обыкновенный старец, которого я увидел в первый момент, когда вошел в келью. Так продолжалось недолго. Опять заблистал свет вокруг головы и опять такой же луч света появился, но теперь в несколько раз ярче и сильнее. Исповедовать меня он отказался по болезни своей. Спросил я совета его об открытии в своём приходе Попечительства и просил его св. молитв. Я не мог оторваться от столь чудного видения и раз десять прощался с батюшкой и всё смотрел на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я так и оставил его. После ещё три года я ездил в Оптину Пустынь, много раз был у батюшки о. Иосифа, но таким уже более никогда не видел его.

Свет, который я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как то: солнечным, фосфорическим, электрическим,

лунным и т. д. Ничего подобного в видимой природе я не видал.

Я объясняю себе это видение тем, что старец был в сильном молитвенном настроении, и благодать Божия видимо сошла на избранника своего. Но почему я удостоился видеть подобное явление, объяснить не могу, зная за собой одни грехи и похвалиться могу только немощами своими. Быть может, Господь призывал меня, грешного, на путь покаяния и исправления, показывая видимо, какой благодати могут достигнуть избранники Божии ещё в этой земной юдоли плача и скорбей.

Мой рассказ истинен уже потому, что я после сего видения чувствовал себя несказанно радостно, с сильным религиозным воодушевлением, хотя перед тем, как идти к старцу, подобного чувства у меня не было. Прошло уже четыре года после того, но и теперь, при одном воспоминании о сем, я переживаю умиление и восторг. Мой рассказ — «иудеям будет соблазн, эллинам безумие», маловерным, колеблющимся и сомневающимся в вере — выдумкой, фантазией, и в лучшем случае объяснят галлюцинацией. В наше время неверия, безверия и религиозного развала подобные сказания вызывают только улыбку, а иногда и озлобление. Что ж? Молчать ли нам, служителям истины — да не будет! Приснопамятный старец Иосиф поистине светильник горящий и святейший, — светильник же не ставят под спудом, а на свещнице, чтобы он светил всем, находящимся в истинной Церкви Христовой...

Всё вышесказанное передаю, как чистую истину, нет здесь и тени преувеличения или выдумки, что свидетельствую именем Божиим и своей иерейской совестью».

Но даже не в этих сверхъестественных явлениях благодати более всего проявляется духовное величие преподобного, а в его повседневном трудничестве для спасения и утешения «скорбящих и обремененных», когда преодолевая болезни и немощи, он до последнего вздоха был «всем для всех».

Из воспоминаний его духовного сына, который был свидетелем многогранной душепопечительной деятельности Старца: «В период самостоятельного старчества Батюшка о. Иосиф, пока был в силах, принимал и исповедовал всех решительно без отказа; неграмотным сам читал исповедную книжку. Я поражался, бывало, при виде той массы исповедников, которыми были переполнены и мужская и женская хибарки на первой неделе великого поста. Как мог слабенький Батюшка переисповедовать такое множество народу — прямо непостижимо! Только и можно объяснить себе это благодатью старчества.

На первой неделе великого поста готовятся в Оптиной все, почти без исключений, и монастырские и скитские братия, и скотницы (монахини при скотном дворе), и все живущие в обители. Все они тогда исповедовались у Батюшки, не считая ещё и Шамординских сестёр и приезжих богомольцев, наплыв которых особенно велик бывает в эту неделю.

Бывало, по назначению Батюшки, придёшь исповедоваться после утрени, около 6 часов утра, а Батюшка уже давно исповедуют, сидя на кровати в приёмной, с заложенной за спину подушкой.

И как проста и вместе с тем величественная по своей таинственности была эта исповедь! Прочтёшь книжку, скажешь записанные для памяти грехи — и будто всё тут! Но на деле далеко не всё. Пока перечисляешь свои неисправности, Батюшка полушепотом, медленно творит молитву Иисусову, и в это время ясно чувствуешь, что за каждую из них молитвенный вздох батюшки вознёсся к Господу. Оттого-то в душе только что очистившегося грешника ощущался такой мир, такая духовная радость, что вполне понять их может только тот, кто сам сподобился хоть раз исповедоваться у св. Старца. Затем произносилась разрешительная молитва.

С каким смирением читал Батюшка слова этой молитвы! Это смирение не ускользнуло даже от девятилетнего Батюшкиного духовного сына, который с 6-летнего возраста исповедовался у Батюшки. Придя однажды после исповеди домой, он с восторгом сказал мне, «Батюшка-то! Когда читает разрешительную молитву и говорит: и аз недостойный... так говорит эти слова, будто и вправду он недостойный»!

Смирение было отличительным свойством батюшкиной души, и духовных детей своих Батюшка старался обучить этой добродетели. Часто всё его наставление заключалось в двух

словах: «Смирйся! Терпи!» Если, бывало, скажешь: «Батюшка, я не знаю, как смиряться!» Батюшка ответил: «Себя укоряй!» (т.е. всегда осуждай себя, а не других). И в этом новом наставлении заключалось опять таки предыдущее: «Смирйся!» Если попросишь батюшку сказать слово на пользу, то редко услышишь в ответ что-либо другое; почти всегда одно и то же: «Смирение да терпение — от страсти избавление».

Раз как-то, каясь Батюшке в своей неисправности, мне пришлось задеть неисправность другого лица. Батюшка с кротким укором сказал на это: «Святые себя хуже всех считали, а мы себя лучше всех мним в безумии и нечестии своём!»

Батюшка во всём пользовался только самым необходимым и другим не благословлял иметь излишек в чём-либо. Как-то перед днём Ангела Батюшки одна духовная дочь его благословилась сшить ему к этому дню новый подрясничек. Батюшка сказал: «К чему? У меня есть ведь. А это и грешно: иметь лишнее».

Другой раз я благословился попросить покрасить полы в своём помещении и побелить стены. Батюшка спросил: «Что ж? Там так грязно, что жить нельзя?» Я сказал, что жить, конечно, можно, но полы поистерлись. Батюшка сказал: «Это тщеславие!» И свою келию, в которой раньше больше 30 лет подвизался старец о. Амвросий, батюшка в течение двадцати лет своей жизни в ней ни разу не поновил, должно быть по той же причине, хотя потолок в ней от времени почернел. Кстати сказать про

обстановку этой келейки, освященной 50-летними подвигами двух великих Старцев — она проста до крайности, до умиления!

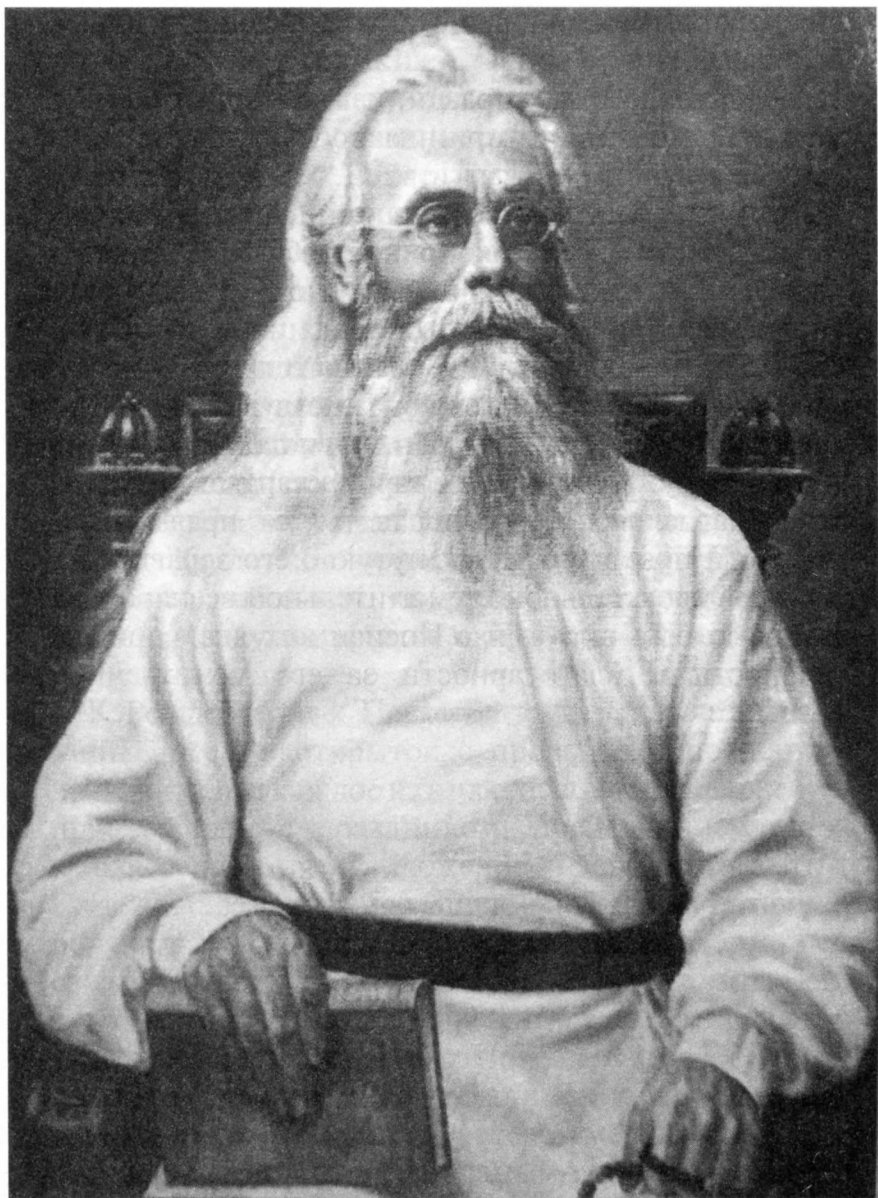
Батюшка был очень сострадателен к нуждам и скорбям людей... Ежедневно в полдень нищие толпами собирались у крыльца хибарки, и чередной келейник всех их оделял милостыней, а приносившим свидетельство от приходских священников о неспособности к труду, или об особой нужде просителя, выдавалась ещё добавочная сумма. В последний год по распоряжению начальства раздача милостыни стала производиться два раза в неделю, во избежание постоянного пребывания нищих в монастыре и впоследствии этого и частых случаев кражи. Когда мне пришлось рассказать Батюшке про одну попытку покражи нищею девочкою, Батюшка задумчиво и со скорбью в голосе сказал: «Нужда»!

К Рождеству и к Пасхе Батюшка получал целые кипы писем и открыток с просьбой о пособии к празднику. На каждое из них старец отвечал кратким приветствием с праздником, преподаянием мира и благословения и вложением денежной лепты. Однажды за болезнью письмоводителя Батюшка поручил мне надписать адреса на конвертах со своими ответами на эти письма и дал мне для этого большую пачку полученных им открыток с указанием адресов. Я обратил внимание батюшки на то, что многие письма были написаны одною и тою же рукою. Батюшка, весело смеясь, сказал: да они все одной рукой написаны! А потом ласково и

снисходительно прибавил: «Уж Бог с ними, они — беднота»!

По двенадцатым праздникам Батюшка служил обедню в монастыре, принимая участие в соборной службе поздней литургии. С какою радостью, бывало, ждёшь торжественной минуты, когда, разоблачившись по окончании обедни, светлый, улыбающийся, сияющий неземною благодатною радостью от таинственного общения с любимым Господом — из боковой двери левого придела собора показывался батюшка! Монашествующие обоего пола, и мирские всякого звания и положения густой толпой окружали святого Старца, стараясь получить его благословение, поздравить с праздником, поднести просфорочку, вынутую о его здравии...»

Такой трогательной и умилительной всенародной любовью был окружён о.Иосиф, как знак признательности и благодарности за его молитвенные труды.

*Преподобный Варсонофий Оптинский, который исповедывал и причащал
Старца во время Его предсмертной болезни*

Болезнь и праведная кончина

С 1905 года Старец стал как-то особенно часто прихварывать и, видимо, ослабевал телесно, но духом был всё также бодр и весел. Силы ему изменяли настолько, что он не мог уже исполнять должность скитоначальника и, после серьёзной и опасной болезни, перенесённой им в мае этого года, он просил об увольнении его на покой. Затем он принужден был отказаться и от духовничества, которое особенно изнуряло его. «Мне труднее всего исповедовать, — говорил старец, — потому, что это дело неотложное, — хоть умирай, да исповедуй». Преданные старцу лица, конечно, приняли это с большой скорбью, но с другой стороны, любя и храня старца, безропотно подчинились этой необходимости. Но духовная связь детей со своим отцом не прекратилась. По-прежнему братия шла к нему со своими скорбями и недоумениями, также несли они и инокини женских обителей к этому опытному духовному врачу свои больные души, открывали ему тайники своего сердца, все помыслы, искушения, свои раны греховные. И любвеобильный старец никому не отказывал — он терпеливо всё выслушивал, кротко наставлял

в терпении всего находящего; часто одной его ангельской улыбки было достаточно, чтобы уныние и ожесточение рассеялось бесследно.

Последний раз Батюшка служил на Успение 1905 года, а с 16-го августа начал жаловаться на слабость, которая не покидала батюшку всю осень, то усиливаясь, то уменьшаясь. 9-го октября, под память батюшки о. Амвросия, Батюшка почувствовал себя плохо, так что не мог принимать посетителей и исповедывать готовившихся ко дню кончины Батюшки о. Амвросия многих Шамординских сестёр, но потом дня через два начал опять принимать, несмотря на слабость.

В ночь на 24-ое октября батюшка так ослабел от переутомления, что едва не умер; его особоровали ночью же и приобщили Св. Таин. Приглашенный на другой день доктор нашел сильное переутомление на почве страшного малокровия, но утешил нас словами, что «у батюшки сердце как у молодого», предписал полный отдых в течение продолжительного времени и улучшение питания.

С этих пор батюшка не мог исповедовать такое количество народу и Шамординских сестёр передал духовнику. А братьев ещё с полгода продолжал исповедовать сам. Но в апреле 1906 года Батюшка заболел вторично сильною инфлуенцией и с падением температуры на 9-й день болезни так ослабел, что сделано было распоряжение пускать прощаться братьев и всех желавших. Приехавший вечером Козельский доктор велел прекратить прощание, сказав, что Батюшка, хотя и очень слаб,

но сердце у него хорошее и, если представиться ему полный покой и начнётся подкрепление пищей (которую батюшка не вкушал в течение 8 дней), то есть ещё надежда на выздоровление.

Прощание прекратили, хибарку заперли, и батюшка начал, хотя и медленно, выздоравливать. Только через месяц, 28-го мая, батюшка первый раз вышел к народу на благословение в хибарку. Никогда не забыть этого радостного выхода! Когда батюшка, исхудалый, но веселенький, озарённый своей чудной улыбкой, показался в дверях, опираясь на палочку, все мы одновременно ясно поняли, что он поистине воскрес из мёртвых, и каким благодарным чувством к Господу переполнились сердца присутствующих при виде этой явной милости Божией.

И ещё раз Господь помиловал нас, ещё раз сохранил дорогую всем жизнь Старца. Это было в феврале 1909 года, когда Батюшку постигла третья опасная болезнь, настолько серьёзная и мучительная, что выписан был из Москвы доктор. И на этот раз Московский доктор удивлялся хорошему состоянию батюшкиного сердца в такие преклонные лета. Батюшка мне после сам говорил, что это от того, что он смолоду никогда не пил вина и не принимал никаких лекарств, кроме гомеопатии.

После каждой из этих тяжёлых болезней Батюшка говорил: «Вот — совсем должен был умереть, да вымолили»!

Настал 1911 год... Везде жизнь шла своим

чередом. Старец был слаб, чувствовал недомогание, но не оставлял своего подвига. В феврале месяце в Шамординской Пустыни случилось событие, сильно отразившееся на его здоровье. Скончалась неожиданно настоятельница этой обители игуменья Екатерина. Чрезвычайно умная и развитая, обладавшая высотой и благородством характера, она отличалась истинным монашеством. Преданная и близкая ученица старца Амвросия, она с тою же полнотою веры относилась и к его преемнику, и старец Иосиф был вполне покоен за обитель, зная, что она находится в верных и хороших руках, и потому её кончина была для старца большим огорчением. Кроме того, сразу усилился приток дел, вопросов, забот, и измождённый старец слёг. В половине Великого поста он окреп настолько, что мог опять принимать. И всю Страстную неделю был особенно бодр и энергичен. Замечая его необыкновенно радостное настроение, окружающие невольно приходили к мысли, что ему было какое-нибудь благодатное видение.

Первые два дня Пасхи старец принимал всю братию и приезжих, был оживлённый, бодрый и чувствовал себя хорошо. На второй день праздника в скиту всегда бывает парадная служба, которую совершает настоятель монастыря. После литургии все служащие приходят поздравлять старца и поют ему многолетие. Старец обыкновенно просит провозгласить и вечную память старцу Амвросию. В этот раз иеродиакон по ошибке помянул вместо «старцу Амвросию — старцу Иосифу».

На третий день, 11 апреля с ним сделался жар и тошнота, и приём был прекращён. Со старцем часто случались такие заболевания, и поэтому особенного значения этому никто не придавал. Но когда затем в последующие дни болезнь не уступала, а напротив усиливалась, то тревога охватила всех.

«А что, если эта болезнь к смерти, и ошибка иеродиакона оказалась пророческой», — думалось многим. Между тем температура поднималась, слабость увеличивалась, и положение слабого и изнурённого старца становилось опасным. Он лежал почти без движения с закрытыми глазами, только губы его непрерывно шептали молитву; а разные вопросы, с которыми обращались к нему келейники, как бы возвращали его к земле из другого мира.

Иноки, преданные и любящие своего старца, то и дело приходили навестить и посмотреть на отходящего авву. С грустью и тяжёлым сердцем подходили они к нему, принимали благословение, предавали свои скорбные чувства. И кроткий старец с тою же любовью, с тою же ангельской улыбкой смотрел на них и тихим, едва слышным голосом, отвечал на их вопросы, стараясь последним лучом приветия озарить их скорбные души. И многие из них не выдерживали и отходили с рыданиями. Перед их взором вставал образ этого смиренного, кроткого, праведного старца, который столько лет носил их немощи, наставлял, ободрял и согревал своей любовью. Они чувствовали теперь своё духовное сиротство; они сознавали, что навсегда

лишаются духовного, опытного и незаблудного руководителя: перед их глазами угасал светильник, на которого они взирали, как на светлый маяк среди бушующего моря житейского.

Болезнь не уступала, и на Фоминой неделе о. архимандрит Ксенофонт настоял, чтобы пригласить врача. По определению доктора у старца была острая малярия; при слабости сердца видов на выздоровление, по его мнению, не было никаких. Понятно, что это определение подорвало последние нити надежды, и повсюду разнеслась печальная весть, что батюшка о. Иосиф при смерти.

Всюду, куда эта весть, донеслась, раздалось молебное пение к Врачу Небесному и Заступнице Усердной об исцелении болящего. Особенно жаркие, слёзные молитвы понеслись из женских обителей; о Шамординской же Пустыни и говорить нечего, — там давно уже чувствовали надвигающуюся опасность; а теперь мрачнее ночи ходили сёстры.

20 апреля в келью старца, по желанию скитоначальника и братии, была принесена скитская чудотворная икона Знамения Пресвятыя Богородицы, и отслужен молебен. Затем в тот же день из монастыря приносили Казанскую икону Божией Матери и рясу преподобного Серафима. Во время молебна старец тихо молился, и, несмотря на продолжительность двух молебнов сряду, он не чувствовал утомления; напротив, как бы оживился и повеселел. Так, молитва с ранней юности и до конца его многотрудной жизни была для него лучшим подкреплением и утешением. Молились и

все находившиеся в хибарке, но в глубине души все сознавали, что драгоценная для всех жизнь должна угаснуть.

Через два дня старец пожелал проститься со скитской братией. После них приходило братство монастырское. Настоятель, глубоко чтивший старца, ежедневно навещал его. «Плохо», — сказал, глядя на него умирающий. «Нет, батюшка, поживите ещё, — вы так нам ещё нужны», — ответил взволнованный настоятель. «Да, будет воля Божия», — произнёс смиренный старец. «Умираю», — говорил он близким по духу инокам. Так он ясно видел приближение исхода из сей жизни и готовился к этому часу спокойно, радостно, весь погруженный в молитву и созерцание.

Когда всё братство простилось со старцем, тогда он благословил придти проститься и Шамординским сёстрам. С первым рассветом, партиями человек по 50, поспешно шли они в Оптину, чтобы поклониться дорогому батюшке, получив последнее благословение и испросить прощение. Дождавшись своей очереди, они, не заходя на гостиницу, спешили обратно, чтобы дать место другим. Итак в продолжении нескольких дней между Шамординым и Оптиной тянулись непрерывной вереницей плачущие сёстры. Круглыми сиротами оставались они теперь — у них и дома не было матери; а их любящий попечительный отец навсегда уходит от них. Для Шамординской обители теперь наступала совсем новая жизнь. С самого своего основания, как малое дитя, беззаботно покоилась она на могучих

руках оптинских старцев. Ни одна настоятельница, ни одна сестра не обходились без старца. Скорбь и радость, смущение и искушение — всё несли к нему. Слово старца в обители было свято. Если кому чего не хотелось, достаточно было сказать, что «так благословил старец» — и всё принималось с верою; все знали по опыту, что благословение и решение старца нарушать очень опасно. Даже самый непокойный элемент в обители безмолвно покорялся, — никто не решался, да и не мог идти против силы смирения старца Иосифа... И вот теперь круглое сиротство!... Всё, что было дорого насельницам этой обители, чем они жили духовно, что их оживляло, — всё ушло от них, — и теперь новая могила готовилась скрыть последнее их сокровище... Горняя мудрствуйте, а не земная, ибо житие ваше на небесах есть — вот что можно было только сказать в утешение сиротеющим сёстрам!

Трогательная была и любовь умирающего старца к Шамординским сёстрам. Истомленный болезнью и непрерывным приёмом, на предложение окружающих прекратить доступ к нему сестёр, которые всё прибывали, старец отвечал: «Пусть все идут; я всех благословлю, Бог поможет; а то много останется плачущих». Случалось, что келейники с целью дать больному небольшую передышку, задерживали сестёр на несколько минут в приёмной; тогда старец открывал глаза и спрашивал: «Разве Шамординские все? Нет ли ещё кого, — позовите их». И целыми днями подходили сёстры, едва сдерживая рыдания. С любовью смотрел на своих

сирот старец, изнемогающей рукой благословлял каждую, давая иконочку. Иногда губы его шептали: «Бог благословит» или «Бог простит». Желая хоть чем-нибудь утешить их на прощанье, он, несмотря на свою крайнюю слабость, позволил шамординским фотографкам снять с себя портрет, и пытался устроится получше, чтобы было виднее его лицо.

Когда все Шамординские сёстры перебывали, тогда старец велел написать в Белевский женский монастырь, что он очень плох. Игуменья отпускала всех желавших, и по белевской дороге потянулась такая же вереница сестёр. Белевская Крестовоздвиженская обитель издавна была привержена к оптинским старцам, начиная со старца Леонида. Последующие старцы преемственно принимали в своё отеческое попечение и Белевскую обитель, которая отличалась неизменной преданностью, любовью и послушанием к старцу. Поэтому много слёз было пролито и этими присными ученицами отходящего старца, который и им посылал ласковым взором свой прощальный привет.

К этому времени стали съезжаться в Оптину и из других обителей, а также многие из мирских духовных детей о. Иосифа. Так старец сам распорядился телеграфировать шамординской благотворительнице А. Я. Поповой, чтобы она приехала. Через несколько дней старец стал её провожать обратно. Ей хотелось остаться ещё около старца, но он настойчиво отправил её в субботу, вопреки своему правилу никого не отпускать под

праздники. Возвратясь в Москву, госпожа Попова вдруг почувствовала боль в глазу. У неё внезапно подступила желтая вода, и необходима была немедленная операция. Если бы она осталась ещё день в Оптиной, то глаз её был бы бесповоротно потерян.

Племянник старца, искренно его любивший и почитавший, пробыв несколько дней, собрался уезжать, так как требовали его дела. «Можно ли ещё мне приехать к вам, батюшка?» — спросил он. «Можно, только в мае», — ответил старец.

Те, которые не могли приехать сами, письменно прощались с ним и испрашивали прощения и разрешения.

Когда все свои и приезжие были удовлетворены, то старец успокоился, и видимо стал отрешаться от всего земного. Он был постоянно погружен в молитву; однажды ночью старец, лежавший без движения, вдруг приподнялся и несколько раз повторил: «Мать София! Нужно помолиться за мать Софию». На следующий же день в Шамордине на могиле 1-й настоятельницы схимонахини Софии была отслужена панихида, и после этого старцу сделалось как бы лучше. Но затем через несколько дней умирающему пришлось перенести последнее, тяжелое испытание. Оно, будучи той каплей, которая переполнила его чашу скорбей земных, послужила к окончательному очищению свойственной человеческому естеству греховности, и его душа была совсем уже готова предстать пред лицом Праведного Судьи, страшного для злых

и вожделенного для чистых и смиренных рабов Божиих.

С 28 числа старец Иосиф совсем перестал принимать пищу, питаясь только небесным хлебом Тела и Крови Христовых. Всё время, до самой кончины, он находился в полном и ясном сознании, и даже поражал всех своей памятью и вниманием ко всему, что было нужно ещё сделать и в чём распорядиться. Он давал самые ясные ответы на деловые вопросы, диктовал ответы на полученные письма и даже за два дня до кончины собственноручно их подписывал. Ежедневно к нему впускали на благословение всех, кто вновь прибывал и некоторых близких и преданных старцу лиц. Старец большею частью лежал с закрытыми глазами, и многие думали, что он без сознания, выражали шепотом своё сожаление, что не получили его благословения. Тогда старец открывал свои потухающие глаза и приподнимал слабеющую руку для благословения. Эта любовь, эта чуткость его души трогала и умиляла до слёз. Одна его духовная дочь, глядя на умирающего, мысленно исповедала грехи свои и закончила про себя: «Родной отец! Если ты слышишь, то взгляни на меня». В эту минуту старец мгновенно открыл глаза, поднял их кверху и опустил...

За несколько дней до кончины старец стал сильно стонать и на вопрос, что у него болит, отвечал: «Вот странно, ничего у меня не болит, а слабею».

Силы его падали, и когда нужно было освежить воздухом его спальню, то келейники уже переносили

его на руках в приёмную. Ещё раз приезжал доктор и, подтвердив своё первое определение, выразил удивление, что старец так долго борется с недугом.

8-го мая ему с утра стало как бы легче, но среди дня он вдруг ослабел. Часа в четыре к нему зашел случайно приехавший московский доктор и сказал, что пульс падает, и жизни хватит самое большее на два дня. Увидя приготовленный фотографический аппарат и узнав, что батюшка разрешил Шамординским сёстрам ещё раз снять себя, доктор тихо сказал келейнику: «Не утруждайте старца этим, ему недолго осталось жить». Но по уходе доктора, старец подозвал келейника и еле слышным шепотом проговорил: «Позови скорее фотографку, а то ведь скоро стемнеет». В этом обстоятельстве сказалась вся глубина его любви, которая отдавала себя в жертву людям до самого последнего издыхания.

После это все вошли получить благословение. Старец ласково на всех взглянул и тихо сказал: «Идите ко всенощной».

Ночь на 9-е была тревожная. Батюшка не спал, и только к утру забылся. В 8 часов пришел иеромонах с св. Дарами. Больной долго не мог откашляться от душившей его мокроты. Его спросили, может ли он приобщиться; он ответил: «Могу», — и причастился одной Крови Христовой. После причастия ему предложили выпить чаю, на что он сказал: «Какой уже теперь чай», — и вслед за этим прибавил: «Помолитесь, чтобы Господь с миром принял мою душу». На это преданный и любивший его келейник сказал: «Батюшка, что же это вы сказали, — мы не

можем молиться о вашей смерти, мы все желаем, чтобы вы пожили; и будем молиться, чтобы Господь облегчил ваши страдания». Батюшка, помолчав немного, произнёс: «Ну, да будет как Богу угодно».

С трёх часов дня температура стала быстро подниматься и пульс усилился. Это была последняя вспышка угасающей жизни. В 4 часа батюшка собрал всех в последний раз на благословение, а в 6 часов всех впустили прослушать исходный канон. Старец был в полном сознании; на грудь ему положили пелену с св. мощами. После чтения отходной, окружавшие старца иноки подходили прощаться, после них подошли монахини и все близкие духовные дети. Старец лежал с закрытыми глазами; в груди слышалось хрипение. С этой минуты из женской половины всех удалили, и хибарку заперли до утра.

С невыразимой болью в сердце покинули навсегда дорогую хибарку преданные ученицы старца и, не имея возможности видеть его последние минуты, они остались у входа в лесу ожидать конца.

Между тем у старца жар всё усиливался, доходя до 39,5, пульс — 130. В 10-м часу температура стала быстро падать. Старец лежал навзничь, со сложенными на груди руками; глаза были закрыты, лицо было озарено таким неземным светом, что все присутствовавшие были поражены; — мир и глубокое спокойствие запечатлелись на нём. Дыханье становилось все реже, губы чуть заметно шевелились, что свидетельствовало, что присный делатель молитвы окончит её только тогда, когда

дыхание смерти заключит его уста. В 10:45 старец испустил последний вздох, и его чистая праведная душа тихо отделилась от многотрудного тела и воспарила в небесные обители; та же ангельская улыбка озарила и застыла на его благолепном лице...

Так скончался приснопамятный старец Оптиной Пустыни иеросхимонах Иосиф, преемник великих старцев: Льва, Макария и Амвросия.

В 2 часа ночи колокол возвестил (сначала в скиту, а затем и в монастыре), что старца не стало. «Батюшка Иосиф скончался», — отозвалось в сердцах у всех, путь странствия своего он совершил; путь терний, которыми была устлана вся жизнь его и особенно последние её годы, был пройден; время испытаний и искушений для него миновало, и плен, в котором томился великий дух его, разрушился. Путь креста окончен, и настало время воздаяния, когда вся правда его жизни возсияет светлее солнца... Дух его взыде к Богу, Иже и даде его (Еккл. 12,7).

Тотчас были отслужены две панихиды, после чего Батюшку опрытали, облачили в схиму, на которой Батюшка и скончался. До самого утра служились панихиды. Первая панихида была совершена скитона начальником о. игуменом Варсонофием, затем служили по очереди все скитские и монастырские иеромонахи. В эту ночь некоторые из иноков, не зная ещё, что старец уже скончался, видели его во сне светлым, сияющим и радостным. В последующие дни также многим он являлся и на вопрос: «Как же, батюшка, — ведь вы умерли?» — он отвечал: «Нет, я не умер, а, напротив, я теперь совсем здоров».

В 6 часов утра тело почившего старца было положено в простой монашеский, обитый чёрной материей гроб и вынесено в скитский храм. В последний раз он уходил из своей хибарки, в которой прожил ровно пятьдесят лет. Здесь прошла вся жизнь его: здесь он возродился духом и получил духовное крещение от великого старца Амвросия; здесь он прошел путь борьбы с искушениями и страстями, здесь он возрос духовно и достиг в мужа совершенна.

В 11 часов, когда в монастыре отошла поздняя обедня, в скит направился крестный ход и вся братия с о. Настоятелем во главе. Через св. ворота прошёл он в скитский храм, где у гроба почившего была совершена соборная торжественная панихида, перед началом которой о. архимандритом было сделано распоряжение о допущении в скит всех монашествующих женского пола. По окончании панихиды, гроб был вынесен руками преданных учеников из храма, и шествие направилось при пении «Святой Боже» и колокольном звоне, в предшествии хоругвей и святых икон и сонма священнослужителей обратно в монастырь. Густой оптинский бор шумел, как бы по-своему отдавая ему свой прощальный привет.

Гроб был временно поставлен в храме святой Марии Египетской, и по совершении соборной литии началось непрерывное служение панихид. Одна панихида кончалась, как из алтаря выходил уже другой служащий. Стечение народа было громадное. Приезжали архимандриты, игумены,

иеромонахи из соседних обителей, множество белого духовенства; все спешили воздать дань уважения и помолиться об упокоении светлой души чтимого старца, старшие монахини Шамординской, Белевской и разных других, даже очень далёких обителей, съезжались в Оптину; туда же спешили и миряне, оставляя свои дела. Всех привлёк к себе в последний раз этот гроб, в котором едва заметное лежало сухое изможденное, почти детское тело того, чей сильный дух оживлял и спасал столько душ.

12 мая совершалось торжественное погребение почившего старца иеросхимонаха Иосифа. Заупокойную литургию и погребение совершал настоятель архимандрит Ксенофонт.

Во время запричастного стиха, благочинным обители о. Феодотом, верным и преданнейшим учеником старца, было произнесено надгробное слово. Слово это так верно выражало общие чувства, так просто, но тепло рисовало образ почившего, что слушать его без слёз было невозможно; плакал и сам проповедник.

Наконец, наступила минута прощанья и затем разлуки. Рука почившего была тёплая и мягкая, как у живого. По окончании отпевания гроб с крестным ходом понесли к месту вечного упокоения. Путь от храма до могилы был устлан зеленью и цветами. Солнце яркими лучами заливало монастырскую площадь, сплошь покрытую народом, и играло на золотой парче, — приношении Шамординской обители, — на облачениях, иконах и крестах. Большой оптинский колокол издавал грустные, мелодичные

звуки, — редкие удары с печальным перебором маленьких колоколов как бы свидетельствовали об общей скорби. На могиле, приготовленной в ногах старца Амвросия, была совершенна последняя лития, и гроб опустили в склеп. Все служащие, иноки и инокини бросили горсть земли, отдавая последнюю дань почившему; а в это время колокол уже гудел, напоминая о вечной радости, о вечном блаженстве!

Гостям была предложена поминальная трапеза. Между тем над свежей могилой уже возвышался могильный холмик, водружен был крест, внутри которого засветилась неугасимая лампада, напоминающая собою тот свет и тепло, которые распространял вокруг себя великий Старец.

Несмотря на горесть разлуки с духовным отцом, многие присутствовавшие говорили, что белые ризы служащих, чудная солнечная погода, пасхальные песнопения придавали погребению что-то «радостно-торжественное», напоминая скорее прославление во святых. Это общее настроение лучше всего выразил духовный сын Старца в своих воспоминаниях, которые были изданы в том же 1911 году «Синодальной типографией»: «Не знаю, которая из служб была торжественнее и благолепнее, но все они в общем напоминали скорее «открытие» мощей, чем «заккрытие» на веки нашего дорогого батюшки от любящего взора духовных чад его. Многие, отходя от гроба, вслух выражали это своё впечатление. В толпе несколько раз пришлось услышать умильные слова: «святые мощи!»

Для меня это было истинным утешением, даже как-то радостно было стоять у гроба Батюшки под звуки возносимых за его душу молитв. Певчие всё время чередовались, то наши монахи, то скитские, то Шамординские, то Белевские сёстры. К Батюшкиному телу всё время прикладывали крестики, иконы, поясы, чётки; в день погребения, когда Батюшка был уже перенесён в собор, гроб Батюшки был буквально заложен этими вещами, которые с великою верою и благоговением разбирались владельцами. Глубоко тронул меня нищий мальчик, приложивший к Батюшкиной ручке медный крестик на розовой бумажной тесёмочке, а потом с благоговением и крестным знаменiem поцеловавший Батюшкину ручку. Все эти дни по просьбе монахинь и почитателей Батюшки иеромонахи поднимали наглазник и открывали Батюшкино личико. Батюшка был как живой, так хорош, светел, покоен, только очень, очень худ. 11-го мая, на третий день после кончины, когда обычно усопших предают земле, я и некоторые другие заметили, что личико батюшки с утра сделалось темнее, но 12-го мая опять посветлело и стало ещё лучше прежнего. Все четыре дня от Батюшкиного тела не ощущалось ни малейшего запаха, и небольшой признак тления показался только перед погребением на ручке, в том месте, к которому прикасались, когда мы прикладывались нашими грешными устами, и то в размере трёхкопеечной медной монеты, выше же этого места, под схиною, ручка была совершенно

беленькая. Замечательно, что ручка была мягкая и тёплая, гораздо теплее, чем в болезни, а иеромонах о.Д., подкладывавший под головку Батюшки вторую подушку, чтоб личико было повыше, говорил, что и всё тело батюшкино мягкое, не заоченелое, как у обыкновенных покойников.

Старец о.Леонид перед кончиною многим говорил: «Если получу милость Божию, тело моё согреется и будет тёплое». А Батюшка о. Амвросий сказал: «Когда я умру, то за прославление на земле, тело моё протухнет». И действительно, от тела батюшки Амвросия во время погребения, исходил запах тления. Приведённые выше слова о причинах нетления были сказаны великими светилами Оптинского старчества, избранными Самим Богом в посредники между Им и грешным людом. Говорили они одну истину, и недоверие к их словам было бы погрешительно. Как же после этих слов не допустить уверенности в том, что Батюшка о. Иосиф, будучи непричастен к земной славе, по смерти получил сугубое прославление: на небе и на земле?! На небе прославилась приятием «венца доброты от руки Господней» чистейшая душа его, а на земле — нетлением и источением милостей на прибегающих к нему прославилось его многотрудное подвижническое тело, так много претерпевшее на земле.

При гробе Старца произошло несколько чудесных случаев. Об одном из них, как достоверном, упоминаю: одна крестьянская женщина, страдавшая некоторое время от какой-то непонятной

болезни, на лечение которой она много потратилась, не получив пользы, как только приложилась к батюшкиной ручке, так начала кричать и биться. После погребения Батюшки она с двумя товарками проходила мимо Батюшкиной могилки к о. Анатолию, и я сам видел, как приближаясь к могиле, она вдруг стала упираться и тихо выкрикивать: «Не пойду! Я боюсь его, боюсь!» Товарки взяли её под руки и пробовали свести с места, но она всё упиралась; тогда они подтащили её с трудом к могилке и повалили на свежий холмик. Женщина сразу притихла и, полежав немного, встала, крестясь. Помолившись на могилке, она спокойно пошла дальше. Вечером я опять видел, как она совсем спокойно одна подошла к могилке, молилась и вслух благодарила Батюшку, а после, обернувшись ко мне и бывшим тут же двум монахиням, рассказала про своё прежнее странное недомогание и тоску, закончив своё повествование словами: «А Батюшка-то мою болезнь и обнаружил».

Ещё два случая произошли от поясков, которые с гроба Батюшки были привезены в день же его погребения двум больным, и обе получили большое облегчение в своих страданиях, как только надели их на себя.

Даром исцеления Господь прославил батюшку ещё при жизни его. Сколько случаев было, что от прикосновения Батюшкиной ручки к больному месту или осенения его Батюшкою крестным знамением, а часто и от одного его слова: «Помози, Господи!» — утихали головные и зубные боли и

другие недуги человеческие. А о помыслах и других греховных состояниях души и говорить нечего! Стоило только обуреваемому ими предстать пред Батюшкою, почувствовать на себе его пристальный кроткий взгляд, или ласковый удар ручки по голове, как всё бушующее в душе исчезало сразу, и переполнялась она таким миром, такую радостью, что только удивляешься, откуда мог набежать и куда деваться томивший её перед тем греховный гнёт...

Батюшка был точным исполнителем закона Христова. Слова Спасителя: «Научитися от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» — так и напрашиваются эпиграфом ко всей Батюшкиной жизни. Поэтому не погрешу, мне думается, если закончу Свои убогие о нём строки словами: «Приидите к нему, на его святую могилку все труждающиеся и обременённые, воздохните ко Господу о упокоении праведной души его, поведайте ему, как живому, ваши скорби и поистине обратите покой душам вашим, тот покой и мир, который при жизни его так обильно изливался на всякого, с верою приходившего к нему».

Без смирения никто не увидит Царства Небесного. Все святые считали себя хуже всех, а мы, великие грешники, мним себя всех лучше... Господи, ими же веши судьбами смири безумие и гордыню нашу и спаси нас!

*Преподобный Иосиф,
Старец Оптинский*

ЛЕЧЕБНИЦА ДУХОВНАЯ

(ответы на вопросы)

Об исповеди и покаянии

Если каешься в грехах с тем, чтобы на будущее время в них не согрешать, то таковое покаяние истинное, и в них Бог простит и аз прощаю и разрешаю. Если бы ты хотя немного могла понять, какую величайшую пользу душе приносят несправедливости и вообще скорби, то ты поистине радовалась бы, а не печалилась и не роптала бы. Покайся искренно в малодушии, нетерпении, ропоте на несправедливый поступок матушки Игуменьи, проси у Господа терпение, считай себя достойно наказываемою за грехи, благодари Господа и молись за игуменью, чтобы Господь её спас и помиловал. Если ты всё это потрудишься исполнять, то утерянная душевная польза ропотом — снова тебе будет возвращена. Посмотри заповеди блаженства, и ты увидишь, на какой высоте расположено блаженное благодушие в терпениях скорбей и поношений. Св. Пимен Великий ставит на одной высоте благодарное терпение с истинным подвижничеством и послушанием в чистой совести. Терпение всего и благодарение за это Господа выше милостыни и милосердия. Мир ти.

Мира душевного и спасения тебе желаю. Пишешь, что требуют от тебя слез на исповеди. Но это немного странно. Слезы бывают не когда нам хочется, а когда даст их Господь. Непременно надо идти на исповедь с сознанием своих грехов, с чувством покаяния в них и сокрушения о них. Так и исповедоваться надо. А нудить себя, чтобы заплакать, даже и не следует. Если сами пойдут слезы, то плачь. Если в другой раз духовник будет говорить, чтобы ты плакала, то скажи ему, что не имеешь слез, и сердце жестоко; и попроси его, чтобы он помолился о даровании тебе слез. Может быть, по его молитвам и пойдут. Смиряться надо и укорять себя, и терпения у Бога просить.

В словах самохваления и самооправдания всегда кроется непокорность и гордость, чего отвращается Бог. По согрешении немедленно надо «бежать», скажешь: куда же? К тихому пристанищу сердечного покаяния. Каждый вечер перед сном выскажи Богу Сердцеведцу все свои погрешности, соделанные в деле, слове, в помыслах, и верь, что Бог принимает твоё сердечное покаяние. При этом старайся сокрушать свое сердце памятью внезапной смерти.

Вот как случилось у нас. Один иеромонах умер на праздник Рождества Христова. Все служащие, т.е. иеродиаконы и иеромонахи в 2 часа дня ходили поздравлять о. Архимандрита: пили чай, и прочее утешение праздничное. Затем были все у нас в скиту. Тоже угощение. Ушли из скита в 3.30, а в 4

часа уже не стало одного иеромонаха. Никак нельзя было подумать, что он через час умрет. Паралич пал на сердце, и омертвело. Он, конечно, милости Божией не лишится, ибо ездил за послушание в село служить, значит, приобщился Св. Таин в День Трехдневной Пасхи. Но живущим то назидательный, и даже выше, урок.

Так и ты говори себе: бедная Магдалина, а ну-ка, твою душу поимут в ночь сию; куда пойдешь???

В письме ты каешься, перечисляя свои грехи. Покаяние тогда истинно, когда после него все усиленно будешь стараться уже жить как должно, а без этого оно мало действительно, если каешься лишь бы проговорить о грехах, а жить по-старому. Понудь себя приходить в храм в числе первых и уходить в числе последних, не оставляй келейного правила — тогда за твоё усердие и милость Божия будет к тебе.

Когда видишь, что не исправляешься, а только прилагаешь грехи к грехам, то надо стараться приносить в них покаяние. Спешి открывать язвы душевные перед Господом и ищи разрешения и прощения. И если по прощении паки в то же впала, паки прибегай к покаянию, и так до конца. И Бог, видя твой труд, твоё покаяние — не оставит тебя без Своей помощи и милости. Если Он нам завещал прощать кающемуся брату семьдесят раз седмицею, то не больше ли Сам подаст нам прощение, когда мы прибегнем к Нему с покаянием. А что страсти не отступают, то сие по

смотрению Божию. Пишут Св. Отцы, что страсти и падения смиряют человека, приводят его в сокрушение сердечное и тем привлекают ему Божие милосердие. Конечно, надо всеми силами бегать и удаляться греха, ибо если мы будем сами по своему нерадению впадать в грехи, то заслужим только большее осуждение. А в случающихся невольно, или по нашей немощи, да будем очищаться покаянием. Избегай гордости, ибо она бывает причиной многих и лютых падений. Смиряться, укорять себя, считай себя последней и хуже всех, не осуждай никого, то и милость Божию получишь. С сестрой принуждай себя помириться, так нехорошо жить.

Каждый день утром говори себе: быть может, этот день — день последний моей жизни. Потерплю же я по любви ко Господу Иисусу Христу, хотя ныне какая бы ни была скорбь, и прощу каждому оскорбившему меня обиду, да вспомнит и меня многогрешную Господь и помилует, и спасет по неложному Своему обещанию (Еван. Лук., гл. 14, ст. 37). **Бог будет судить о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения.** В оный страшный День Суда Бог будет судить нас не о псалмах, не за оставление нами молитвы (или какого-либо правила), но за то, что не покалялись!

Велия бывает радость Ангелам на небеси о едином грешнике кающемся. Будем же молиться: **«Господи, помилуй. Господи, даруй ми смирение и кротость».** Или же: **«Ими же веси судьбами спаси меня, Господи!»** И Господь по милости Своей помилует и спасет нас

всех Своей благодатию (Римл., гл. 3, 23-24).

Каждый день и каждый час клади начало ко исправлению, и Бог милости, человеколюбия и щедрот подаст и нам руку Своей помощи, как св. Апостолу Петру, утопающему в волнах морских.

О молитве

Пишешь, что от лени и от усталости не исполняешь иногда молитвенного правила, и так засыпаешь и просыпаешь.

Должно лень от усталости отличать. Если устала и так заснула от бессилия, то укоряй себя больше пред Богом и кайся и смирайся. Если же ты не устала, а просто не хочется молиться, то это уже лень — тут должно понуждать себя к молитве, хотя бы она была и рассеянная. Молиться с самопонуждением состоит в нашей воле; а молиться с умилением зависит от Бога. Мы же должны молиться молитвою какою можем; а за самопонуждение Бог даст и умиление в своё время, когда Ему благоугодно будет.

Ещё пишешь, что во время молитвы некоторые слова особенно трогают, и ты повторяешь эти слова по несколько раз, и затем молишься своими молитвами или словами.

Такой способ моления не отрицается, а, напротив, Затворник Епископ Феофан поощряет к такой молитве.

Или так только плачешь, ничего не читая.

Все-таки должно плакать хоть с мыслью, что безмерно прогневала грехами Господа и боишься страшного наказания.

Рассеиваешься иногда при молитве Иисусовой.

Трудно, чтобы никогда не рассеиваться. Это свойственно только совершенным; а мы с тобой люди грешные. На языке, говоришь, молитва, а на уме Бог весть что; и потому, думаешь, не оставить ли в таком случае молитву. Нет, не оставляй. Лучше сухим хлебом питаться, нежели оставаться совсем без хлеба.

Когда начинаешь молиться, приводишь себе на память грехи и оплакиваешь их. Так и надо молиться. Затем иногда чувствуешь покой и радость, и думаешь, что это от врага. Но от врага если и бывает радость, то, по замечанию Святых Отцев, нестройная, не сообщающая душе мир и тишину. И не удивляйся тому, что Господь подает тебе в молитве мир и тишину; ибо не всегда бывает это по достоинству, а по неведомым судьбам Божиим. И потому, когда будешь ощущать такую радость и покой, считай себя всячески недостойною сего дара Божия, и всячески укоряй себя пред Господом, что по нерадению своему не можешь удержать в себе этот дар, а вскоре теряешь его.

Во время усердной молитвы желаешь, чтобы тебя видели, как ты молишься. Это бесы вселяют помыслы тщеславия. Хорошо, что на них не останавливаешься. И впредь их должно презирать.

Спрашиваешь насчёт молитвенных правил. Как тебе их назначать? Ведь ты больная. Назначь тебе

какое правило, пожалуй, не осилишь и будешь смущаться. По моему мнению, довольно с тебя того, если будешь неопустительно ходить ко всем церковным службам. Пожалуй, прибавь к сему еще келейное правило, т.е. пятисотницу. А как совершать это правило, спроси матушку Магдалину. А в какое время совершать, это как для тебя удобнее. Если трудно тебе будет класть великие поклоны, клади вместо них малые. А по болезни в случае нужды можно совершать это правило и без поклонов, даже и сидя и хоть и лежа. Проговаривай только молитвы со вниманием и усердием...

Иисусову молитву твори всегда, потому что призывание имени Господа помогало даже и язычникам. От рассеянности и празднословия воздерживайся трудом с молитвой Иисусовой, а от уныния спасайся плачем о грехах. Когда унываешь, говорит Апостол, — молись, а когда весела — то пой псалмы и песни духовные. Молюсь за тебя. Мир ти.

Письмо твоё получил и по содержанию его вижу, что ты добровольно предалась врагу нашего спасения. Если не будешь понуждать себя к молитве и искреннему смирению, то враг совершенно возобладает тобой. Понуждай себя проходить гласно и со вниманием при каждом ударе часов по 10 Иисусовых молитв, а потом прибавляй по усердию. В церкви тоже проходи четки хотя бы слегка шепотом, выбирай место более уединенное и

глаза по сторонам не води, а за борьбу с помыслами и сонливостью ты получишь мученические венцы, и чем тяжелее борьба, тем больше награда.

Милости Божией тебе желаю и душевного спасения. Письмо твоё получил. В описанных тобой согрешениях и упущениях да простит Господь и дарует тебе искреннее покаяние в грехах, усердие к исправлению и мир душевный. Унывать не надо, но больше смиряться и зазирать себя. Но надо и понуждаться. А по 10 часов спать, и без особой болезни — неприлично. Также и пятисотницу не велят оставлять, как бы занят ни был монах — это долг пред Богом. Не молясь же Богу ложиться — это по-мирскому. Но с покаянием приходящих Господь не отвергает, но милостиво приемлет, грехи прощает и в первом чине устрояет. Господь да помилует и простит. **Больше старайся смиряться. Смирение все недостатки покрывает и согрешения прощает.**

О терпении скорбей

Вы думаете, что за грехи Господь наказал Вас. Может быть и так, а может быть, к испытанию Вашей веры; а скорее всего — по той и другой причине. Впрочем, как бы то ни было, Ваше дело — в постигшем Вас временно наказании усматривать должно благодать Божию к Вам и любовь. Ибо Господь Премилосердный временными скорбями хочет избавить Вас от вечных ужаснейших мучений,

о которых подумать страшно. А потому взывайте ко Господу с праведным Иовом: «Буди Имя Господне благословенно от ныне и до века!».

Ты жалуешься на скорби. А у кого их нет? У каждого человека свои скорби; только для постороннего глаза они незаметны. При том скажу тебе в утешение, что **только через терпение скорбей и можно спасти свою душу**. Замечают Св. Отцы: если бы не было скорбей, не было бы и святых. И Господь дал нам такую заповедь: «В терпении вашем стяжите души ваши».

Господь да поможет тебе. Трудись по совести, молись Богу и проси терпения. Скорби — добрый знак — показывают, что на тесном пути стоим. Смиряться больше и себя укоряй.

Не смущайся своим нездоровьем и своими тесными обстоятельствами — таков путь иноческой жизни для всех желающих и ищущих душевного спасения. Святой Иоанн Лествичник говорит, что если монаха постигают скорби и болезни, то это — верный признак, что для него в этом состоит большая душевная польза. Поэтому невидимые враги наши чрез помыслы и стараются вытеснить такого человека с занимаемого им места. Но поддаваться им отнюдь не следует; а должно всё находящее терпеть, непременно призывая помощь

Божью и смиряясь пред Господом и людьми, т. е. считая себя хуже и грешнее всех на свете. Терпи, сестра, утешая себя тем, что за терпение скорбей уготовляется Господом вечная неизглаголанная радость. Иногда, при унынии духа, скажи себе поучение нашего старца отца Амвросия: **«Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, потерплю и я»**. Помни ещё, что — никто из людей без скорбей не наследовал жизнь вечную. Пусть люди упрекают тебя и обзывают так или иначе. Они сами не видят, что творят. Молись за них такою молитвою: **«Спаси, Господи, и помилуй рабынь Твоих (имена), и их ради св. молитв помилуй и меня грешную»**. Успокоительна такая молитва.

Пишешь, что скорби и скорби, и о том только и думаешь, что нет конца скорбям твоим. **А скорби ведут на небо: так устроено Богом для очищения грехов и недопущения до больших проступков, и для получения вечнорадостной блаженной жизни на небе. А ты обижаешься на Бога, что Он в Рай тебя как бы насильно тащит. А ты эти маловременные скорбишки часто-часто сравнивай с адскими огненными мучениями безконечными, которые ты заслужила грехами.**

Одумайся и скажи: **«Господи, благодарю Тебя за скорби. Мало мне, грешной, этих скорбей, пошли их больше мне, только избавь от адских вечных мучений и томлений безконечных»**.

Пишешь, что между сестрами есть неисправные. И матушке игуменьи писал я, и тебе пишу, что без этого обойтись нельзя, что и среди 12-ти Апостолов, окружавших Господа, оказался один изменник. И пословица старинная такая сложилась: «В семье не без урода». Везде требуется терпение; ибо, по слову Господа, «претерпевый до конца, той спасен будет». А если не будет скорбей — и нечего будет терпеть, то за что же нас спасать-то?

Ведь Царствие Небесное не дается лежащим на боку, а только трудящимся и скорби терпящим. За враждующих молиться должно так: **«Спаси, Господи, и помилуй рабов Твоих, сестёр (имена), и их ради святых молитв помилуй и меня грешную»**. Если так будешь молиться, покойнее будешь.

Скорбите ещё, что получили неприятность от матушки Вячеславы. Во-первых, должно сказать Вам, что неприятных случаев в жизни сей избежать невозможно. А во-вторых, опытные в жизни духовной говорят, что такие случаи даже могут приносить пользу душе. Именно: через неприятные случаи мы познаем, что мы нетерпеливы, а если нетерпеливы, значит, самолюбивы. А познание это должно расположить нас к самоукорению и покаянию, и молитвенно просить у Господа помилования. Без неприятных же случаев человек склонен к самомнению. Потому не смущайтесь, Матушка, такими случаями.

В заключение скажу Вам: не принимайте близко к сердцу случающиеся напасти, помня мудрую пословицу: «Бог не попустит — свинья не съест». Хоть и восстают на Вас недовольные монахини, но без попущения Божия ничего не могут Вам сделать. Оскорбления же с ихней стороны по необходимости должно потерпеть, ибо за грехи что-нибудь должно терпеть, если не здесь, то в будущей жизни. Только в будущей-то жизни скорби очень ужасны. От них да избавит нас Господь Своею благодатью и человеколюбием. От настоятельства не отказывайтесь.

Письмо твоё получил, в котором ты описываешь свои скорби. Это Божие определение. Он сказал: «В мире скорбны будете. Но дерзайте, Аз победих мир», т. е. терпите с упованием на помощь Божию, и скорби ваши преложатся в радость. Господь сказал: «В терпении вашем стяжите души ваши»; если терпеть не будем скорбей, а если и будем терпеть, да с ропотом, с гневом, с досадою, с раздражением, то что это за терпение? Это только укоренение в себе злобы, гнева, а от сего гордость. Ничего нет удивительного, что монах терпит скорби, которых мир не знает. Путь в Царство Небесное узкий и тернистый, по которому прошел Первым Сам Спаситель мира...

В него иного пути нет, как только узкий и прискорбный (на малое время). Так вот, радость моя, монах не на скорби и труды должен смотреть, а на

то, что следует за скорбями: там — неизглаголанная вечная радость, там — свет Трисолнечного Божества никогда-никогда не перестаёт веселить злотерпящих на юдоли земной.

Ты пишешь о своих скорбях... Да и у кого их нет? Только у того нету скорбей, кто уже на небе. А мы во юдоли плачевной, поэтому, пока мы облечены в брENNую плоть, нам естественно скорбеть и даже плакать о содеянных нами лютых согрешениях. И только плачем, и только молитвою, и только чистосердечным покаянием достигнем той блаженной страны, в которой находится теперь св. благоразумный разбойник... Между прочим, кто здесь только скорбел, болел и страдал, тот только будет удостоен вечной радости и покоя.

Описавши свои скорбные обстоятельства, Вы спрашиваете меня, грешного, не отказаться ли от начальства. Без сомнения, вы желаете оставить начальство, дабы избежать скорбей. Но куда же можно от них укрыться? И кто из людей живет без скорбей? Недаром земная наша жизнь названа юдолью плача. При перемене места, скорби только изменяться могут, но легче от сего быть не может; а, напротив, скорби могут усугубиться, как сказывали духовно опытные люди: побежишь от волка — попадёшь на медведя. И Господь наш Иисус Христос во Св. Евангелии нигде не заповедал своим последователям бегать скорбей, а всегда учил

терпению, говоря: в терпении вашем стяжите души ваша; и: претерпевый до конца, той спасен будет. И блаженными назвал терпящих поношения, гонения и всякие скорби. И все угодники Божии достигали вечной жизни скорбным путём. А потому и Вы, честнейшая матушка, если желаете увестись Христу в чертоге небесном, не отрицайтесь нести иго начальствования, возложенное на Вас Самим Господом; а лучше предайтесь в Его св. волю, ибо без воли Его ничего с нами не бывает. Вы жалуетесь на слабость здоровья; но сила Божия в немощи совершается.

О посте

Спрашиваете меня грешного, должны ли больные сёстры, по предписанию доктора, употреблять скоромную пищу. Какие сами пожелают, пусть употребляют с покаянием; а какие не пожелают, тех принуждать не следует; ибо мы на опыте видим, что не всегда скоромная пища приносит больным монахам пользу. Сами же Вы написали, что некоторых сестёр от скоромной пищи тошнит. Какой же будет в таком случае толк от принятия этой пищи? Должно питаться такою пищею, которую просит натура.

Пишете еще о себе, что и Вы нездоровы, и сёстры пристают к Вам, чтобы разрешили Великим постом на рыбу. Моё же мнение такое: придержитесь пока совета покойного нашего Батюшки о. Амвросия: «кушать картофельку с верой». Вместе с тем хорошо бы Вам сообщаться Св. Христовых Тайн почаще

этим постом, хоть бы каждую неделю. По болезни Вы можете поговеть только один день, напр. пяток, а в субботу приобщиться.

Покойный Батюшка о. Амвросий, как ни бывал болен, но не разрешал Великим постом на рыбу. Ещё пример: жил у нас в Оптиной на покое о. архимандрит Ювеналий (теперь Виленский архиепископ). Пришлось ему однажды встречать Великий пост больному. В недоумении он говорил: «Чем я теперь буду питаться?» И однако всё-таки не разрешил на рыбу.

Впрочем, прибавлю к сему: смотрите на свои телесные силы, — если ото дня на день будут ощутительно ослабевать, в таком случае можете несколько придержаться и докторского совета, с покаянием и самоукорением. В крайних случаях и Батюшка о. Амвросий имел обыкновение повторять народную поговорку: «Бей в решето, коли в сито не пошло».

Что Вы лишний раз в пост кушаете — это ничего. Ведь Вы не от прихоти так поступаете, а по нужде. Впрочем, все-таки укоряйте себя, кайтесь и смиряйтесь. И тут укорного ничего нет, что Вы по слабости ночью читаете молитву лёжа и чётки исполняете. Самоукорение же, покаяние и смирение и здесь не лишни.

Просите своей учительнице разрешение в Великий пост на рыбное. Разрешать на грех нельзя. Но если она чувствует слабость сил, то может для подкрепления употреблять что-либо

и сверх положенного с самоукорением, а после должна покаяться Господу пред духовным отцом и получить от него разрешение по чину Св. Церкви. Предостерегайте её, чтобы она умеряла свою ревность... А то ведь можно и заболеть.

Всегда уповай на Господа

Письмом немного порадовала и немного опечалила. Но видно, одна радость в будущем ожидает тех, кто поскорбел тут ради Христа. Что внешние постройки воздвигаются, то слава и благодарение Господу, да поможет Господь до конца довести все и возрадоваться делами рук своих.

Но что внутри неладно, очень печально. Молись Богу, проси у Него терпения и не унывай. Делай все ради Бога, не ради чего-нибудь временного, и Господь никогда не оставит тебя и труды не забудет. Потерпеть же всем надо, скорби у всех, без них и в покой не войдешь.

О Шамордине не след тебе думать, Господь ждёт от тебя трудов и подвигов для спасения многих, за это и награду готовит. А будет Ему угодно, и в Шамордине будешь. Молись и воле Его предавайся.

Будущее же наше в руках Божиих. И без искушений прожить век нельзя. Не то, так другое, не другое, так третье. Потому и Господь предостерегает: «будьте готовы». Впрочем, если всегда будете молитвенно прибегать ко Господу, с упованием на Его милость, то всегда будете обретать благовременную от Него

помощь... Не пренебрегай Откровением, как весьма важным врачевством от заразы греховной.

Приходящих к тебе за советом и утешением сестер не презирай. А сначала молитвенно воздохни ко Господу и скажи мысленно: «Господи, за молитвы пришедших ко мне сестер вразуми безумие мое сказать ей слово на пользу». И говори, что Бог положит тебе на сердце, при том укоряя себя в том, что людей учишь, а сама не исполняешь того, чему учишь, и молись в уме, чтобы не послужило это к твоему осуждению.

О попущении Божиим

Пишешь, что после приобщения хорошо чувствовала себя — то слава Богу, утешающему наше недостойнство. А что скоро прошло, — то и в этом отеческий Его Промысел о нас виден, ибо постоянное утешение расслабляет душу и приводит её к лени, а то и к большему вреду. Потому Господь и отнимает вскоре и даёт нам опять почувствовать немощь нашу и бессилие, и греховность. Надо больше смиряться, себя укорять, покаяние приносить в прегрешениях, и не желать утешений, а с терпением переносить попущения. И за тщеславие попускается сухость и охлаждение.

Правила богоугодной жизни

Царствие Божие нудится, и без понуждений его никто не получал. Надо сносить тяготы других, а для этого проси у Господа терпения.

Старайся избавиться от разных страстей, и когда сердце станет ко всем мирное, тогда всюду будет жить легко. Если напрасно гневаешься на кого, то по слову святого Апостола — человекоубийца. Нужно за обижающих нас, за тех, которые почему-либо не нравятся, — молиться по примеру Самого Спасителя. В церковь ко всякой службе спеши придти до начала и до конца не уходи, иначе не получишь в помощь Божией благодати и будешь всегда с окаменелым нечувствием сердца. Во время службы старайся ничего из читаемого и поемого не пропускать, иначе будешь рассеянна. Сама знаешь, что плохо, а что хорошо, а поэтому и старайся хорошего держаться, а от дурного уклоняться. Проси всегда помощи Божией, ибо сказано: «Без Меня не можете творити ниче́соже». Будешь удерживать чрево от пресыщения и услаждения, а также и тело от излишнего покоя, то Господь вскоре поможет тебе более работать для души, чем для тела. Сама за себя дашь ответ Господу, а потому смотри: слишком не угождай телу, иначе уготовишь ему вечный огонь.

Ты, наверно, забыла про вечный покой во Царствии Небесном, а тем покоем нескончаемо будут наслаждаться претерпевшие до конца, ибо туда только и можно войти многими скорбями. Или ты никогда себе на память не приводишь того, как жили и что терпели Спаситель, Божия Матерь и все Святые? Зачем же ты неразумно ропщешь и этим губишь свои венцы? Или ты не веришь в будущую жизнь? Не смотри, как живёт богатый, а лучше

подражай бедному Лазарю — и будет после смерти Ангелами отнесена твоя душа на лоно Авраамово.

Пишешь, что любишь 7-ю неделю не меньше Светлой, то это так и должно быть, ибо в ней воспоминаются спасительные страдания Господа ради нашего спасения. Об душе думать всегда полезно, не лишнее и на Пасхе. А что радости нет совершенной, то, видно, еще грешки препятствуют быть ей. Надо укорять себя и смиряться больше, считая себя недостойной радости. **А смирение дороже всех прочих добродетелей, и самой радости духовной.**

Твоё письмо получил и молюсь, чтобы Господь просветил твой ум. Не ищи своего пути к Царствию Небесному, а иди тем узким, по которому тебя ведёт Господь. Получше разберика свою жизнь и сличи с той жизнью, которую ты обязана по обету монашества проходить, — то ты непременно увидишь, что ты живёшь не в скорбях, а в прохладе. Одно безропотное терпение спасёт нас слабых, а если и это последнее средство отвергнем, то не спасение, а гибель наследуем. Будь усердной к молитве и послушаниям не ради какой корысти, а единственно ради Бога, — тогда всё дастся тебе, что теперь ты никак не можешь, а тогда всё это само придёт к тебе.

Призывая мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием.

Многогрешный Иосиф

Пишешь, что наскучила жизнь земная тебе. А ты забыла, что в загробной жизни грешных людей ждёт? Ведь там в миллион раз трудней и скорбней, чем на земле, а в рай Божий кое-как живущих тут — не впустят. Поэтому нужно заслужить прежде покаянием и слезами оставление грехов и просить Бога, чтобы дал помилование на Страшном Судищи Своем. Лучше, чтобы тут наказал, да там бы не отослал в муку вечную, заслуженную ежедневными грехами. Смиряться и исправляйся, считай себя — худшею всех на свете.

Если святые, достигшие бесстрастия, должны были иметь бдение над собою, чтобы не спастись из своего благодатного состояния, — то тем паче нам, грешным, необходимо повседневное внимание и забота о своём вечном спасении. То, что мы ещё живы, означает, что Господь терпит наши грехи и ожидает нашего исправления, а если кто законно потрудится о спасении, то того берёт Господь в то время, когда он становится достойным милости Божией. Ленивых же и нерадивых берёт смерть после того, как они перестанут подавать какую-либо надежду на свое спасение. Нам дана свобода выбирать вечную радость или горе; потщимся же избрать первое. Мир ти.

Многогрешный Иосиф

Об осуждении

Грех осуждения или какой ещё другой — против власти Богом поставленной — есть грех сугубый. Св. Ап. Павел в послании к Тимофею, как главе и начальнику многих духовных овец и их пастырей, советует ему не принимать обвинений на иереев, а значит, и вообще на старших, не иначе как при двух или троих свидетелях. А ты не начальник и, значит, тем паче не смеешь рассуждать о действиях своего непосредственного начальства. Начальница за свои грехи и грехи ей подвластных даст ответ, но если эти подвластные, вместо молитвы за свою мать к Богу о ниспослании ей силы и разума к продолжению столь трудного послушания, начнут ей противиться и осуждать её, то вся тяжесть грехов ляжет на них. Вспомни казнь Корея и Дафана и их сонмища, о чём упоминается и в псалмах святого пророка Давида. И теперь ждёт уже не развержение земли и не огонь небесный противников власти, а пропасть ада и его вечное пламя. Не к лицу монахам бунтовать, их добродетель и благородие состоит в смирении, молчании, кротости, покорности и терпении всех зол и бед до гроба. Удаляйся, ради Бога, ото всех тех, кои восстают на власть, хотя бы ты и своими глазами видела начальницу грешащую, но не осуди, а покрой молчанием, и Господь покроет множество твоих грехов. Мир ти. Послушай мой совет, даемый тебе по Бозе.

О скуке и унынии

Батюшка о. Амвросий при скуке говаривал так: «Скука унынию внука, а лени дочь, чтобы отогнать её прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись, скука пройдёт, и усердие прийдёт, а если к сему терпения и смирения прибавишь, тогда от всех бед и зол себя избавишь».

Попробуй применить к себе сей совет, и увидишь пользу. Ты грехи-то свои исповедуй не священнику, а Самому Господу, только без утайки, от всего сердца. Священник представляет посредника между тобой и Богом, а потому польза исповеди зависит от твоей чистосердечности. Если будешь исповедываться и у чудотворца, но лукаво, то и пользы не будет душе, и наоборот. Так грешно думать о священниках в таинстве покаяния. Не каждый священник может давать нужные советы монашествующим, и только, а исповедь твоя тут не причём. Ты описала свои грехи, а значит, и знаешь, что их не надо делать, а для этого проси у Господа помощи, смирайся, никого не суди, а только себя одну, храни от соблазна зрение и другие чувства, через которые в душу лезет всякий мусор. Понудишь себя, то с помощью Божией и исправишься, но покоя на земле не будет — он для всех святых на небе.

О лени

В своём письме написала ты, что берешь подвиги не по силам, а потом приходишь в отчаяние. Но какие же это непосильные подвиги? Не хочется

встать ночью — три поклона положить пред св. иконами? Это просто лень. Впрочем, и то ещё скажу: ведь тебя никто к этому не принуждает. А потому, проснувшись ночью, перекрестись с молитвою, укори себя за леность и опять засыпай. Хоть утреню-то не просыпай, и то хорошо. И смущаться тут не следует, что плохо живёшь; а вместо смущения укоряй себя за леность и кайся — ежедневно пред Богом, а в положенное время и пред духовным отцем. Удивляешься, как святые проводили ночи в молитве. То были святые, а мы с тобой люди грешные; а грешникам со святыми нельзя равняться. Рассеянн стоишь в церкви? Приучайся помаленьку не рассеиваться. Для сего старайся внимательно вслушиваться и вникать в смысл чтения и пения. Также чаще вспоминай о смерти, Суде Божиим и о вечных муках. И не давай свободы своим очам. Больше взглядывай на св. иконы, а на людей смотреть душевредно. Не можешь понести оскорбительного слова? В таком случае укоряй себя больше и смирайся, считая себя худшею всех людей.

О снисхождении к ближним и требовательности к себе

Старший Ваш священник смущает Вас, говоря, что должно всем говорить правду. А наш покойный Батюшка о. Амвросий учил так: держаться правды в отношении к самому себе, т. е. от себя истязывать всякую правду, свои дела, слова и помышления

судить как можно строже; а ближним стараться оказывать всякую милость, если только, конечно, можно это сделать без душевного вреда для них и их окружающих. Так он и истолковывал слова Св. Писания: «Вси путие Господни милость и истина», — как можно видеть в его жизнеописании.

О самоубийцах

По младенцам хотя и не читают Псалтирь, но если и читают, то противного тут ничего нет. По самоубийцам же правила Св. Церкви запрещают читать. Впрочем, тут должно смотреть на причины, почему совершилось самоубийство. Может быть, человек был не в здравом уме, или по младости не мог разуместь тяжести греха и подобное. Тогда можно бы сделать и снисхождение. А как Вы поступили, то эту Вашу осторожность, кажется, порицать нельзя.

О смиренномудрии

Спрашиваешь: как сделать, чтобы считать себя за ничто? Помыслы высокоумия приходят, и нельзя — чтобы они не приходили. Но должно им противоборствовать помыслами смиренномудрия. Как ты и делаешь, припоминая свои грехи и разные недостатки. Так и впредь поступай и помни всегда, что и вся наша земная жизнь должна проходить в борьбе со злом.

Кроме рассматривания своих недостатков, можешь ещё и так смиренномудрствовать: «Ничего доброго моего у меня нет, и никаких своих

преимуществ я не имею. Тело у меня не моё, оно сотворено Богом во чреве матернем. Душа дана мне от Господа. Потому и все способности душевные и телесные суть дары Божии. А моя собственность — только одни мои бесчисленные грехи, которыми я ежедневно прогневно и прогневно Милосердного Господа. Чем же мне после этого тщеславиться и гордиться? Грехами и нерадением?». И при таких размышлениях молитвенно проси помилования от Господа. **Во всех греховных поползновениях одно врачевство — искреннее покаяние и смирение.**

Претерпевший до конца спасется

Надобно стараться быть кроткой и смиренной, и тогда взятое иго Христово будет благо и бремя легко. Ухаживай за больным как за самим Христом, и за это ты получишь спасение и на земле будешь избавлена от тяжёлых страстей. Не бросай больную, а то Господь пошлёт другую — добрую, а ты лишишься уготованной тебе награды. Враг потому больше и нападает, что твоё послушание ему очень не по вкусу, а может быть, он, пронырливый, и заметил близкий конец и хочет лишить награды. Кто за мзду делает что, то за что же ещё ему будет награда? Кто охотно ради Христа делает туне, тот и получит от Него во сто крат больше и наследует жизнь вечную. За твой доброхотный труд тебе должен будет не человек, а Сам Бог. Приучись больше молчать, тогда грешить и осуждать не

будешь. Когда перестанешь роптать, усердней будешь ради Бога служить больным, то избавишься от своей болезни не только тела, но и души. Если же при твоём исправлении болезнь и не оставит тебя, то значит, это для того, чтобы за твоё терпение дать тебе венец в будущей жизни на бесконечное время. Потерпи. Пройдёт жизнь как сон. С верою без сомнений больные места мажь святым елеем, как я и прежде благословлял, и Господь даст облегчение по вере твоей.

О неприязни к ближнему

Жалуешься, что не можешь смотреть на сестру. Изгоняй этого беса из сердца твоего поклонами земными твоей сестре и проси её, чтобы она помолилась о тебе, чтобы ты была посмирней, поуважительней со своей сестрой, а если не будешь исполнять, как я тебе советую — то всегда ты будешь в смущении, потому что злой дух будет всегда тобой обладать, если не выгонишь ты его поклонами смиренными сестре твоей. Пожалей сама себя, смиряйся, и Бог даст, будешь покойна, а то ведь погибнешь.

Не отбивайся от Оптиной

Не отбивайся от Оптиной. Верую в то, что каждый, приходящий в Оптину Пустынь в крайней своей потребности найдёт удовлетворение милостью Божией и за молитвы великих наших отец — Льва, Макария, Амвросия... Они весьма многих и многих

воспитали духовно для Небесного Отечества. Не перестают и теперь духовно воспитывать и помогать — особенно тем, которые приходят в Оптину на поклонение их святым останкам.

За опущение и неисполнение молитвенных правил наложи на себя следующую эпитимию: никого не осуждай, всех прощай, и считай себя худшею всех на свете в душе своей. Вот этим все опущения и прегрешения наши могут быть прощены от Господа, и загладится множество грехов. Эта лёгкая эпитимия будет всем на пользу и без особых подвигов может ввести нас в Царствие Небесное.

Многогрешный Иосиф

УЗКИЙ ПУТЬ

(из писем преподобного Иосифа)

***«Вот я пою вас вином с водою,
а отец Иосиф будет поить вас
вином неразбавленным...»***

Преп. Авмросий Оптинский.

Письма оптинского старца Иосифа просто, ясно и в силе Духа изображают тот узкий путь, который заповедовал Спаситель всем, ищущим Царствия Небесного. В них каждый боголюбивый читатель сможет найти необходимое врачество для своей души.

Как бороться с помыслами, как проходить науку Иисусовой молитвы, как строить отношения с ближними, как спастись от грехов и соблазнов — сколько вопросов задавали в своих письмах старцу Иосифу духовные чада! Его ответы хранились ими как величайшая драгоценность, ведь в них действительно были наставления, необходимые для спасения души. Они ценны, актуальны не только для монашествующих, но и для мирян, часто лишенных какого бы то ни было духовного окормления.

Преподобный отче Иосифе, моли Бога о нас!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Матушка Магдалина! Милости Божией и душевного спасения тебе желаю. Поздравляю тебя с праздником Св. Пасхи и желаю мира душевного и богоугодной ревности о спасении души своей. Что долго не писала о себе, это не похвально. Особенно если чувствуешь разлечение, то и следовало бы написать. Старайся с леностью бороться и прогонять её, и понуждать себя на труды молитвенные. Помни, что понуждение себя непременно нужно для получения спасения. К утрени приучайся ходить и стоять всю. К 5 часам вставать не трудно, разве когда больна бываешь — ну тогда другое дело. Пятисотницу непременно надо справлять, за это Господь с монаха взыщет; а сто поклонов можно и не класть, разве только заповедь имеешь от духовного отца. На исповеди грехи не надо утаивать. Заочно и письменно грехи не разрешают: запрещено церковными правилами. Это и у о. Макария в письмах есть, а если пишут в письмах: «Бог простит», — то это лишь пожелание, а не разрешение...

Кому завидуешь, за того Богу молись. Пристрастия старайся ни к кому не иметь, но люби всех равно.

Господь да хранит тебя! Призывая на тебя мир и Божие благословение, остаюсь с желанием спасения.

Иеромонах Иосиф

Возлюбленная о Христе, Пелагия!

Мир тебе. Милость Божия буди со всеми вами. Письмецо твоё получил... Читая оное, порадовался духом за твоё познание своих немощей. Блажен человек, который познает немощь свою, потому что ведение сие делается для него основанием, корнем и началом всякой благостыни. Как скоро познает кто и, действительно, ощутит немощь свою; воздвигает душу свою из расслабления, омрачающего ведение, и запасается осторожностью. Но никто не может ощутить немощь свою, если не будет попущено на него хотя малого искушения тем, что утомляет или тело, или душу.

Удивляться трудам святых дело похвальное; ревновать им спасительно, а хотеть вдруг сделаться подражателями их жизни — есть дело безрассудное и невозможное.

И не должно ужасаться, если мы в начале иноческого подвига бываем боримы более, нежели когда жили в мире. Кто, хотя падает, но восстает, тем не владеет нерадение, но Бог приведёт его в устроение усердных делателей.

И знай, что всё это ко смирению нашему навел на нас Божий Промысел, который о каждом из нас промышляет и устрояет, что каждому полезно. Наконец, знай, что устроить — не твоё и не добродетели твоей дело, совершит же это благодать, которая носит тебя в дланях руки своей, чтобы ты не приходила в боязнь или отчаяние. Плачь и проливай слезы и подражай в молитве жене хананейской и

грешнице у ног Спасителя, вопий непрестанно и словами, и мысленно в сердце смиренно и громко: — «Помилуй мя, Господи, Сыне Давидов! Дщи моя зле беснуется»...

Иеромонах Иосиф

18 ноября 1892 г.

Матушка Иулия!

Письмо твоё скорбное получил, и лакомство райское. За усердие спаси Господи. Пишешь о своей болезни. Господь глубиною мудрости Своея человеколюбно всё строя всем полезное подаёт. Так и тебе, быть может, Господь зиждет спасение посредством этой болезни. А при болезни и скорбь необходима, вот и выходит-то, что у тебя жизнь теперь не вотще. Какие мы подвижники, где у нас духовные подвиги, как то: молитва всенощная, пост...? Посмотришь на себя, заглянешь в себя — ничего доброго не сыщешь ни в одном уголке, так что для всяких гадов: страстей, самолюбия, тщеславия, самомнения... места много в нашем сердце. И вот Он, Милостивый Серцеведец, не видит в нас крепкого произволения к добру, но всё слабое и малодушное. А не хочет гибели Своему созданию, хотя и грешному. Посылает болезни и скорби, и тем очищается от грехов всякая христианская душа, но при этом если благодарить Бога за болезни и каяться о грехах и терпеть с покорностью волю Божию.

Потерпи же и ты, и обрящешь помощь.

Послушница Лидия!

Милость Божия да будет с тобою!

Письмо твоё получил. В благих намерениях да утвердит тебя Господь и подаст сердце сокрушенно и дух смирен.

Пишешь, что усердие охладело к молитве. Что делать, потерпеть надо, к смирению нашему попускается сие. Оставлять же своё молитвенное правило бояся. Но всегда исполняй его, хочется ли или не хочется. Если когда с принуждением исполняешь, то труд сей приятен Богу, только со смирением делай всё. За терпение и за понуждение даст Господь и умиление. Когда бывает всенощная, тогда правило не исправляется.

Да укрепит Господь силы твои телесные, а наипаче душевные. Не скорби много о своём здоровье и благодари Господа за болезнь, ибо ею от грехов душа очищается.

Если и лежать будешь, и совсем обессилишь, а молитву все не оставляй, все Имя Господа помни, и Господь усладит болезни твои.

Мир тебе и Божие благословение.

Иеромонах Иосиф.

Матушка Пелагия!

Получил твоё письмо, в котором описываешь свою скорбь о том, что другим, по твоему мнению, недостойным, дают мантию, а тебе нет. Из сего вижу

желание тобою монашества не для спасения души и приобретения большого смирения, но для того, чтобы быть впереди других и величаться воскрисиим ризы своея, не помышляя о том, что есть мантия и чего ради даётся она. Это показывает, что тобою обдержит не желание спасения, а гордость. Это ещё яснее является из сего, что ты дерзнула назвать всеми уважаемого досточтимого старца — Нилкой! Имея здравый смысл, можно ли так выражаться?

Если в таком душевном устройении удастся тебе получить мантию, то будешь ты в ней, как пень в шляпе. Как бесчувственному пню никакой пользы и украшения не доставляет шляпа, так точно будет и на тебе находиться мантия, да ещё послужит к осуждению.

Мантия есть образ покаяния и смирения. И потому желая иметь её, должно утверждаться и обучаться главным образом в смирении, почитая себя не достойной сего ангельского образа, а не то что домогаться её, и притом с честолюбием, для тщеславия. А в этом надо быть уверенной, что Господь руководит начальниками нашими в деле сем, и Сам возвещает, кому дать и кому не дать. Значит, и в сем есть воля Божия, что той дали и что о. Нил помог в деле сем, и это по Божию устройению. Видно, она достойнее тебя к принятию и ношению сего Ангельского образа, достойна если не делами, которых, ты пишешь, у ней нет, и живет нерадиво, если не делами, то, должно быть, смирением, которое в очах Божиих выше всех наших исправлений. Посему-то Господь и возвестил о.

Нилу устроить её к принятию сего ига Его, которое есть благо и легко для смиренных сердцем.

Поэтому, желая и ты носить образ сей, потщися стяжать смирение в сердце своём. Считай себя не только недостойной сего чина за своё нерадение, но даже недостойной и пребывания в Святой Обители. Старайся не осуждать никого и ни за что, считай себя последней и худшей всех и никогда не полагайся на свой разум и своёмышление. Господь, видя твоё такое устройство, сподобит и тебя принять сей святой образ, который и послужит тебе ко спасению души твоей, чего тебе усердно и желаю. Предоставь сие дело и желание иметь её не происками, не просьбами кого-нибудь, но усердным исполнением монашеских дел и правил, а наипаче смирением. И тогда Господь, видя тшание твоё о спасении, подаст мысль и о тебе в сердце твоих начальников.

Призывая на тебя мир и благословение Божие, остаюсь с желанием спасения.

Пелагия!

Получил твоё письмо и убедительно советую тебе почаще на день думать и читать о смерти, о мытарствах, о муках вечных, и таким образом ты сокрушишь хотя немного озлобленное свое сердце, в которое добровольно впустила врага.

Страстные! Будем прилежно молиться и неотступно умолять Господа: ибо все бесстрастные (т. е. святые) прежде были под игом страстей, и потом уж достигли бесстрастия — и не иначе вошли в покой бесстрастия, как выдержавши

лютую брань со страстями. Хотя не все могут быть бесстрастными, однако спастись и примириться с Богом всем возможно. Покаяние выше всех добродетелей, но в надежде на милосердие Божие и на покаяние продолжать грешить не должно. Таковых внезапно похищает смерть. А согрешивши — отчаиваться не должно. «Идеже умножися грех, преизобилует благодать Его» (Римл. гл. 3, ст. 23-24).

Ангелам свойственно не падать; людям — падать и скоро вставать; а бесам никогда не восставать. Кто от случающихся падений не упадет духом, того восхвалят Ангелы как храброго воина! Ангелам бывает радость на небеси о едином грешнике кающемся, и Спаситель говорит, что Он пришел грешников спасти и что болящие требуют врача, а не здоровые. Бог судит о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения (Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 10-14). Некоторые взяли на себя труды и подвиги, чтобы получить прощение; но человек, не помнящий зла, опередил его или их, ибо истинно слово: «Отпустите мало, отпустится вам много» (Евангелие от Луки, гл. 6, ст. 37 и 1-е послание к Коринф., гл. 13, ст. 1-8, 13). Затем остаюсь при пожелании тебе здоровья и спасения душевного.

Призывая мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием.

Многогрешный иеромонах Иосиф

СОДЕРЖАНИЕ

Ибранник Божией Матери (предисловие редактора).....	5
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА	
Жизнь в миру.....	9
Благословенная Оптиная.....	29
Любимый ученик преп. Амвросия	55
Старческое служение.....	75
Братский духовник.....	133
Наставления старца Иосифа.....	155
Духовная высота смиренного Старца	167
Болезнь и праведная кончина.....	181
ЛЕЧЕБНИЦА ДУХОВНАЯ	
(ответы на вопросы)	203
УЗКИЙ ПУТЬ	
(из писем Старца)	230

Духовно-просветительское издание

**Избранник Божией Матери.
Преподобный Иосиф Оптинский:
жизнь и наставления**

Третье издание

**РЕДАКТОР Владимир Карагодин
ДИЗАЙН И ВЕРСТКА Владимир Карагодин
КОРРЕКТОР Оксана Воронина**

Подписано в печать 20.06.2022.

Формат 60х90/16. Физ. печ. л. 15

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 5000 экз. Заказ № 1152.

Отпечатано в Обществе
с ограниченной ответственностью
«Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru р-д-п.рф

«Любимче мой!» – так обращалась ко преп. Иосифу Оптинскому во время его посещения сама Царица Небесная. Поэтому и старец Амвросий всех, кто спрашивал у него о внешнем виде Божией Матери, отправлял к своему любимому ученику и преемнику по старчеству отцу Иосифу. Впрочем сам преподобный Иосиф всегда уклонялся от ответа, считая себя недостойным небесных явлений. Всё его старческое служение было покрыто ризой Богоподобного Смирения.

Настоящее издание книги подготовлено на основании многих источников, которые издала Оптиная Пустынь сразу после блаженной кончины великого старца.

ISBN 978-5-907554-33-7

9 785907 554337

СИНОПСИСЬ

КНИГОПОЧТОИ.РУ